

Такер Роберт
Сталин, Путь к
власти

Роберт Такер

Сталин. Путь к власти

Предисловие

Перефразируя известные слова Лютера, Россия могла бы сказать:

"Здесь я стою, на рубеже между старым, капиталистическим, и новым, социалистическим, миром, здесь, на этом рубеже, я объединяю усилия пролетариев Запада с усилиями крестьянства Востока для того, чтобы разгромить старый мир. Да поможет мне бог истории". (Из выступления И. В. Сталина в Баку в ноябре 1920 г.)

У биографической литературы о Сталине есть свои традиции. Авторы обычно начинают с описания Закавказья - региона, расположенного южнее Кавказского горного хребта, между Черным и Каспийским морями, как исторического места смешения народов Европы и Азии. Затем они вкратце рассказывают о Грузии и грузинском городке Гори, где в 1879 г. появился на свет мальчик Иосиф Джугашвили, позднее известный всему миру под фамилией Сталин. После этого повествование следует в хронологическом порядке.

Хотя предлагаемая книга тоже биографического жанра, она построена несколько по иному принципу, обусловленному спецификой самой темы: личность и общественно-политическая сфера. Я ставил себе целью не просто пересказать биографию конкретного лица, но и высветить ее связь с историей. Будучи жизнеописанием человека, который в зрелые годы стал таким неограниченным правителем, какой до тех пор не встречался ни в одном современном крупном государстве, эта книга может быть также названа исследованием процесса формирования диктатора и

условий, способствовавших установлению деспотического режима.

Появившиеся после смерти Сталина в 1953 г. многочисленные разоблачительные материалы не оставляли никаких сомнений относительно того, что его имя войдет в историю как символ тирании. Ставшие достоянием гласности факты неопровержимо доказывают, что Сталин был человеком с диктаторскими наклонностями. Но, к сожалению, как это часто бывает, многое, ныне очевидное, в то время не привлекло внимания. По всем признакам в партийной олигархии, которая правила Россией в первые годы Советской власти, мало кто видел в Сталине потенциального диктатора. В лице Ленина советское руководство имело сильного, но не деспотического лидера, которого окружала целая плеяда прославленных революционных деятелей рангом ниже: Лев Троцкий, Григорий Зиновьев, Лев Каменев, Николай Бухарин, Карл Радек и другие. По сравнению с ними Сталин не был столь известен вне высших партийных кругов, где многие считали его посредственной личностью, которой нечего опасаться. Сталин выдвинулся в дореволюционном большевистском движении как организатор партии, один из ее "комитетчиков", работавших в российском подполье. В ноябре 1917 г., когда партия взяла власть в свои руки, Сталин стал в ленинской республике Советов заметной фигурой, хотя еще и не лидером самого верхнего эшелона. Однако прошли какие-то пять лет, и вот он уже руководитель высшего ранга. Помимо деятельности в главных органах управления, где вырабатывалась политика, Сталин в качестве Генерального секретаря ЦК занял в партии ключевую позицию, обеспечившую ему огромное влияние в

низовых партийных организациях. И все же в высших большевистских кругах на него продолжали смотреть сверху вниз.

Все это помогает объяснить, почему руководство ничего не предприняло в связи с предостережением Ленина. В конце 1922 г. Ленин тяжело болел, и его тревожило будущее партии. К тому времени он пришел к выводу, что некоторые свойства характера Сталина - прежде всего "грубость" и склонность поддаваться в политике "озлоблению" - делали дальнейшее его пребывание на исключительно важном посту Генерального секретаря опасным. В письме (названном позднее "завещанием") Ленин рекомендовал партийному съезду заменить Сталина на посту генсека другим человеком, "более терпимым, более лояльным, более вежливым и более внимательным к товарищам, меньше капризности и т. д.". Вопрос о личных качествах, добавил он, может показаться ничтожной мелочью, однако это та мелочь, которая может приобрести решающее значение. После смерти Ленина в 1924 г. его вдова передала документ партийному руководству. Однако оно предпочло оставить совет Ленина относительно Сталина без последствий. Позднее большинство из партийных руководителей поплатилось за это решение жизнью.

Выступая в феврале 1956 г. на закрытом заседании XX съезда, Н. С. Хрущев зачитал завещание Ленина, касавшееся Сталина, и добавил: "Как показали последующие события, тревога Ленина не была напрасной". Затем он рассказал об этих "последующих событиях". Он, в частности, поведал о том, как Сталин, заполучив в 20-е годы место верховного лидера партии, в 30-е годы начал превращать олигархическую однопартийную систему в подлинную автократию, в

которой сама правящая партия была подчинена контролируемым Сталиным органам НКВД. В годы партийных чисток он организовал настоящее истребление кадров. Расстреляли или отправили в лагеря не только тех, кто раньше выступал против Сталина, но тысячи и тысячи других "врагов народа". При помощи массовых чисток и террора Сталин создал систему личной диктатуры, при которой один человек принимал все важные решения, а остальные члены руководящих органов были вынуждены только послушно поддакивать. Свою деспотическую власть Сталин использовал для самовосхваления, например втайне ото всех редактируя текст своей биографии таким образом, чтобы подчеркнуть собственное величие.

Будучи одним из ближайших помощников диктатора с начала 30-х годов и до его кончины и основываясь на личном опыте, Хрущев в докладе на закрытом заседании XX съезду подробно охарактеризовал личные качества Сталина. Он говорил о нетерпимости Сталина к критике и инакомыслию, о готовности обречь на страдания и смерть любого человека, которого ему случалось принять за "врага", о его крайней мнительности и подозрительности, о жажде похвалы и славы, а также о том, что ему повсюду мерещились заговоры. Указывая на "отрицательные качества" Сталина, Хрущев отметил, что они "все более развивались и за последние годы приобрели совершенно нетерпимый характер". Короче говоря, он нарисовал классический портрет тирана - портрет, пополнившийся с тех пор новыми штрихами, которые добавили самые разные люди, во многих случаях также исходившие из личного опыта. К ним относятся: руководители партии; генералы, служившие под его началом во время второй мировой войны;

советские журналисты и писатели; старые большевики, пережившие лагеря и оставившие свои мемуары; видный югославский политический деятель Милован Джилас, встречавшийся со Сталиным в 40-е годы; дочь диктатора Светлана воспоминания которой тем более ценны, поскольку написаны непосредственно членом семьи; историк Рой Медведев, включивший новые биографические данные в свою книгу о Сталине "К суду истории".

Однако еще предстоит в более полной мере изучить весь доступный ныне богатый материал. Пока же исследователи едва приступили к анализу личности Сталина и тех психологических мотиваций, которые побуждали его с помощью чисток и террора добиваться неограниченной, автократической власти. Еще недостаточно изучен сложный механизм взаимодействия этих психологических мотиваций с политическими целями и идеями Сталина. Не уделялось должного внимания и проблеме формирования политического облика Сталина в юности, хотя относящиеся к делу многочисленные факты давно были под рукой. Что сделало его марксистом? Почему он бросил духовную семинарию в 20-летнем возрасте и избрал карьеру революционера? Отчего стал большевиком, сторонником Ленина, в то время как большинство грузинских марксистов предпочли меньшевизм? Каковы были его личные цели в революционном движении? Все эти вопросы остаются открытыми. Но на них важно получить ответ, если мы хотим лучше понять поступки зрелого Сталина.

Такие ведущие психологи нашего века, как Карен Хорни и Эрик Эриксон (не говоря уж об их предшественнике Зигмунде Фрейде), стремились к

глубокому проникновению в эволюционирующую природу личности. Особенности характера и мотивация не являются неизменными качествами. Они развиваются и меняются в течение всей жизни, в которой обычно присутствуют и критические моменты, и определяющие будущее решения. Более того, сформированная в юности индивидуальность, или (по выражению Эриксона) "психосоциальная идентичность" обладает перспективным, или программным, измерением. Она содержит не только ощущение индивидуума, кто и что он есть, но также его цели, четкие или зачаточные представления относительно того, чего он должен, может и сумеет достичь. Поэтому более поздние жизненные переживания не могут не оставить глубокого следа на его личности. Осуществление или неосуществление внутреннего жизненного сценария обязательно влияет на отношение индивидуума к самому себе, и именно это отношение и составляет основу личности. Более того, успех или неуспех жизненного сценария не может не влиять на взаимоотношения человека с другими, важными для него людьми и, следовательно, на его и их жизнь вообще.

Все вышесказанное одинаково применимо и к тем, кто становятся диктаторами, и к тем, кто - нет. Поэтому, исследуя подобную биографию, нужно изучить стремления индивидуума в годы его становления и затем попытаться раскрыть отношение данного индивидуума, достигшего среднего возраста, к уже прожитой им части жизни.

Следовательно, говоря о "диктаторской личности", я не имею в виду какой-то гипотетический психологический синдром, который появляется у индивидуума в ранние годы и функционирует потом без

изменений. Подобная точка зрения противоречила бы концепции эволюционирующей личности, а также фактам рассматриваемого нами классического случая. У молодого Сталина уже можно заметить задатки будущего тирана. Однако в то время его личность как личность диктатора еще полностью не сформировалась. Данное обстоятельство помогает понять, почему в начале 20-х годов, когда Сталину едва перевалило за сорок, многие окружавшие его люди оказались не в состоянии увидеть надвигающуюся опасность. Также не следует думать, что сам Сталин, и в тот момент, и раньше, твердо нацелился на диктаторство. Нельзя с уверенностью утверждать, что он стремился стать тираном. По всем признакам Сталин жаждал политической власти, а с нею и роли признанного вождя большевистского движения, второго Ленина. Теперь ему хотелось стать преемником, так же как в период возмужания хотелось стать ближайшим соратником того человека, который в ранние годы служил для него моделью и прообразом. Сталин страстно желал войти, подобно Ленину, в историю в качестве героя. Естественно, что при осуществлении данного жизненного сценария свои роли предстояло сыграть многим людям, и прежде всего тем, кто назывался большевиком.

Отсюда вытекает, что в подобном исследовании нужно рассматривать как самого индивидуума, в котором заложена вероятность появления диктатора, так и внешние условия, а также их взаимовлияние. Следует учитывать исторические факторы, включая и ту роль, которую индивидуум ставит себе целью занять. Большевики по доброй воле признали и даже чтили Ленина как своего вождя. Его особое положение в партии не регулировалось законодательно, подобно

американскому президентству. Он, по существу, выполнял роль неформального лидера. И тем не менее в партийной практике и в коллективном сознании, т. е. в том, что сегодня назвали бы политической культурой, роли Ленина отводилось вполне определенное и чрезвычайно важное место. Роль Ленина в партии обрела свои конкретные черты за четверть века существования большевизма как революционного движения, которое он создал и направлял. Поэтому предлагаемое исследование начинается с попытки описать заново природу этого движения и роль Ленина как его руководителя.

Основная тема данного тома - Сталин до 1929 г., когда он завершил свой долгий путь к политическому верховенству и добился от партии признания в качестве преемника Ленина. Однако я не всегда придерживался хронологической последовательности, считая себя вправе привести факты и эпизоды более поздних лет, если они имели существенное значение для освещения интересующих нас вопросов, и опустить некоторые темы 20-х годов (например, развитие сталинской концепции внешней политики), чтобы рассмотреть их в связи с деятельностью Сталина в 30-е годы.

Новая биографическая форма, которую Эрикссон назвал "психоисторией", открывает заманчивые перспективы, но и таит в себе определенные опасности. Одна из них состоит в том, что, уделяя чрезмерное внимание личности лидера, можно нарисовать слишком однобокую картину той роли, которую данный фактор играл, оказывая влияние на направление или темпы исторического развития. В таком исследовании недостаточно систематически и углубленно изучать саму личность лидера. Нужно также вскрыть связи и взаимодействия личности с социальным окружением и

политической ситуацией, которые тогда позволяют личностному фактору обрести историческую значимость.

В рассматриваемом нами случае объяснение причин прихода Сталина к власти и его деспотизма кроется как в характере Сталина, так и в характере большевизма, как политического движения, в характере той исторической ситуации, в которой оказалась Советская власть в 20-е годы, в характере самой России - страны с традицией самодержавного правления и примирением народа с фактом такого правления. Но, только уяснив сложное взаимное переплетение всех этих факторов, мы окажемся в состоянии понять, почему так получилось, что личные качества (как верно, но слишком поздно предсказал Ленин) оказались мелочью решающего значения.

1.

Русский пролог

"Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает"[2]. Внешняя политика, например, определялась исключительно царем и министром иностранных дел или каким-либо другим лицом, с которым царь считал нужным проконсультироваться. Правительство как таковое не только не решало вопросов внешней политики, но даже и не обсуждало их. По словам Горчакова, одного из министров иностранных дел России XIX века: "В России есть только два человека, которые знают политику русского кабинета: император, который ее делает, и я, который ее подготавливаю и выполняю". Характеризуя собственную роль, Горчаков говорил, что "он только губка, которая впитывает в себя высочайшие указания"[4]. Если сегодня дать стране конституцию, заметил он по другому случаю, то завтра Россия распадется. По иронии судьбы, в тот самый момент, когда Александр II пересмотрел свои взгляды и готовился в 1881 г. даровать стране парламентскую хартию, он был убит революционерами. Этот террористический акт ознаменовал начало периода жестокой реакции и репрессий, характерных для правления Александра III. Потребовалась революция 1905 г., чтобы вырвать у несговорчивой царской власти конституционные свободы. Политические партии получили право на легальное существование, и появился в основном избираемый национальный парламент - Государственная дума. Но и тогда Николай II пытался, по-прежнему неумело и неэффективно, выступать в роли

"неограниченного монарха", которого Основные законы провозгласили самодержавным императором Всероссийским. Подлинный парламентский государственный порядок так и не сложился, царизм сохранил свои позиции, чтобы быть сметенным революционным ураганом, который пронесся над русской землей в 1917 г.

Но даже народное восстание подобного размаха не в состоянии полностью все переменить. Ведь и в любой новой политической системе продолжают присутствовать, например, такие глубоко укоренившиеся элементы старой политической культуры, как отношение населения к правительству. Сотни лет царского самодержавия с его официальным культом правителя постепенно сформировали у значительной части простого народа, и особенно у крестьян, монархический склад ума. А гибель, уничтожение и бегство за границу в революционные годы многих представителей и без того немногочисленных высших и средних слоев населения позволили классу крестьян приобрести еще больший вес. Следует добавить, что промышленные рабочие, количество которых быстро возросло во второй половине XIX века (когда индустриализация в России набрала темп), во многих случаях сохранили тесные связи с родной деревней.

"Без царя - земля вдова", "без царя народ сирота". В этих пословицах нашел свое отражение миф о царе-батюшке. По-разному эту же самую мысль передают многие другие старые русские пословицы и поговорки ("Бог знает да царь", "Все во власти Божьей да государевой", "Богом да царем Россия сильна")[6].

Крупные народные бунты, которые время от времени сотрясали Россию на протяжении всей ее истории, свидетельствуют, что даже в самые мятежные периоды крестьянин обычно сохранял лояльность по отношению к царю или, во всяком случае, к идее царского правления. Известны восстания под руководством Ивана Болотникова и других крестьянских вождей в смутное время (1605-1613), бунт Степана Разина (1667-1671). Через столетие, во время царствования Екатерины II, вспыхнуло восстание под предводительством Емельяна Пугачева. Чернявский говорит о "царецентризме" этих повстанческих движений, подчеркивая тем самым тот факт, что они были направлены против помещиков и государственных чиновников, но под царским знаменем[8] призвали войска к выступлению от имени предполагаемого "истинного царя" великого князя Константина. История сохранила для нас и другие поучительные примеры. Когда в 70-е годы прошлого столетия представители радикальной интеллигенции "пошли в народ" и стали проповедовать крестьянам социализм в антимонархическом духе, последние заявили о многих из них в полицию. Таким образом, отсутствие в социалистической пропаганде молодых образованных радикалов идеи монарха помогает объяснить негативное отношение крестьянства к народникам. Положение изменилось лишь на рубеже нового столетия. К тому времени русские крестьяне, а также рабочие - выходцы из крестьян стали более восприимчивыми к революционной пропаганде немонархического характера.

Примечательно, что и в рассуждениях интеллигенции на первых порах присутствовали определенные монархические тенденции, несмотря на то

что для нее было характерно довольно прохладное отношение к царизму. Эта тонкая прослойка критически мыслящих русских первоначально состояла из получивших образование отпрысков земельной аристократии. Однако уже к середине XIX века в нее стало вливаться все большее число разночинцев из числа тех немногих, которым посчастливилось получить высшее образование, Их волновал прежде всего "социальный вопрос", который до указа об освобождении 1861 г. в основном сводился к проблеме отмены крепостного права; но и здесь некоторые представители интеллигенции возлагали свои надежды на монархию как организатора этой важной реформы. Почему бы прогрессивному царю не отменить крепостное право, действуя сверху вопреки сопротивлению крепостников, которых Александр Герцен - выдающийся представитель интеллигенции 40-х и 50-х годов XIX столетия - назвал "плантаторами"? Таким образом, аболиционистски настроенная интеллигенция вместе с либеральными представителями русского общества из среды государственных служащих отдавала предпочтение не конституционной программе, осуществление которой, по их мнению, лишь усилило бы политическое влияние землевладельцев, а идее прогрессивного самодержавия. Виссарион Белинский, прогрессивный литературный критик и мыслитель 40-х годов, колебался между надеждой на всеобщее восстание крепостных крестьян и упованием на диктатуру царя, действующего во благо народа и против знати[10].

Проживавший в эмиграции в Западной Европе Герцен мыслил в том же направлении. Революция 1848 г. во Франции рассеяла его иллюзии и побудила пересмотреть прежнее увлечение Западом. Исходя из

старого славянофильского представления о русских как о "социальном народе", он выдвинул идею о том, что русский крестьянин - это инстинктивный социалист, что мир (традиционная деревенская община в России) - это ядро будущего русского социалистического общества. Если, дескать, во Франции человеком будущего являлся работник, то в России человек будущего - мужик. И быть может, рассуждал он, именно экономически отсталой, еще не вступившей на капиталистический путь развития, но сохранившей старинные деревенские общины России предопределено самой судьбой повести весь славянский мир к социализму[13].

Представление о "якобинце Романове", осуществляющем из Санкт-Петербурга социалистические преобразования в России, было абсолютно утопическим, и радикалам со всей очевидностью пришлось бы испытать разочарование даже в том случае, если положения земельной реформы 1861 г. не оказались бы такими неудовлетворительными и не повлекли бы за собой серьезные крестьянские волнения. Последнее обстоятельство, однако, дало толчок росту революционного народничества 60-х годов, объявившего войну казенной России и видевшего в Александре II, которого сам Герцен раньше назвал "царем-освободителем", главного врага русского народа. Чернышевский и других революционные народники, отказавшись от всяких надежд на народного царя и прогрессивную автократию, стали утверждать, что российский монарх - это только верхушка аристократической иерархии и чем скорее она "погибнет", тем лучше. Серно-Соловьевич, например, стал одним из создателей революционного тайного общества "Земля и воля", предтечи организации

"Народная воля", члены которой в конце концов убили Александра II. Перелом в умонастроениях нашел наиболее четкое отражение в прокламации студента Каракозова, в которой он разъяснял причины покушения (правда, неудачного) на царя в 1866 г. Русская история, говорилось в ней, показывает, что лицом, действительно виновным во всех страданиях народа, является не кто иной, как сам царь. Каракозов, в частности, писал: "Цари завели себе чиновников... и постоянное войско. Назвали их (чиновников) дворянами... и начали им раздавать земли... Сообразите это, братцы... и вы увидите, что царь есть самый главный из помещиков, никогда он не потянет на мужицкую руку, потому - он самый сильный недруг простого народа"[15]. Неудивительно, что в сложившихся условиях определенная часть интеллигенции оказалась восприимчивой к идеологии пролетарской социалистической революции, которую пропагандировали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. К этому времени в ряде европейских стран уже существовали социал-демократические партии, исповедовавшие марксизм и действовавшие от имени промышленного пролетариата, своей главной опоры. В 1883 г. ставший марксистом народник Плеханов основал в Женеве, где он в то время проживал, группу "Освобождение труда" и тем самым положил начало русскому марксизму как организованному движению.

Первоначальным импульсом движения, наставником и организатором которого стал Плеханов, были поиски новых путей в русской революционной политике. В основу легли направленные против народничества труды Плеханова "Социализм и политическая борьба" и "Наши разногласия". В них он обрушился на "русских якобинцев". По его словам, концепция захвата власти

тайной заговорщицкой организацией представляла собою "фантастический элемент" программы "Народной воли". Вызывала возражение уже сама идея "временного революционного правительства", выполняющего роль опекуна в отношении народа, который строит социалистическое общество. Диктатура революционной партии была ненужной и нежелательной; рабочие-де не захотят одну форму надзора заменить другой, и им не понадобятся наставники, когда они в будущем окончат революционную школу политического самовоспитания. Вместе с тем преждевременный захват власти какой-либо организацией вроде "Народной воли" (даже если предположить, что это осуществимо) неизбежно закончился бы крахом из-за отсутствия достаточной поддержки народа. А если такое правительство сохранило бы власть и попыталось бы ввести социализм сверху с помощью декретов, то результатом был бы "патриархальный и авторитарный коммунизм" или "перувианский (то есть иерархический и авторитарный) коммунизм". Поэтому революционному движению следовало отказаться от идей захвата власти в результате заговора и также от изобретения "социальных экспериментов и вивисекций" над русским народом с помощью диктатуры какой-либо революционной партии[17].

Вскоре после поступления осенью 1887 г. на юридический факультет Казанского университета Владимира исключили за участие в студенческой сходке. Затем полиция выслала его в имение дедушки, расположенное в Казанской губернии. В конце 1888 г. Владимир получил разрешение на проживание в Казани, куда к нему перебрались мать, сестры и младший брат. Через год семья переехала еще дальше вниз по Волге в

Самару (ныне Куйбышев). В 1891 г. он сдал экстерном экзамены за юридический факультет Петербургского университета и затем недолго работал в Самаре помощником присяжного поверенного. В течение всего этого времени, однако, его целиком занимала и являлась предметом его читательского интереса вовсе не юриспруденция, а революция. Среди книг, в которые он погрузился с головой, были труды народников 60-х и 70-х годов. К любимым произведениям Александра, а теперь и Владимира, принадлежал социальный роман "Что делать?", который Чернышевский написал в 1862 г. в заточении в Петропавловской крепости в Петербурге.

В галерее портретов радикально настроенных мужчин и женщин, описанных в романе, особо выделяется легендарная личность Рахметова. По воле автора, он происходил из помещичьей семьи древнейшей аристократической фамилии. Вскоре после приезда в 16-летнем возрасте в Петербург для учебы в университете Рахметов, встретившись с молодым человеком радикальных взглядов, в корне меняется и всю дальнейшую жизнь посвящает делу революции. Он необычайно много читает. Путешествуя по Западной Европе, настаивает на передаче большей части унаследованного состояния выдающемуся, но бедному мыслителю и создателю новой философии ("какому-то немцу"). Занимаясь гимнастикой, соблюдая специальную диету (ветчина и черный хлеб) и даже работая бурлаком на Волге во время скитаний по России, он развивает в себе огромную физическую силу. Живет аскетически, не употребляет вина и отвергает любовь молодой женщины, на которой, возможно, охотно женился бы. Однажды он испытывает свою способность переносить боль, проведя ночь на ложе из острых гвоздей. О Рахметове и людях,

подобных ему, Чернышевский писал: "Мало их, но ими расцветает жизнь всех; без них она заглохла бы, прокисла бы; мало их, но они дают всем людям дышать, без них люди задохнулись бы. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало; но они в ней - теин в чаю, букет в благородном вине, от них ее сила и аромат; это цвет лучших людей, это двигатели двигателей, это соль соли земли".

Роман служил источником вдохновения нескольким поколениям русских радикалов. То, что роман вдохновил и Владимира Ульянова, подтверждается, помимо прочего, еще и тем фактом, что написанное им в 1902 г. революционное произведение - пожалуй, одно из наиболее исторически значимых - он озаглавил "Что делать?". Беседуя с друзьями в январе 1904 г. в одном из женевских кафе, Ленин подтвердил, что поступил так, памятуя о романе Чернышевского. Он с возмущением реагировал на пренебрежительный отзыв о художественных достоинствах романа и признал, что произведение оказало на него огромное влияние, особенно при повторном прочтении после казни брата. Ленин, в частности, сказал: "Он (роман) увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепаял. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь". Затем Ленин добавил: "Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления"[19].

Многое можно сказать в пользу такой точки зрения. Хотя Ленин вначале и принял идею Плеханова о двух фазах революции в России, его мысль, однако, постоянно двигалась в направлении безотлагательного создания диктатуры революционной партии в целях преобразования российского общества на социалистических принципах, - той самой диктатуры, которую он учредил в 1917 г. Так, в 1905 г. Ленин выступил против меньшевистской тактики поддержки либералов в буржуазно-демократической революции, направленной на свержение царизма и придерживался плана слияния обеих фаз революции под "демократической диктатурой пролетариата и крестьянства"[21]. Следовательно, партия, захватив власть и управляя как диктатор в интересах построения социалистического общества в России, ни в коем случае не погрешила бы против марксизма. Таков был практический вывод, который проступал сквозь строки ленинского, на первый взгляд чисто теоретического сочинения, содержащего марксистскую концепцию государства

Революционная душа, которую Ленин вновь вдохнул в марксизм, была душой сугубо русской. Безусловно, учение о диктатуре пролетариата имеет важное значение в классическом марксизме. Правда, впоследствии марксисты социал-демократического толка, включая самого Энгельса (в конце своей жизни), предпочитали несколько преуменьшить значение этого учения. Но это учение не занимало того центрального места, которое отводил ему в марксизме Ленин. И диктатура пролетариата, которую имели в виду Маркс и Энгельс, не была диктатурой революционной партии, действующей в интересах пролетариата. Они вовсе не считали, что

взявшим власть трудящимся для строительства новой жизни на социалистических принципах потребует партия в качестве "учителя, руководителя, вождя". Возвышение диктатуры пролетариата до "сути" марксизма (как позднее сделал Ленин.

Примечания

1 Пророческие слова, приписываемые Емельяну Пугачеву, казненному предводителю крестьянского восстания, которое в 1773 1775 гг. охватило Поволжье и было подавлено властями. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1950, т. 9, ч. 1, с. 78).

3 Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка, 1859 - 1862. Прага, 1925, с. 39.

5 Даль В., Пословицы и поговорки русского народа. В 2-х тт. Т. 1. М., 1984, с. 189 - 191.

7 Chernavsky M. Tsar and People: Studies in Russian Ruler Myths. New Haven, 1961, p. 70.

9 Venturi Franco. Roots of Revolution. A History of the Populist and Socialist Movements in Nineteenth Century Russia. N. Y., 1960, p. 49.

11 Относительно подобных суждений см. статью "Русский народ и социализм" в: Герцен А. И. Избранные философские произведения. М., 1946, т. 2, с. 128 - 159. О самом Герцене и его взглядах см.: Malia Martin. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Cambr., 1961. В начале 40-х годов Герцен являлся одним из главных участников дискуссий, которые велись в кругах

московской интеллигенции между "западниками" (к ним принадлежал Герцен) и "славянофилами", видевшими в европеизации России трагическое разрушение древней русской культуры, основанной на русском православном христианстве и деревенской общине. Об этом см.: Hare. R. Pioneers..., ch. I - IV.

13 "Голоса из России". М., 1974, вып. 2, кн. 5, с. 32.

15 Keep J. L. H. The Rise of Social Democracy in Russia. L., 1963, p. 6. В 1897 году население России насчитывало 129 миллионов человек. Крестьянство составляло 4/5 от общего числа.

17 Это вовсе не означает, что побудительные мотивы его дальнейшей жизни можно свести к столь простой формуле. Относительно реакции В.Ульянова на казнь Александра см.: Wolfe Bertram D. Three Who made a Revolution. Boston, 1948, p. 65 - 66. Об отношениях между братьями в детские годы, столкновениях их характеров см.: Valentinov Nikolai (Volsky N. V.) The Early Years of Lenin (Ann Arbor, 1969), p. 118 - 122. О преклонении Владимира перед казненным героем-братом см.: Fisher Louis. The Life of Lenin. N.Y., 1964, p. 17. Фишер убедительно показывает, что потрясение и возмущение Владимира, вызванное случившимся с Александром, усилило сожаление, что он не был близок со своим героем-братом. Более поздние исследования, проливающие свет на ранние годы жизни Ленина, см.: Theen Rolf H. W. Lenin: Genesis and Development of a Revolutionary. Philadelphia, 1973.

19 Валентинов Н. Встречи с Лениным, с. 117.

21 Ленин В. И. Там же., т. 33, с. 26.

2.

2

Среди тех, кого он встретил в марксистских кружках столицы, были два будущих оппонента-меньшевика, Юлий Мартов и Александр Потресов. Здесь он также познакомился с будущей женой Надеждой Крупской, молодой дворянкой, служащей управления железной дороги, свободное время посвящавшей пропаганде социалистических идей среди рабочих.

В начале 1895 г. Ульянов на четыре месяца выезжал за границу, в том числе в Швейцарию, где познакомился с Плехановым и его соратником П. Б. Аксельродом, на которых произвел сильное впечатление. Вернувшись, он вместе с Мартовым (и некоторыми другими) создал в Петербурге "Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Подобная революционная деятельность послужила причиной его (и Мартова) ареста в конце 1895 г. После годичного пребывания в тюрьме в Петербурге его сослали на три года в Восточную Сибирь. Туда в 1898 г. к нему приехала Крупская, и они поженились[3]. Критическая работа под названием "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?" с июля по ноябрь 1894 г. выдержала три гектографических и семь "печатных" изданий[5].

Главным трудом Ленина, направленным против подобных взглядов, стала книга "Развитие капитализма в России", написанная во время ссылки в Сибири с использованием справочной литературы из библиотек, которые он имел возможность посетить по пути к месту

ссылки, а также материалов, привезенных Крупской или присланных по почте сестрой. В этой работе предпринималась попытка на марксистский манер доказать несостоятельность позиции народников и с помощью статистических выкладок показать, что капитализм в России, который, невзирая на его болезненные последствия, является исторически "прогрессивным", уже подорвал старую систему хозяйствования даже в деревне. "Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка, - писал Ленин, - стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка"[7]. Очевидно, с помощью подобных рассуждений Ленин примирил собственное стойкое неприятие народничества своего времени с неизменной убежденностью в том, что марксистской партии следует многому учиться на опыте домарксовых русских революционных традиций. Он только не называл их народническими.

Политические сочинения Ленина на рубеже столетий ознаменовали возникновение ленинизма (термин, который сам он никогда не употреблял), соединившего русское революционное наследие с марксизмом. Первостепенное значение в этом течении отводилось практической стороне дела - программе организации и тактике. Он подчеркнул это в первой работе, изданной под фамилией Ленин, - брошюре "Задачи русских социал-демократов", написанной в 1897 г. в Сибири и опубликованной в обход цензуры за границей. Правда, в ней он выступил против жившего за рубежом видного деятеля народнического движения 60-х годов Петра Лаврова, который незадолго до того выразил неверие в возможность создания в России

рабочей партии без организации "политического заговора против абсолютизма" в традициях "Народной воли". Уважительно назвав Лаврова "ветераном революционной теории", Ленин отверг идею ограничения революционной политической борьбы только заговорщицкой деятельностью небольших групп, нацеленных на захват власти. Борьба с самодержавием, заявил он, заключается не в организации заговоров, а в воспитании, дисциплинировании рабочих, пропагандистской и агитационной работе среди рабочих. Но Ленин хорошо понимал, что такой подход в какой-то мере представлял собой часть наследия народников. То же самое можно сказать о его определении "абсолютизма" как главного врага. После констатации того факта, что бюрократия ("особый слой лиц, специализировавшийся на управлении и поставленный в привилегированное положение перед народом") существует повсюду, он отметил, что нигде этот институт не действовал так бесконтрольно, как в "абсолютистской, полуазиатской России". Следовательно, против "всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего чиновничества"[9].

В редакционной статье первого номера газеты "Искра", напечатанной в декабре 1900 г., Ленин вновь подчеркнул важное значение практических организационных вопросов и добавил: "Мы сильно отстали в этом отношении от старых деятелей русского революционного движения". По его словам, партии следовало учесть этот недостаток и направить свои силы на отработку вопросов конспирации, на систематическую пропаганду правил конспиративного поведения и на подготовку людей, решивших посвятить революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь"[11],

небольшие различия отражали принципиальные расхождения. Ленин занял "твердую", а Мартов "мягкую" позицию. Сначала Мартов имел на своей стороне большинство, но утратил его в связи с тем, что съезд покинули делегаты "Всеобщего еврейского рабочего союза" (Бунд) и небольшие группы сочувствующих. (Этот союз, основанный в 1897 г. и представлявший интересы рабочих-евреев Литвы, Польши и России, присоединился к РСДРП на учредительном съезде в 1898 г., но затем вышел из нее). В результате Ленин и его сторонники вошли в историю как большевики, а их противники - как меньшевики.

Большевизм. Начальный этап

После съезда, по мере осознания сторонами всей глубины разногласий из-за ленинской централистской концепции революционной партии, трещина между ними стала расширяться. Плеханов, присоединившийся к антиленинскому лагерю Мартова, Аксельрода, Троцкого и других, выразил сомнение относительно истинности марксизма Ленина, проведя параллель между ним и Бакуниным, также проповедовавшим централизм[13]. Вскоре в результате трений между сторонниками "твердого" и "мягкого" курса возникли две фракции. В течение нескольких лет немирного фракционного сосуществования предпринимались усилия, в том числе и Троцким, направленные на объединение. Окончательный раскол официально произошел в 1912 г., когда по инициативе Ленина в Праге открылась общепартийная большевистская конференция, на которой его фракция

конституировалась как Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков).

Рожденная в борьбе первоизданная партия (русских марксистов) скончалась в расколе. Но факты, приведенные выше, не могут в полной мере объяснить причины возникновения большевизма как политического течения. В основе раскола на II съезде лежал организационный план Ленина, изложенный им перед съездом в специальной брошюре, которую он пообещал еще в статье "С чего начать?". Отпечатанную в Штутгарте в мае 1902 г. брошюру "Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения" переслали в Россию по обычным тайным каналам, и вскоре она разошлась среди марксистов по всей стране. В 1902-1903 гг. ее копии находили при обысках у социал-демократов, арестованных в Петербурге, Москве, Киеве, Нижнем Новгороде, Казани, Одессе. Реакция на брошюру была бурной.

В ту пору марксистское движение в России испытывало серьезные внутренние сложности. Как заметил Ленин в своей брошюре, это движение вступило в период "разброда, распада, шатания". Шатание привело к появлению "экономизма", одного из направлений марксистской идеологии, представители которого считали революционную борьбу за социалистические цели в отсталой России преждевременной и поэтому полагали, что русские марксисты должны пока сосредоточить свое внимание на помощи рабочим в их борьбе за экономические блага. Это, конечно, совсем не устраивало воинствующих марксистов прямо-таки горевших желанием взяться за политическую задачу свержения самодержавия. Отказаться в обозримом будущем от активных

политических действий было для них совершенно немыслимо. Поэтому в существовавшей тогда атмосфере колебаний и сомнений они оказались особенно восприимчивыми к идеям политической борьбы в страстном послании "Что делать?" с его революционной верой и надеждой.

Каждая страница брошюры дышала жгучей ненавистью к "позору и проклятию России", как Ленин называл царское самодержавие. В ней высмеивались те деятели из марксистов, которые плелись в хвосте рабочего движения, вместо того чтобы шагать впереди и указывать путь. Ленин призывал марксистов создать "новую гвардию", под руководством которой русская социал-демократия вышла бы из кризиса окрепшей и возмужавшей. От этого произведения веяло духом революционного волюнтаризма, уверенности в способность небольшой, но хорошо организованной группы революционеров-марксистов развернуть в русском обществе массовое оппозиционное движение и привести его к победе над казавшимся неуязвимым царским режимом. Но самое главное, брошюра ясно и четко разъясняла, что нужно сделать для достижения поставленных целей, и, таким образом, указывала русским марксистам путь от революционной фразы к революционному действию, ставила перед ними конкретные задачи и обеспечивала практической программой.

В первую очередь следовало создать подлинную революционную партийную организацию, отвечающую специфическим условиям России. Как бы желая подчеркнуть, что его план вобрал в себя традиции народничества, Ленин посвятил несколько ярких строк "превосходной организации, которая была у

революционеров 70-х годов и которая нам всем должна была бы служить образцом". Он доказывал, что русская марксистская партия, в отличие от подобных партий в Германии и других более свободных странах Запада, не должна стремиться к массовому вовлечению рабочих в свои ряды, а стараться установить связь с массами трудящихся, другими недовольными членами общества через пронизанные партийцами профессиональные союзы, рабочие кружки самообразования и аналогичные промежуточные организации. Чтобы отвечать нуждам конспиративной работы в условиях самодержавного полицейского государства, партия должна была состоять главным образом из лиц, обученных искусству революционной борьбы и готовых сделать ее своей профессией. Бесспорно, именно эта мысль лежала в основе ленинской редакции статьи 1-й Устава, обсуждавшегося на II съезде партии. Различия в определениях члена партии, предложенных Лениным и Мартовым, были predetermined различиями в концепциях самой партии. Но до конца логически продуманной оказалась лишь одна концепция - ленинская.

Ближайшая важнейшая задача партии сводилась, по существу, к вербовке сторонников. Чтобы противодействовать стихийному влечению рабочих к "сознанию тред-юнионистскому", связанному с надеждой на достижение классовых целей через реформу государственного устройства, члены марксистской партии должны были идти в массы рабочих, другие недовольные слои населения с проповедью революционного "социал-демократического сознания". Концентрируя миссионерскую деятельность в различных промежуточных непартийных организациях, им

следовало проповедовать марксистское революционное слово то есть вести "пропаганду" идей Маркса, а также "агитацию", иными словами, разбирать с марксистских позиций конкретные случаи проявления несправедливости. Для координации этих усилий и создания общенационального форума для протестов и политических разоблачений партии требовался "коллективный пропагандист и агитатор" в лице общерусской революционной газеты, издающейся за границей и распространяемой нелегально по всей России членами партии. Предполагалось, что пробуждающийся народ будет поставлять все больше и больше участников массового антимонархического движения, которое в конце концов, после серии революционных взрывов, сменяемых периодами относительного затишья, свергнет самодержавие в ходе всенародного вооруженного восстания.

Брошюру буквально пронизывала мысль о том, что лидерство необходимо для успеха революции. Партии как руководящей организации предстояло сыграть ключевую роль в осуществлении политической революции, обеспечивая массы идеологическими ориентирами и направляя революционное движение. Переиначив Архимедово изречение, Ленин заявил: "Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию!" Если классический марксизм провозгласил надвигающуюся мировую пролетарскую революцию, то ленинизм (в Советском Союзе после смерти Ленина стал употребляться термин "марксизм-ленинизм") исходил из того, что пролетарская революция возможна только под руководством партии. Помимо этого, ленинизм отстаивал еще один тезис: лидерство должно нести в себе героический дух. Чтобы

перевернуть всю Россию, в партию должны входить революционеры особого склада. За идеал социал-демократам следовало брать не секретаря тред-юнионов, а "народного трибуна, умеющего откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета". Эти "трибуны" должны были быть готовыми к великим революционным подвигам. Желая показать, какие "чудеса" может творить отдельная личность в революционном деле, Ленин упомянул вождя немецкой социал-демократии Бебеля, а также известных русских революционеров-народников Алексеева, Мышкина, Халтурина, Желябова. Затем он спрашивал: "Или вы думаете, что в нашем движении не может быть таких корифеев, которые были в 70-х годах?" Предсказав, что "социал-демократические Желябовы" и "русские Бебели" выйдут вперед и поднимут весь народ на расправу с царизмом, он заявил: "Именно теперь русский революционер, руководимый истинно передовой теорией, опираясь на истинно, революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец наконец! - выпрямиться во весь рост и развернуть все свои богатырские силы"[16]. Таковой стала общая позиция русских марксистов.

Хотя Ленин прямо и не выступал против подобной интерпретации, его собственная точка зрения была в корне иной. Тот роман, заголовок которого он заимствовал для своего революционного плана, можно было бы с полным правом считать драматическим изложением философии революции Лаврова, а Ленина автора "Что делать?" - назвать марксистским Лавровым. Ибо и Ленин верил, что победа возможна только при наличии организованности, он тоже хотел создать партию борьбы за перемены, чье влияние будет

распространяться концентрическими кругами от ядра из преданных делу, энергичных и просвещенных вождей - в данном случае вождей, овладевших марксистской теорией. И он считал социальные болезни великой, отсталой, бюрократической и плохо управлявшейся Российской Империи источником физических страданий, которые позволили бы партии героев собрать под свои знамена массы сторонников. Несмотря на искреннюю и горячую приверженность марксизму, Ленин был настолько прототипом русского радикального интеллигента, настолько пропитан русскими революционными доктринами 60-х и 70-х годов, что его революционный план имел поразительное структурное сходство с планом, предложенным в "Исторических записках". И подобно тому плану был принят некоторыми за непреложную истину.

Если вдуматься, манера аргументации Ленина должна была представляться Плеханову немарксистской. В плехановском мышлении не оставалось места для особой веры в способность социал-демократических Рахметовых творить чудеса в революционном деле и тем самым делать историю. Не удивительно, что Плеханов обвинил Ленина в возрождении старой теории народников о героях и толпе. Единственное отличие состояло якобы в том, что революционные герои Ленина должны были вести не крестьянскую, а пролетарскую толпу. Запоздалую критику книги "Что делать?" Плеханов объяснил тем, что только после II съезда ему стало ясно, какое "огромное влияние" данная брошюра оказывает на практических работников партии и в какой степени это влияние есть следствие содержащихся в ней ошибок. Плеханов заметил, что "Ленин написал для наших практиков катехизис, не теоретический, а практический,

за это многие из них прониклись благоговейным уважением к нему и провозгласили социал-демократическим Солоном"[18]. Валентинов, тогда член кружка молодых социал-демократов в Киеве, вспоминал, что вся группа с величайшим энтузиазмом приветствовала выход в свет труда "Что делать?", увидев в Ленине бесспорного кандидата на пост руководителя партии, которого следовало избрать на предстоящем II съезде. Валентинов также помнил, какой восприимчивой оказалась группа к ленинской мысли об индивидуальном революционном героизме[20].

Принято считать, что большевизм как самостоятельное течение внутри русской социал-демократии возник в 1903 г. Но как уже указывалось выше, его появление нельзя в полной мере объяснить лишь тем расколом, в результате которого он получил свое название. Изначальный импульс большевизму дала и, по существу, вдохнула в него жизнь вовсе не ссора на II съезде, а выход в свет труда "Что делать?". Еще до его появления Ленин уже являлся автором широко известных сочинений и политическим деятелем, с которым считались в кругах русских марксистов. Но именно вдохновляющая сила брошюры, написанной в 1902 г., возвысила его в глазах многих, сделав центральной фигурой большевистского движения. Помимо убедительности идей Ленина на умы некоторых из его современников, все это свидетельствовало также о том, что на революционном горизонте России появилась харизматическая личность. Настоящий "ворон" наконец-то взлетел.

Лидер и движение

Харизматическую власть Макс Вебер противопоставляет "традиционной" и "рационально-правовой" и определяет ее как власть, которая отвергает все предшествовавшее и представляет собой "особую революционную силу". Она являет себя миру) провозглашая необходимость и возможность радикальных перемен. В классическом виде она проявляется в позиции религиозного пророка, который говорит: "Это записано... а я вдохну это в вас словом..." По мнению Вебера, харизматическая власть тесно взаимосвязана с социальным движением, возникающим вне существующего государственного порядка и всегда каким-то образом против него направленным, то есть радикальным движением религиозного, политического, культурного или какого-либо другого характера. Подобные движения обычно притягивают лиц, которые испытывают острый дистресс в той или иной форме (социальный, экономический, психический или их сочетание) и которые готовы на все за обещание избавить от него. Человек, олицетворяющий это обещание, - потому ли, что он выступает с проповедью необходимости радикальных перемен, или же из-за его способности указать дорогу, ведущую к переменам, - является потенциальным харизматическим лидером.

Преисполненный чувством собственного предназначения. такой человек выдвигает себя, как наиболее подготовленного, в лидеры движения за перемены. Его последователи, которые обычно являются и его учениками, охотно соглашаются с подобным

лидерством, ибо видят в нем лицо, обладающее необычайными способностями и дарованиями. Факт "признания" особых качеств Вебер считает решающим для действенности харизмы[22].

Условия для харизматических тенденций были весьма благоприятными, и те не замедлили появиться. Исследуя историю европейского социализма второй половины XIX столетия, Роберт Мичелз обнаружил, что одна из его характерных черт - "присущий массам культ почитания". Основатели, а затем вожди социалистических движений представлялись последователям "светскими божествами". Так, например, когда Фердинанд Лассаль в 1864 г. посетил Рейланд, то жители устроили ему прием, "как божеству". И Маркса, и Лассаля посмертно причислили к лику "социалистических святых" тех движений, рождению которых они способствовали. В центральной Италии родители из социалистов охотно нарекли мальчиков именем Лассальо, а девочек - Марксина. Сицилианские сельскохозяйственные рабочие во время торжественных процессий несли рядом святой крест, красный флаг и плакаты с лозунгами, заимствованными из сочинений Маркса. Меняя протестантскую веру на социализм, индустриальные рабочие Саксонии заменяли в домашних алтарях портрет Мартина Лютера на портрет Августа Бебеля[24]. Свидетельства из множества источников подтверждают эти слова.

Историческое ядро последователей Ленина - это небольшая группа политических эмигрантов, которая обосновалась в Женеве и приобрела известность как "большевистская колония". Яркое описание группы и самого Ленина, который являлся ее главной фигурой, оставил Валентинов. Принявший взгляды Ленина после

прочтения "Что делать?" молодой революционер, совершивший побег из киевской тюрьмы, приехал в Женеву в начале 1904 г. и был принят в колонию большевиков. Как оказалось, это была группа людей, считавших себя учениками Ленина, которого они боготворили. Хотя тогда Ленину было всего 33 года, они привычно называли его "стариком", выражая тем самым глубокое уважение к его марксистской эрудиции и мудрости во всех вопросах, относящихся к революции. "Старик мудр, - сказал один из членов группы Валентинову, - никто до него так тонко, так хорошо не разбирает детали, кнопки и винтики механизма русского капитализма". Высказывалась вера в великую историческую миссию Ленина. Как заметил один из членов группы: "Ильич нам всем покажет, кто он. Погодите, погодите - придет день. Все тогда увидят, какой он большой, очень большой "человек"". Несмотря на увлеченность Лениным, Валентинова поначалу смутила почти религиозная "атмосфера поклонения" в колонии. Постепенно, однако и он поддался необычайному обаянию личности Ленина. Валентинов, в частности, писал: "Сказать, что я в него "влюбился", немножко смешно, однако этот глагол, пожалуй, точнее, чем другие, определяет мое отношение к Ленину в течение многих месяцев"[26]. Другой редактор "Искры", а впоследствии лидер меньшевиков Потресов, опубликовал много позднее мемуары, которые примечательны с двух точек зрения: это и личная исповедь, и оценка харизматических качеств Ленина. Потресов, в частности, писал:

"Никто, как он, не умел так заражать своими планами, так импонировать своей волей, так покорять своей личностью, как этот на первый взгляд такой

невзрачный и грубоватый человек, по видимости не имеющий никаких данных, чтобы быть обаятельным...

Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладал секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал - господства над ними. Плеханова - почитали, Мартова - любили, но только за Лениным беспрекословно шли как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя. Если когда-то французский король Людовик XIV мог говорить: государство - это я, то Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия - это он, что он - концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал. Я помню, что эта своего рода волевая избранность Ленина производила когда-то и на меня впечатление"[28]. По общему признанию, держал он себя очень просто, был человеком исключительной прямоты и искренности.

Особые качества, за которые Ленина его последователи выделяли из среды обыкновенных людей, он проявлял на трибуне. И это не был талант блестящего оратора, который прославил Троцкого. Речь Ленина была совершенно лишена театральности и стремления произвести эффект. Говоря простым языком, вместе с тем отчетливо и чрезвычайно энергично, Ленин обычно сразу же приступал к обсуждаемой проблеме и давал ясный, логически обоснованный анализ, подкрепленный множеством фактов. На слушателей его выступления часто оказывали совершенно необыкновенное воздействие. Он неоднократно демонстрировал свою способность доводить партийную аудиторию до крайнего

возбуждения, до состояния экзальтации. Например, слушая две речи Ленина на большевистской конференции в Таммерфорсе в 1905 г., обычно сдержанный Сталин поддался всеобщему восторгу. Он вспоминал: "Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: "Логика в речах Ленина - это какие-то всеильные щупальца, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал""[31]. Ленин сумел внушить людям, страстно желавшим социалистической революции, но не ожидавшим ее скорого прихода, чувство, что такая революция действительно возможна; тем самым он удовлетворял их глубокую потребность поверить в осуществимость собственных замыслов.

Действительно, потрясения 1905 г. обнаружили внутреннюю слабость монархии, скрывавшуюся за представительным фасадом кажущейся мощи. Они же показали, что народная революционная волна пошла на убыль и царский режим консолидировался, произошел массовый выход рядовых членов из революционных партий. Многие представители радикальной интеллигенции начали подвергать сомнению революционные вероучения, которым они были привержены. У русских марксистов проявилась тенденция к отказу от подпольной политической деятельности; они, как считал Ленин, стали поддаваться искушению и впадать в ересь "ликвидаторства". Революционное движение переживало период упадка.

Суровые испытания принесла и начавшаяся мировая война 1914 г.

Последующие свидетельства видных большевиков говорят о том, что вера и сила духа, проявленные Лениным в те тяжелые времена, вероятно, имели решающее значение для большевистского движения. Сталин, например, подчеркивает огромное значение ленинской способности вселять уверенность в большевиков, упавших духом после того, как меньшевики взяли верх на Объединительном съезде в Стокгольме в 1906 г. Поражение, писал он, "превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе". Затем он вспоминал, как растерянные большевистские делегаты, на лицах которых были следы усталости и уныния, столпились около Ленина, спрашивая у него совета, и как "Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: "Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы""[33].

Существенным элементом революционного учения Ленина была вера в грядущий революционный переворот в Европе; его мечты о русской революции приобретали дополнительный импульс, когда он видел ее как составную часть более широкой международной революции. Еще в книге "Что делать?" он предполагал, что русский пролетариат, свергнув царизм, станет "авангардом международного революционного пролетариата". Впоследствии он, как и Троцкий, пришел к выводу о диалектической связи русской и европейской революции. В 1905 г. Ленин нарисовал привлекательную картину огромных возможностей, которые откроются с победой революции в России. Он, в частности, писал: "Революционный пожар зажжет Европу... тогда

революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи в нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий..."³⁵. Он тесно взаимосвязывал эти два момента. Тема неизбежности социалистических революций в Европе занимала важное место в октябрьских посланиях большевистскому Центральному Комитету, в которых он требовал, чтобы партия незамедлительно осуществила вооруженное восстание и захватила власть.

По словам Макса Вебера, харизматическому вождю время от времени нужно предъявлять "доказательства" своих харизматических качеств. Он должен показать, что у него на самом деле есть необыкновенные способности, которыми его мысленно наделяют последователи. Такое доказательство Ленин представил большевикам в 1917 г.

В партийной анкете за 1921 г. Ленин указал свое основное занятие до 1917 г. - литератор. Между тем годы литературной деятельности были потрачены на подготовку к руководству революцией, которое он взял на себя по прибытии в апреле 1917 г. в Петроград. Участвовать в революции было самым горячим желанием Ленина. В послесловии к работе "Государство и революция", которую он написал в августе - сентябре 1917 г., скрываясь в подполье, и которую еще не окончил, когда в октябре вернулся в Россию, чтобы возглавить революцию, Ленин заметил: "Приятнее и полезнее "опыт революции" проделать, чем о нем писать"[37].

Несмотря на отсутствие в Петрограде в ответственный период, Ленин сыграл в Октябрьской революции решающую роль. С самого начала, как только

сообщение о февральской революции достигло Швейцарии, он сразу же понял, что появилась возможность осуществить более радикальную революцию. Политическое чутье подсказало ему, что уставшие от войны солдаты, недовольные рабочие и жаждавшие земли крестьяне поддержат партию, обратившуюся к ним с лозунгами: "Мир, хлеб, земля" и "Вся власть Советам!". И, вступив на русскую землю, он тут же развернул в Апрельских тезисах стратегическую программу, нацеленную на более радикальную революцию. Убедив большевистское руководство утвердить эту стратегию в качестве партийной линии, Ленин затем возглавил усилия по претворению ее в жизнь, не прекращая руководить большевиками и после ухода в июле в подполье. В то время, когда Троцкий взял на себя руководство в Петрограде, Ленин продолжал делать революцию в привычной роли литератора.

Его решающий вклад сводился к тому, чтобы побудить большевиков в критический момент сделать решающий революционный выпад. Эта главная мысль в основе всех его документов и посланий из места укрытия. На первый взгляд чисто теоретический научный труд "Государство и революция" преследовал преимущественно практическую цель: убедить большевиков (а возможно, и себя) в том, что насильственный захват власти и установление "диктатуры пролетариата" для подавления буржуазии и контрреволюционных элементов нисколько не противоречат марксистской теории. В последующей брошюре под названием "Удержат ли большевики государственную власть?" Ленин стремился рассеять сомнения и изгнать саму мысль о том, что, даже добившись политической власти, партия может оказаться

не в состоянии ее удержать. Если, убеждал он, после 1905 г. 130 тыс. помещиков управляли Россией посредством насилия, то 240 тыс. членов партии большевиков, конечно же, смогут управлять в интересах бедных, особенно если большевики предпримут энергичные меры к расширению социальной базы своей власти, вовлекая через Советы миллионы трудящихся в повседневную работу государственного аппарата[39].

Произошла бы большевистская революция, не будь Ленина, или нет - это один из тех вопросов истории, которые люди постоянно ощущают потребность ставить, несмотря на их очевидную неразрешимость. Мнение, которое выразил Троцкий в 1935 г., находясь в изгнании, тем более заслуживает внимания, что сам он был еще одной личностью, чей вклад, возможно, также имел решающее значение. Если бы не было ни его, ни Ленина, доказывал Троцкий, Октябрьская революция не состоялась бы. В его отсутствие, писал Троцкий, революция совершилась бы при условии, что ею руководил бы Ленин. Без Ленина, однако, ему одному, вероятно, не удалось бы добиться от колебавшейся большевистской верхушки столь важного решения[41]. Подобные мнения, какова бы ни была их историческая достоверность, - красноречивые свидетельства оценки большевиками роли Ленина в Октябрьской революции.

Но "доказательства" своих исключительных дарований Ленин представил своим сторонникам не только при захвате, но и при установлении новой власти, действуя как революционер, сверху. Можно утверждать, рискуя, правда, впасть в преувеличение, что именно в роли революционного государственного деятеля Ленин наконец оказался в своей стихии и в полной мере продемонстрировал политическую гениальность. С той

же самой спокойной самоуверенностью, которая отличала его и в молодые годы, Ленин составил и изложил съезду Советов первые Декреты о мире и земле, которыми новое правительство подтвердило свой революционный мандат и во всеуслышание попросило о поддержке как в самой России, так и за рубежом. Затем он возглавил большевистское правительство, осажденное со всех сторон и боровшееся за выживание.

Не успела революция свершиться, как уже понадобилось ее защищать, и в первые два года беспорядков, гражданской войны и иностранной интервенции шансы на спасение были весьма неопределенными. С самого начала немецкий ультиматум на мирных переговорах в Брест-Литовске, которые вел Троцкий, вверг правительство Ленина в тяжелый внутри- и внешнеполитический кризис. Преодолев оппозицию в лице Бухарина и других "левых коммунистов", призывавших к революционной войне, Ленин в конце концов добился принятия немецких условий, надеясь обменять пространство на время. Последующие события подтвердили правильность такой политики. Уже по одной этой причине некоторые большевики стали считать его спасителем революции. Нет необходимости добавлять, что в большевистском руководстве Ленину не принадлежала монополия на героизм. Многие другие деятели сыграли важную роль, спасая революцию и утверждая новый советский строй. Следует особо сказать о Троцком, выдающемся организаторе Красной Армии, главном руководителе ее действиями на весьма протяженных фронтах гражданской войны.

Лидер у власти

В отличие от исторической модели русского самодержавия Советское государство в России возникло как инноваторская форма партийного правления. Политической властью в однопартийной системе были наделены такие коллективные органы, как партийный съезд, созывавшийся в первое время ежегодно, и избираемый им действующий между съездами Центральный Комитет. И тем не менее диктатура революционной партии имела в лице Ленина верховного руководителя столь огромного влияния, что ее было бы вернее назвать "ленинским режимом". В чем заключалась роль Ленина как лидера и на какой основе зиждился его огромный авторитет?

Дело вовсе не в занимаемом им конкретном посту. Ведь в советской системе не существовало должности верховного руководителя. Конечно, Ленин являлся премьер-министром или председателем Совета Народных Комиссаров, центрального Советского правительства. Но советская внутренняя и внешняя политика решалась в высших партийных органах: в Центральном Комитете, в подчиненных ему отделах и в Политбюро; правительство же функционировало в качестве главного исполнительного органа партии. Ленин как сторонник подобного распределения обязанностей позаботился о сохранении его в практической работе. В 1923 г. он с похвалой отозвался о процедуре обсуждения внешнеполитических "ходов" в Политбюро, которые затем претворялись в жизнь министерством иностранных дел. Он указывал на это "гибкое соединение" партийного

с советским как на модель, в соответствии с которой следует функционировать советскому партийному государству[43].

Поскольку партия в Советском государстве представляла собой господствующую политическую силу, Ленин осуществлял верховное руководство не как глава правительства, а как партийный вождь. В партии, однако, его верховенство не было закреплено постом, который соответствовал бы должности премьер-министра правительства, формально он являлся лишь одним из членов высших партийных органов: Центрального Комитета, в который в начале 20-х годов входило около 25 членов и около 15 кандидатов (с совещательным голосом), и Политбюро, в 1922 г. насчитывавшего 10 человек (членами были Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Сталин, Алексей Рыков и Михаил Томский, кандидатами - Бухарин, М. И. Калинин и Вячеслав Молотов). Заполняя годом раньше анкету делегата X съезда партии, Ленин указал свою партийную должность: "член ЦК"[45].

Во время последовавшего революционного кризиса Ленин занимал позицию, которая вначале смутила многих его сторонников и вызвала серьезное сопротивление в партии. Выдвинутое им после возвращения в Россию в апреле 1917 г. и нашедшее отражение в Апрельских тезисах требование радикальной стратегии, направленной на быстрейший захват власти, партийный орган "Правда" назвал неприемлемым, и потребовалась вся сила ленинского убеждения, чтобы быстро преодолеть внутривнутрипартийную оппозицию. В сентябре партийное руководство в Петрограде игнорировало, посчитав несвоевременным, призыв скрывавшегося Ленина к немедленному

вооруженному восстанию и захвату власти, а когда он в октябре вновь стал на этом настаивать, против него выступила группа членов Центрального Комитета, включая Зиновьева и Каменева. В первые дни победившей революции эти два видных большевика объединились с другими, так называемыми колеблющимися, отстаивая, вопреки Ленину, идею преобразования правительства большевиков в широкую социалистическую коалицию. И наконец, в начале 1918 г. настойчивое требование, касавшееся принятия жестких условий Германии в Брест-Литовске, Ленину пришлось подкрепить угрозой собственной отставки и только таким путем обеспечить поддержку Центрального Комитета, который затем принял предложение большинством в семь голосов против четырех при четырех воздержавшихся. Однако и после подписания договора Бухарин вместе с левыми коммунистами продолжал агитацию в партии против его ратификации⁴⁷. Между тем традиция дискуссий по спорным вопросам в большевистском руководстве продолжалась и после консолидации власти, и в высших партийных инстанциях взглядам Ленина не гарантировалось автоматическое одобрение. По этому вопросу мы располагаем его собственным свидетельством, нашедшим отражение в переписке с А. А. Иоффе. в марте 1921 г. Жалуясь в личном письме на частую переброску его Центральным Комитетом с одной работы на другую, Иоффе несколько раз повторил (имея в виду Ленина), выражение: "Центральный Комитет - это Вы". В ответ Ленин самым энергичным образом протестовал против этой фразы, говоря, что Иоффе мог так писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления. Ленин заметил: "Старый Цека (1919 - 1920) побил меня по

одному из гигантски важных вопросов, что Вы знаете из дискуссии. По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК"[49]. Хотя Ленин был прав относительно фактов, упомянутых в письме, замечание Иоффе затронуло скрытые рычаги большевистской структуры власти. В известном смысле Ленин мог бы (хотя этого никогда бы не сделал) сказать: "Центральный Комитет - это я". Он был настолько влиятельным большевистским лидером, его авторитет в правящей группировке и в партии был так велик, что, ему, как правило, удавалось формировать и определять партийную линию по всем важным политическим вопросам. Что же касается голосования по предложению, касавшемуся Цектрана, то здесь следует иметь в виду, что это был единственный за весь период 1919 - 1920 гг. связанный с серьезным политическим вопросом случай поражения, который Ленин мог назвать. Кроме того, на это можно было бы возразить тем, во-первых, что результаты голосования были довольно неожиданными, во-вторых, что ленинская позиция в отношении профессиональных союзов вскоре возобладала на X съезде партии.

Подлинные масштабы доминирующего влияния Ленина проявились во время дебатов по военному вопросу на XIII съезде партии в марте 1919 г. На закрытом заседании значительные силы из большевистского руководства предприняли решительную атаку на военную политику Троцкого, который еще до дебатов выехал из Москвы, чтобы руководить операциями против войск адмирала Колчака на Восточном фронте. Тем не менее поражение этой

военной оппозиции оказалось предрешенным, после того как Ленин выступил в защиту Троцкого; причем он даже не счел нужным остаться на съезде, чтобы дожидаться результатов голосования⁵¹. Наконец, следовало бы, пожалуй, отметить, что Ленин, не занимая официального поста в Коминтерне, лично влиял на его решения через русских представителей, из которых выбиралось руководство данной организации. Они спорили между собой, вспоминал бывший немецкий коммунист, участвовавший в заседании Исполкома Коминтерна в 1921 г., но, "когда высказывал свое мнение Ленин, вопрос считался решенным. Его авторитет воспринимался товарищами как что-то само собой разумеющееся. Я не имею в виду, что они механически повиновались или ощущали какую-то угрозу. Я признаю и теперь, что эта позиция являлась результатом его несомненного превосходства"[53]. С другой стороны, можно вспомнить слова Ленина из "Письма к товарищу о наших организационных задачах" (1902). Описав характер революционной организации, которую предусматривает его план, Ленин заявил, что ее задача - действовать, "сохраняя руководство всем движением, сохраняя, разумеется, не силой власти, а силой авторитета, силой энергии, большей опытности, большей разносторонности, большей талантливости"[55] первых лет к гражданскому миру в условиях новой экономической политики, которая длилась в течение почти всех 20-х годов.

Советская внешнеполитическая стратегия, в соответствии с которой Коминтерн и Наркоминдел действовали как два инструмента двойственной политики (с помощью одного стремились свергнуть капиталистические правительства, а с помощью другого

пытались устанавливать с ними деловые отношения), были, по сути, творением Ленина в такой же мере, как и курс советской дипломатии, имевший целью укрепить безопасность революционного государства путем усугубления трений между врагами. Более того, Ленин постоянно следил за внешнеполитическими делами и даже временами диктовал народному комиссару иностранных дел Георгию Чичерину тексты дипломатических нот иностранным правительствам[57]. Мемуарная литература изобилует подобными фактами. Один коммунист, который слышал Ленина на каком-то послереволюционном собрании, рассказывал о реакции присутствующих: "Лица их просветлели. Это было поистине интеллектуальное пиршество"[59].

Преклонение перед Лениным проявлялось в склонности последователей делать его центральной фигурой культа его личности. Об этом, например, свидетельствовала реакция общественности на ранение Ленина 30 августа 1918 г., когда какое-то время он находится между жизнью и смертью. В тот период в советские газеты приходили тысячи писем с выражением преданности и горячих пожеланий скорейшего выздоровления. Троцкий, впоследствии осудивший культ Ленина, в речи 2 сентября 1918 г. заявил: "Никогда собственная жизнь каждого из нас не казалась нам такой второстепенной и третьестепенной вещью, как в тот момент, когда жизнь самого большого человека нашего времени подвергается смертельной опасности. Каждый дурак может прострелить череп Ленина, но воссоздать этот череп - это трудная задача даже для самой природы". По словам Луначарского, Троцкий, по-видимому где-то в это же самое время, хотя и не публично, заметил: "Когда подумаешь, что Ленин может

умереть, то кажется, все наши жизни бесполезны, и перестает хотеться жить"[61].

Не довольствуясь высказанной в частном порядке тревогой, Ленин поручил Бонч-Бруевичу и еще двум помощникам посетить (начав с "Правды" и "Известий") все редакции советских газет и разъяснить, что восхваление его личности следует немедленно прекратить. "На другой же день газеты были все в другом тоне, - говорится далее в воспоминаниях, - и Владимир Ильич более не поднимал этого вопроса..."

Однако прошло немногим более года, и последователи Ленина опять проявили склонность вознести его на пьедестал. В речах на одном из партийных собраний, состоявшемся в апреле 1920 г. в честь пятидесятилетия Ленина, и в опубликованных советской печатью по этому случаю статьях они провозгласили Ленина вождем[63].

Ленин вновь выразил, на этот раз публично, свое нежелание быть объектом преклонения, когда вознамерились отпраздновать его день рождения. Он отсутствовал на юбилейном собрании до тех пор, пока не прекратились восхвалявшие его речи. Появившись после перерыва и встреченный бурными аплодисментами, он сдержанно поблагодарил присутствовавших, во-первых, за приветствия, а во-вторых, за то, что его избавили от выслушивания их. Затем Ленин выразил надежду, что со временем будут созданы более "подходящие способы" отмечать юбилейные даты, и закончил свою речь обсуждением будничных партийных проблем. В этом же коротком выступлении он предупреждал партию об опасности головокружения от успехов и превращения в "зазнавшуюся партию"[65]. Можно привести и другие

примеры. Нужно, однако, быть осторожными, обобщая эти свидетельства. С уверенностью можно лишь сказать, что, несмотря на недостаточное развитие средств информации в России того времени, Ленин как личность произвел в народных массах чрезвычайно глубокое впечатление и возбудил сильные чувства, как позитивные, так и негативные. Двойственный характер отношений обуславливался тем фактом, что простые русские люди, издавна привыкшие отождествлять политическую власть с царем, были склонны видеть в Ленине олицетворение большевизма, к которому в революционный период население испытывало довольно противоречивые чувства. Те, для кого большевистская революция представляла угрозу их религиозным и иным ценностям, принимали Ленина за воплощение сатаны; те же, для кого революция означала надежду избавиться от нищеты, видели в нем избавителя. В результате Ленин еще при жизни стал в буквальном смысле легендарной фигурой и героем фольклора.

В Средней Азии, например, имели хождение легенды, которые изображали его освободителем, ниспосланным аллахом для того, чтобы сделать людей счастливыми[67]. Таким путем число сторонников Ленина увеличилось за счет простых русских людей, хотя для них марксизм оставался таким же загадочным, как и любая богословская система. Не всегда эти люди вступали в партию.

Как уже указывалось, на отношение крестьян к новому строю оказывала сильное влияние проводившаяся правительством аграрная политика. В период "военного коммунизма" (1918 - 1921) советское руководство было как бы о двух головах: поощряя раздел оставшихся земельных угодий и гарантируя владение

ими, оно в то же время национализировало землю, начало организовывать коммуны и силой отбирать хлеб в деревне, чтобы накормить городское население. В результате позиция крестьянина по отношению к новому руководству была также двойственной, что хорошо иллюстрирует популярный в то время лозунг: "Да здравствуют большевики, долой коммунистов!" Крестьянину казалось, что внутри руководства существует раскол между теми, кто хотел бы, чтобы крестьяне имели землю ("большевики"), и теми, кто желал бы эту землю у них отобрать ("коммунисты"). Примечательно, что крестьянин имел склонность отождествлять Ленина с первыми. Валентинов, вернувшийся в Россию во время революции и работавший в редакции "Торгово-промышленной газеты", зафиксировал следующее типичное выражение подобного мышления: "Ленин русский человек, крестьян он уважает и не позволяет их грабить, загонять в колхоз, а вот другой правитель - Троцкий, - тот еврей, тому на крестьян наплевать, труд и жизнь он их не знает, не ценит и знать не желает"[69].

Примечания

2 Их брак был бездетным.

4 Там же, т. 1, с. 656 - 657 .

6 Там же, т. 3, с. 597 - 598. Эта книга была в достаточной степени исторической и статистической, чтобы миновать цензуру, и была легально издана в Петербурге в 1899 году. Ленин, который все еще

находился в Сибири, подписался псевдонимом Владимир Ильин.

8 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 455 - 456, 459 - 460, 462.

10 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 376.

12 Плеханов Г. В. Соч., т. 13, М. - Л., 1926, с. 116 - 133, 134. Статья, озаглавленная "Рабочий класс и социально-демократическая интеллигенция", появилась в "Искре" в июле-августе 1904 г.

14 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 1 - 192. Андрей Желябов (1850 - 1881) - один из организаторов и руководителей "Народной воли". Август Бебель (1840-1913) один из основателей немецкой социал-демократической партии.

16 Плеханов Г. В. Соч. М. - Л., 1923, т. 8, с. 304.

19 Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953, с. 103, 108.

21 Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. N. Y., 1947, p. 359 - 362; Weber M. The Three Types of Legitimative Rule. - "Berkley Publications in Society and Institutions". IV, I, Summer 1958, p. I - II; Weber M. Essays in Sociology. ed. Jerth N. Y. and Mills C. W. N. Y., 1958, p. 52. Относительно концепции харизмы см.: Tucker R. C. The Theory of Charismatic Leadership "Daedalus", Summer 1968, p. 731 - 756.

23 Michels R. Political Parties. N. Y., 1959, p. 64 - 67.

25 Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953, с. 72 - 73, 75,

27 Потресов А. Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937, с. 301.

29 Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 55.

31 Крутиков Н. И. (ред.). Живой Ленин., с. 238.

33 Зиновьев Г. Е. Ленин. Речь в Петроградском Совете в связи с выздоровлением Ленина после ранения 30 августа 1918 г. Харьков, 1920, с. 25.

35 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 11. Об этих "тезисах" см. там же, 1 с. 1 - 6.

37 Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1958, с. 117.

39 Там же. с. 435 - 436.

41 Зиновьев Г. Е. Ленин. Харьков. 1920, с. 38.

43 Liberman S. Building Lenin's Russia. Chicago, 1945, p. 13. Либерман, в прошлом меньшевик, в первые годы после революции работал в Советском правительстве как беспартийный специалист и в этом качестве присутствовал на заседаниях Совнаркома. Он подтверждает, исходя из собственного опыта, привычку Ленина передавать спорные вопросы для решения в Политбюро (р. 180-181). Когда Либерман прямо обратился к Ленину за содействием в получении разрешения сыну сопровождать его во время деловой поездки за границу, против чего возражала Чека, Ленин вместо того, чтобы своей властью премьера отменить решение этой организации, передал вопрос в Политбюро, где вопрос о выдаче паспорта был решен положительно тремя голосами против двух.

45 Троцкий Л. Д. Уроки Октября. - В кн.: Ленинизм или троцкизм. М., 1925, с. 266.

47 "Правда", 23 апреля 1920 г. (статья Преображенского).

49 Schapiro L. The Origin of the Communist Autocracy. Cambr., Mass., 1955, p. 280. Изложение предыстории инцидента у Шапиро в главе 14. Высказывания Ленина по этому вопросу в его статье "Кризис партии" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 234 - 244:).

51 Тринадцатый съезд ВКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчет. М., 1963, с. 256.

54 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 14, Письмо вначале распространялось среди членов партии в России через существовавший тогда "самиздат". В июне 1903 г. сибирский социал-демократический союз отпечатал письмо на гектографе, а в следующем году его издали отдельной брошюрой в Женеве.

56 "Известия", 30 января 1924 г. (статья Чичерина).

58 Крутиков Н. И. (ред.). Живой Ленин, с. 283.

60 Луначарский А. В. Революционные силуэты. М., 1923, с. 15. Текст выступления Троцкого 2 сентября 1918 г. в: "Известия", 4 сентября 1918 г., с. 7.

62 Для сильного русского слова "вождь" в английском нет точного эквивалента. Его можно было бы перевести как "верховный руководитель" или "Лидер" (с большой буквы). Здесь я буду часто использовать русское слово в английской транскрипции.

64 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 325 - 327.

66 Carr E. H. Socialism in One Country 1924 - 1926, II. N. Y., 1960, p. 3.

68 Валентинов Н. Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Стэнфорд, 1971, с. 88.

3.

3

Небольшие размеры, уязвимость границ и привлекательность для более сильных соседей были причинами того, что после героической эпохи царя Давида и царицы Тамары (XI и XII столетия) историю Грузии можно представить как череду сменяющих друг друга поражений. В XIII веке ее покорили татаро-монголы. Долгий период монгольского гнета сменился в XVI и XVII веках турецким, а затем персидским господством, которые сопровождались опустошительными грабежами. В конце XVIII века маленькое разоренное княжество с населением в каких-то полмиллиона человек стало вассалом раздвигающей границы Российской империи, что явилось прелюдией к его захвату.

В 1801 г. царь Александр I издал манифест, в котором объявил о присоединении Восточной Грузии. Грузинскую царскую семью отстранили от власти. Позже верховную политическую власть осуществляли наместники России на Кавказе, чья резиденция находилась в Тифлисе. В 1811 г. русские изгнали патриарха грузинской православной церкви и учредили экзархат Грузии во главе с католикосом-патриархом, вошедший в лоно русской православной церкви. Большое число русских чиновников заняло в Грузии административные посты. Вскоре русские войска отбили у турок Западную Грузию и, подавив сопротивление местного населения, установили контроль над всей

территорией. Время от времени, однако, здесь вспыхивали восстания, а горцы под предводительством имама Шамиля вели затяжную партизанскую войну. Лишь в 1860 г. Россия смогла завершить военное умиротворение страны[3].

Примечательной чертой грузинской интеллигенции было то, что она увязывала идеи национального освобождения с идеями социальных перемен. В 70-е и 80-е годы под влиянием революционных сочинений русских народников и, конечно же, понимания, что без глубоких перемен в самой России освободить Грузию от гнета царского самодержавия невозможно, отдельные представители грузинской интеллигенции объединились ради общего дела с народниками. Другие позже вступили на марксистский путь. Ведущей фигурой последних, которые в 1892 - 1893 гг. приобрели известность как участники "Месаме-даси" ("третья группа"), был Ной Жордания. После обучения в Тифлисской духовной семинарии (которая благодаря стараниям грубых надзирателей, желавших любыми способами русифицировать учеников, скорее напоминала школу грузинского национализма, чем центр подготовки лояльных священнослужителей русско-грузинской православной церкви) Жордания отправился за границу. Во время учебы в ветеринарном институте Варшавы он познакомился с идеями марксизма по сочинениям немецкого социал-демократического теоретика Карла Каутского. В 1892 г. Жордания вернулся в Грузию убежденным марксистом и помог составить программу новой "Месаме-даси", которая стала ядром грузинской социал-демократии.

Вскоре после ее создания Жордания, оказавшийся под угрозой ареста, вновь выехал за границу на четыре

года. На этот раз он встретился с Каутским и Плехановым. Вернувшись в 1897 г. в Грузию, Жордания и его товарищи начали редактировать еженедельную газету "Квали" ("Борозда") на грузинском языке, основанную ранее членами "второй группы". Через этот орган они пропагандировали марксистские взгляды, убеждая в том, что Грузии следует возлагать надежды не на реформы, за которые боролось поколение Чавчавадзе, а на объединение с международным рабочим движением. Как это ни парадоксально, но сперва русские власти отнеслись к грузинским марксистам весьма снисходительно, ибо их рассуждения о классовых противоречиях казались им менее опасными, чем сепаратистские призывы либералов⁵. Такие картины природы окружали Сосо Джугашвили в детстве.

О его предках известно немного. Прадед по отцу, по имени Заза Джугашвили, в начале XIX века участвовал в крестьянском восстании против русских и затем нашел убежище в деревне Диди-Лило близ Тифлиса. Его сын Ваню развел в этой деревне виноградник, и здесь у Ваню родился сын Виссарион, по прозвищу Бесо. После смерти отца Бесо поселился в Тифлисе и нашел работу на кожевенном заводе Адельханова, где обучился сапожному ремеслу. Через некоторое время некий Барамов открыл в Гори сапожную мастерскую, и среди нанятых им на работу был и Джугашвили. В Гори Бесо познакомился и вступил в брак с Екатериной Геладзе, из семьи бывших крепостных, проживавших в соседнем селении Гамбареули. После отмены в Грузии в 1864 г. крепостного права (на три года позднее, чем в самой России) семья Геладзе переселилась в Гори[7].

По описаниям, Бесо Джугашвили был худощавым, с черными волосами, бородой и усами. Современники

отмечали, что в молодости Сосо внешне очень походил на отца. Достоверно известно, что Бесо был суровым, вспыльчивым человеком и большим любителем выпить. В конце концов он умер после драки в трактире. Екатерина и Сосо постоянно страдали от его побоев. В 1885 г., когда Сосо было пять лет, Бесо вернулся на фабрику Адельханова в Тифлисе, не порывая, однако, связи с семьей. Между тем Екатерина с трудом сводила концы с концами, работая прачкой, швеей и кухаркой в богатых домах Гори.

Сосо Джугашвили оказался не по годам развитым, способным в учении, энергичным, физически подвижным ясноглазым ребенком, большим любителем всяческих забав. Обладая хорошим голосом, он пел в школьном хоре горийской церкви. Роста был небольшого, вероятно, не более пяти футов и четырех-пяти дюймов (или 1 метр 63 см)[9]. Тогда ли или в другое время заражение крови от загноившегося ушиба привело к тому, что левый локтевой сустав стал плохо сгибаться. Много лет спустя он рассказал свояченице, что во время мобилизации 1916 г. его из-за этого небольшого физического недостатка признали непригодным к военной службе[11].

Иремашвили вспоминает о Екатерине Джугашвили как о благочестивой и трудолюбивой женщине, сильно привязанной к сыну. Она обычно носила традиционную одежду грузинских женщин, пользовалась в общине уважением и по старинному обычаю посвятила свою жизнь служению богу, мужу и сыну. Отсюда, однако, не следует, что Екатерина обладала мягким и покорным нравом. Подобное предположение противоречило бы тому образу, который сам Сталин нарисовал в беседе с дочерью Светланой в 40-е годы. По словам Светланы, Сталин на протяжении всей жизни был самого высокого

мнения о матери, которую считал умной женщиной, хотя и не получившей образования. Рассказывал, что она поколачивала его в детском возрасте, так же как и Виссариона, когда тот выпивал. Она хотела, чтобы сын стал священником, и всегда сожалела о том, что этого не произошло. Когда Сталин навестил мать в 1935 г. незадолго до ее смерти, она, к его удовольствию, сказала: "А жаль, что ты так и не стал священником". На основании известных ей фактов Светлана пришла к заключению, что Екатерина была женщиной с пуританской моралью, строгой и решительной, твердой и упрямой, требовательной к себе и что все эти качества перешли к сыну, который больше походил на нее, чем на отца[13]. В 1890 г., когда Сосо было 11 лет, Бесо умер от ножевого ранения, полученного в пьяной драке. "Ранняя смерть отца не произвела на ребенка никакого впечатления, - замечает Иремашвили. - Он ничего не потерял со смертью человека, которого должен был называть отцом"[15]. Однажды, сообщает она, ребенок навлек на себя гнев отца, безуспешно пытаясь защитить мать от нападок. Он бросил в Бесо нож и затем, убежав от погнавшего за ним разъяренного отца, спрятался у соседей. Нам не известно, были ли другие столь же тягостные эпизоды, примечательно, однако, то, что Джугашвили и в пожилом возрасте помнил эту историю. И ужас, который вселили в него побои матери, помогает объяснить, почему впоследствии избивение (символическое или реальное) представлялось ему одним из видов наказания, которого заслуживали наиболее злостные отступники. Так, в письме Ленину, отправленном в 1915 г. из сибирской ссылки, Сталин, упоминая "ликвидаторов", заметил: "Бить их некому, черт меня дери! Неужели так и останутся они

безнаказанными?! Обрадуйте нас и сообщите, что в скором времени появится орган, где их будут хлестать по роже, да порядком, да без устали"[17].

Таким образом, Сосо Джугашвили вырос в обстановке острого семейного конфликта и материальной нужды. К тому же одно из наиболее серьезных разногласий между матерью и отцом было связано с планами, касавшимися будущего Сосо. Екатерина хотела послать его в духовное училище Гори, что было бы первым шагом на пути к карьере священника. В 1888 г. Сосо зачислили в училище. Учитывая бедственное положение семьи, ему определили ежемесячную стипендию в 3 рубля и, кроме того, разрешили Екатерине зарабатывать в месяц до 10 рублей, прислуживая учителям[19]. Основные детали этой истории впоследствии подтвердила сама Екатерина. В 1935 г. в интервью с советским корреспондентом она, говоря о сыне, заявила: "Учился он прекрасно, но его отец, покойный муж мой Виссарион, задумал мальчика взять из школы, чтобы обучать своему сапожному ремеслу. Возражала я, как могла, даже поссорилась с мужем, но не помогло: муж настоял на своем. Через некоторое время мне все же удалось его снова определить в школу"[21]. В данном случае, однако, мы имеем дело не с предпочтительным (ведь других детей не было), а с чрезмерно восторженным отношением к сыну, который являлся средоточием всех материнских помыслов. Несомненно, Сосо и его будущее составляли главную цель ее существования. Она всячески выражала свою привязанность к нему, привила ему постоянное стремление к успеху, который не выпал на ее долю. В результате у Сосо сформировались "чувство победителя" и "уверенность в успехе", о которых говорил Фрейд. Он

начал рассматривать себя человеком, который обязан превосходить других в любой деятельности: в мальчишечьей борьбе, в преодолении крутого утеса или в учебе. Сыну передалась вера матери в собственную способность добиться многого. И для этой веры были веские основания, ибо, начав посещать духовное училище, он проявил незаурядные дарования. Привыкнув к постоянному восхищению матери, он с возрастом стал воспринимать подобное отношение как должное, не только ожидая почитания, но и стремясь быть достойным его. Поощряемый поклонением матери, Сосо и сам стал идеализировать себя. Это проявлялось в отождествлении с различными героями, о чем пойдет речь ниже. Постоянная боязнь отца, который мог нанести удар по его самолюбию, неотступно сопровождавшая его детские годы, должно быть, придала дополнительный импульс процессу самоидеализации, которому сопутствовало психологически неизбежное погружение в мир иллюзий.

Такое объяснение процесса формирования характера Сосо Джугашвили подтверждается его поведением и успехами в училище. С самого начала он показал себя в высшей степени самоуверенным, обладающим чувством своей правоты во всем и сильной потребностью отличиться. Один из прежних друзей по училищу вспоминал Сосо "твердым, энергичным и настойчивым". Другой рассказывал: "К урокам он всегда был готов - лишь бы его спросили... Он всегда показывал свою исключительную подготовленность и аккуратность в выполнении заданий. Не только в своем классе, но и во всем училище считался одним из лучших учеников. На уроках все его внимание было обращено на то, чтобы не пропустить ни одного слова, ни одного понятия. Он весь был обращен в слух - этот в обычное время крайне

живой, подвижный и шустрый Сосо"[23]. (Как говорили, Сосо перестал верить в бога в 13 лет, после того как прочитал что-то написанное Дарвином или о самом Дарвине[25].

Вне стен училища юноши с упоением читали грузинскую литературу. Книги грузинских авторов, которых было мало в библиотеке училища, доставали через местного книготорговца, державшего небольшую библиотеку. Первой взятой Сосо книгой была сентиментальная повесть Даниэля Чонкадзе "Сумарская крепость", осуждавшая крепостничество и по сюжету похожая на "Хижину дяди Тома". Книга так его захватила, что он читал почти всю ночь напролет[27].

Учитывая важную роль символического образа Кобы в жизни интересующей нас личности, стоит, пожалуй, подробнее остановиться на том, что в этом образе с самого начала привлекало Сосо. Коба из "Отцеубийцы" - вовсе не сложная и тонкая натура, а довольно прямолинейный идеализированный тип героя, постоянно встречающегося в романах подобного жанра, - сильный, молчаливый, бесстрашный рыцарь, доблестный в бою, меткий стрелок, ловкий и изобретательный в трудных ситуациях. Подобные качества, конечно же, должны были понравиться любому задиристому подростку, желающему вообразить себя в роли героя. Но в истории, рассказанной Казбеги, Коба обнаружил еще одно свойство, которое, несомненно, сделало его для Сосо Джугашвили особенно привлекательным: он выступает как мститель.

Тема отмщения проходит красной нитью через весь роман. Так, обычай кровной мести кавказских горцев многократно упоминается с одобрением. В романе

простые люди Грузии горят желанием отомстить высокомерным русским завоевателям, которые захватили страну, ограбили и унизили ее народ. Сам Шамиль - "железный человек", храбрый военачальник, обожаемый своими сторонниками, - предстает как руководитель народного движения мстителей, который "олицетворял собою гнев народный".[29] Хотя подобные высказывания и не являлись прямыми призывами к социальной революции, они подталкивали мысль читателя в данном направлении. Подростку с таким происхождением, как у Сосо, хотевшему быть Кобой, они могли внушить (или по крайней мере подготовить почву для этого) представление о герое, как о революционере.

Семинарист

Когда четырнадцатилетний Джугашвили в августе 1894 г. вошел в каменное 3-этажное здание Тифлисской духовной семинарии, он оказался в мире, существенно отличавшемся от того, к которому привык в Гори. Около шестисот учеников, практически все время (за исключением примерно одного часа в послеобеденное время) находившихся взаперти в строении казарменного типа, которое некоторые называли "каменным мешком", вели строго регламентированную жизнь: в 7.00 - подъем, утренняя молитва, чай, классные занятия до 14.00, в 15.00 - обед, в 17.00 - переключка, вечерняя молитва; чай в 20.00, затем самостоятельные занятия, в 22.00 - отбой. Наряду с другими предметами изучали теологию, Священное писание, литературу, математику, историю, греческий и латинский языки. По воскресеньям и религиозным праздникам подросткам приходилось по 3 -

4 часа выстаивать церковные богослужения. Обучение велось в монотонной и догматической манере, которая подавляла всякие духовные потребности. Во главе угла, как и в Гори, была русификация. На занятиях не только вменялось в обязанность говорить по-русски, но запрещалось также читать грузинскую литературу и газеты, а посещение театра считалось смертельным грехом.[31] Как видно, воспоминания все еще были мучительными. "Издевательский режим", вне всякого сомнения, способствовал превращению семинариста Джугашвили в революционера. Но здесь сыграли свою роль и другие обстоятельства, и прежде всего тот факт, что неповиновение превратилось в семинарии уже в традицию.

Это заведение давно поставляло не только рожденных в Грузии священников русской православной церкви, но и молодых грузинских революционеров. Отчисления по политическим мотивам часто имели место еще в 70-е годы XIX столетия, когда многие студенты использовали полученные знания русского языка для изучения народнической литературы, поступавшей из России. С этого времени начали действовать тайные группы самообразования и дискуссионные кружки, возникать стихийные протесты. В 1885 г. был исключен слушатель, будущий руководитель "Месаме-даси" Сильвестр Джибладзе, избивший русского ректора Чудецкого, который называл грузинский "собачьим языком"[33]. В ответ власти закрыли семинарию на месяц и отчислили 87 слушателей, причем 23 запретили проживать в Тифлисе. В числе высланных вожаков был и Ладо Кецховели, посещавший в Гори то же самое училище, что и Джугашвили, и повлиявший на более

молодого товарища при выборе им профессии революционера.

Когда Джугашвили через несколько месяцев после забастовки прибыл в семинарию, отголоски бунта еще ощущались. С первых дней Сосо невзлюбил семинарию. Будучи в первый раз на каникулах в Гори, он в одной из кондитерских жаловался знакомому на семинарские порядки и поведение монахов[35]. Его манера держаться и отношение к товарищам также переменялись. Друзья-семинаристы, которые помнили Сосо живым пареньком, довольно веселым и общительным, теперь видели его серьезным, сдержанным, погруженным в себя. Давид Папиташвили вспоминал: "После вступления в семинарию товарищ Сосо заметно изменился. Он стал задумчив, детские игры перестали его интересовать". В аналогичном смысле высказался и Ваню (младший брат Ладю Кецохвели), хорошо знавший Сосо. Он заметил: "В этот период характер товарища Сосо совершенно изменился: прошла любовь к играм и забавам детства. Он стал задумчивым и, казалось, замкнутым. Отказывался от игр, но зато не расставался с книгами и, найдя какой-нибудь уголок, усердно читал"[38]. И вновь, теперь уже в семинарский период, проявилось стремление к личной власти, то есть то самое качество, которое отличало Джугашвили и в более поздние годы. То же самое можно было сказать о его нетерпимом отношении к иным мнениям. По словам Иремашвили, во время дискуссий среди молодых социалистов в семинарии Сосо имел привычку упорно настаивать на собственной правоте и безжалостно критиковать другие взгляды. В результате группа раскололась на тех, кто, уступая давлению, согласился стать послушным последователем Джугашвили, и тех, кто мыслил более

независимо и не желал уступать деспотическим методам Сосо[41]. Благодаря тому что монахи неоднократно ловили его за чтением запрещенных книг, нам теперь известны названия некоторых этих сочинений. Так, в журнале поведения за ноябрь 1896 г. имеется следующая запись инспектора Гермогена:

"Джугашвили, оказалось, имеет абонементный лист из "Дешевой библиотеки", книгами из которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него соч. В. Гюго "Труженики моря", где нашел и названный лист". Дальнейшая запись гласит: "Наказать продолжительным карцером - мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги - "93-й год" В. Гюго". Следующая запись (март 1897 г.) сообщает, что Джугашвили вот уже в 13-й раз замечен за чтением книг из "Дешевой библиотеки" и что у него отобрадена книга "Литературное развитие народных рас"[43].

Группа самообразования дала Сосо первый опыт подпольной работы, который вскоре стал еще богаче. Как рассказывал товарищ по семинарии Д. Гогохия, по совету Джугашвили студенты сняли в городе комнату за пять рублей в месяц (средства представили семинаристы, получавшие от родителей деньги на мелкие расходы), на которой собирались один-два раза в неделю в послеобеденный перерыв на дискуссии[45]. Его рассказ совпадает с более поздними воспоминаниями Жордания о том, как однажды в конце 1898 г. в редакцию "Квали" пожаловал юноша, который, отрекомендовавшись воспитанником семинарии Джугашвили и постоянным читателем марксистского еженедельника, заявил, что решил бросить семинарию и посвятить себя работе среди рабочих, и попросил совета. Поговорив с ним некоторое время, Жордания пришел к заключению, что для

партийного пропагандиста теоретических знаний у него недостаточно, и поэтому порекомендовал остаться в семинарии еще год и продолжить марксистское самообразование. "Подумаю", ответил Джугашвили и ушел. Примерно через полгода Жордания посетил его коллега Джибладзе и вне себя от возмущения рассказал о том, что тому молодому человеку поручили рабочий кружок, а он начал вести пропаганду не только против правительства и капиталистов, но и "против нас"[47].

Каким бы ни было отношение Ладо к Сосо, последний, как видно, испытывал к старшему Кецховели что-то похожее на чувство благоговения перед героем. Арестованный в 1902 г. Кецховели был в августе 1903 г. застрелен тюремным часовым в тот момент, когда выкрикивал через решетку своей камеры: "Долой самодержавие! Да здравствует свобода! Да здравствует социализм!" Двадцать лет спустя, выступая в клубе старых большевиков в Москве, Авель Енукидзе, в прошлом известный революционный деятель Закавказья, а затем видный советский работник, отзывался о Кецховели следующим образом: "Товарищ Сталин много раз с удивлением подчеркивал выдающиеся способности покойного товарища Кецховели, который в то время умел правильно ставить вопросы в духе революционного марксизма. Сталин часто вспоминает, что Кецховели еще в тот момент стоял на совершенно правильной большевистской точке зрения. Я и т. Сталин не сомневаемся в том, что, если бы Кецховели удалось жить до раскола РСДРП, он бы целиком стоял в рядах большевиков и был бы одним из влиятельнейших и сильнейших работников нашей партии"[49]. Такая мысль, возможно, была не лишена основания. К пятому курсу Сосо уже имел прочную репутацию смутьяна и больше не

старался скрывать своих мятежных взглядов. Однажды инспектор Абашидзе застал его за чтением посторонней книги, которую выхватил у него из рук. Однако Сосо вырвал книгу у Абашидзе. Возмущенный монах воскликнул: "Ты разве не видишь, с кем имеешь дело?" Сосо протер глаза, пристально посмотрел на него и ответил: "Вижу перед собой черное пятно и больше ничего"[51].

Поскольку дела приняли такой оборот, не удивительно, что Джугашвили в мае 1899 г. покинул семинарию. Нам неизвестно, как на это реагировала мать, но догадаться нетрудно. Согласно семинарским записям, опубликованным в "Духовном вестнике Грузинского экзархата" в июне-июле 1899 г., Сосо исключили потому, что он "по неизвестной причине" не явился на экзамены в конце учебного года[53].

Профессиональный революционер

Готовиться к роли профессионального революционера Джугашвили начал еще до того, как бросил семинарию. Порученный ему в 1898 г. организацией "Месами-даси" кружок самообразования состоял из рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса]. В то время, вспоминал он позднее, "я на квартире у Стуруа в присутствии Джибладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Чодришвили, Чхеидзе, Бочоришвили, Нинуа и др. передовых рабочих Тифлиса получил первые уроки практической работы"[55].

Оставив семинарию, Джугашвили продолжал работать пропагандистом кружка самообразования рабочих железнодорожных мастерских Тифлиса, в котором его знали как Сосо. В это время он, согласно опубликованной позднее официальной биографии, "перебивался", давая частные уроки[57].

О деятельности Джугашвили в последующие месяцы известно мало. Вместе с Джибладзе и другими он готовил в августе 1900 г. крупную, но безуспешную забастовку железнодорожных рабочих Тифлиса. В тот же период он познакомился с прибывшим в Тифлис другом Ленина, эмиссаром "Искры" Виктором Курнатовским и нашел в этом русском революционере-марксисте одного из первых своих наставников. Вместе с Ладом Кецохели и его единомышленником Александром Цулукидзе Сосо разрабатывал план создания грузинской газеты "Брдзола", которая начала печататься в 1901 г. в подпольной типографии "Нина" (вместе с копиями "Искры" на русском языке). Первые печатные сочинения Джугашвили появились в этой просуществовавшей лишь короткое время грузинской газете[59] в ноябре 1901 г., быть избранным в состав Тифлисского социал-демократического комитета, который действовал с 1898 г.

В эти первые годы Джугашвили участвовал в революционной деятельности и политических спорах местных марксистов. Они делились (примерно, по линии "мягких" и "твердых" искровцев) на последователей Жордания, численно преобладавших, и более воинственное меньшинство (Махарадзе, Кецохели, Цулукидзе, Цхакая и другие), которое отвергало политику "легальных марксистов", пропагандировавшуюся газетой "Квали", выступало за

конспиративные методы работы и требовало, чтобы движение не ограничивалось тайной пропагандистской деятельностью, а перешло к новому, "уличному" этапу, основанному на массовой агитации. Это были, так сказать, протобольшевики, и Джугашвили присоединился к ним. Он отстаивал воинственную позицию в агрессивном, фракционистском стиле, что создало ему среди грузинских марксистов репутацию человека с тяжелым характером, вечного возмутителя спокойствия. Возможно, в этом кроется причина переезда Джугашвили в Батум вскоре после избрания его в Тифлисский комитет.

Перемена места проживания произошла при обстоятельствах, которые, хотя до настоящего времени и не совсем ясны, тем не менее не делают Джугашвили чести. Грузинские меньшевики в эмиграции упорно утверждали, что он переселился в Батум после исключения партийным судом из тифлисской организации за интриги и клевету на Сильвестра Джибладзе[61]. Автор, будучи социал-демократом, участником указанных событий, прямо не назвал Джугашвили. Он лишь написал, что включению рабочих в комитет воспротивился один молодой интеллигент, позиция которого якобы мотивировалась личными причудами и жаждой власти. Потерпев в ходе голосования в комитете поражение, этот молодой человек выехал из Тифлиса в Батум, "откуда тифлисские работники получили сведения о его некорректном отношении, враждебной и дезорганизационной агитации против тифлисской организации и ее работников"[63]. Играл ли какую-то роль Джугашвили в этих событиях - не ясно.

Волнения в ряде промышленных центров Закавказья нарастали, возможно, под влиянием батумской демонстрации 9 марта, и власти решили разделаться с социал-демократическими активистами. Ночью 5 апреля 1902 г. во время заседания Батумского социал-демократического комитета были арестованы Джугашвили и другие его члены[65]. Не удалось ему бежать только из ссылки, к которой он был приговорен в 1913 г. и из которой его освободила февральская революция. Ибо в последний раз его заслали в такое отдаленное место на севере Сибири, сбежать откуда было трудно.

Вернувшись в Тифлис после первого побега в феврале 1904 г., Джугашвили скрывался на квартире социал-демократического активиста Михо Бочоридзе. Об этом нам известно потому, что здесь ему было суждено встретиться с будущим тестем Сергеем Аллилуевым, через много лет описавшим данный эпизод в воспоминаниях. Квалифицированный механик, он в начале 90-х годов переехал на юг, устроился на работу в железнодорожных мастерских Тифлиса, женился и обосновался на жительство. Он стал социал-демократом, а его дом в пригороде Тифлиса - излюбленным местом собрания революционеров. Когда Аллилуев однажды вечером по партийным делам посетил Бочоридзе, последний познакомил его с Джугашвили, который рассказал кое-что о недавнем побеге из Новой Уды. В частности, о том, что пытался бежать уже через несколько дней после прибытия, однако, не имея подходящей теплой одежды, он, обморозив лицо и уши, был вынужден вернуться. Вторая попытка увенчалась успехом[67].

Еще меньше нам известно о последующих побегах. Нужно, однако, иметь в виду, что подобные побеги были обычным делом для русских революционеров. Систему административной высылки на север европейской части России или в Сибирь не следует смешивать с более строгими и суровыми, но и реже применявшимися каторжными работами. Да и охранка не имела того штата и опыта, какими впоследствии располагал ее советский наследник. Прибыв на место, ссыльные могли по своему усмотрению устраиваться на квартиру к местным жителям и жить как вздумается, правда под наблюдением, которое варьировалось и по интенсивности, и по эффективности. Им не возбранялось переписываться, хотя власти могли читать письма. Как мы видели на примере Ленина, ссыльные имели даже возможность писать серьезные научные труды, не говоря уже о революционных воззваниях, тайными каналами переправляемых за границу. Побег сам по себе был трудным, иногда очень рискованным, но довольно часто осуществимым предприятием.

Вернувшись в феврале 1904 г. в Тифлис, Джугашвили снова с головой ушел в подпольную партийную работу. В его отсутствие социал-демократическое движение приобрело иную организационную форму. В начале 1903 г. в Тифлисе состоялся объединительный съезд представителей социал-демократических организаций Тифлиса, Баку, Батума, а также партийных групп менее крупных центров Закавказья. Съезд учредил "Кавказский союзный комитет" из девяти членов как постоянно действующую руководящую группу, и Джугашвили в какой-то момент после возвращения стал его членом [69]. В подтверждение ссылаются на сообщение царской

полицейскому за 1911 г., в котором указывалось: "По вновь полученным мною агентурным сведениям, Джугашвили был известен в организации под кличками Сосо и Коба, с 1902 г. работал в социал-демократической партии - организации, сначала меньшевиком, а потом большевиком, как пропагандист и руководитель 1-го района (железнодорожного)". Этот документ был опубликован 23 декабря 1925 г. в тифлисской газете Закавказского краевого комитета РКП "Заря Востока" вместе с воспоминаниями бывших товарищей Сталина в связи с его 46-летием. Копия сообщения находится среди архивов охраны в Гуверовском институте (Стэнфорд, Калифорния). Вызывает сомнение не подлинность документа, а само его содержание. Мало того, что в сообщении местом пребывания Джугашвили ошибочно назван Тифлис, хотя этот год он провел в Батуме, автор (начальник губернской жандармерии) допускает явную ошибку, называя Джугашвили меньшевиком с 1902 г. Дело в том, что меньшевизм как течение возник после II съезда российской партии, то есть после 1904 г. Полицейского офицера, по-видимому, ввел в заблуждение тот факт, что большинство социал-демократов, с которыми Джугашвили имел дело в Тифлисе в 1900 - 1901 гг., впоследствии стали меньшевиками.

К немногим обстоятельствам ранних этапов революционной карьеры Джугашвили, которые не должны вызывать у нас ни малейшего сомнения, относится и тот факт, что он принял большевизм без всяких колебаний, как только уяснил себе суть вопросов, послуживших причиной внутрипартийных разногласий, Это удостоверяется независимыми свидетельствами двух бывших грузинских социал-демократов, написавших в

эмиграции свои воспоминания[71]. Еще одно неопровержимое доказательство этого содержится в двух личных письмах, посланных Джугашвили в октябре в Лейпциг проживавшему там грузинскому революционеру М. Давиташвили и переданных последним Ленину и Крупской (позднее эти письма были обнаружены в их переписке).

В письмах Джугашвили предстает как безусловный сторонник Ленина. Понятие "большевик" тогда еще не было в широком употреблении. Вначале Джугашвили попросил друга выслать ему "Искру", которая тогда оказалась под контролем антиленинского большинства и печатала статьи, критикующие ленинские взгляды. Объясняя просьбу, он писал: "Здесь нужна "Искра" (хотя она без искры, но все-таки нужна: по крайней мере в ней есть хроника, черт ее возьми, надо хорошо знать и врага)". Термин "враг" Джугашвили употребил вполне сознательно. В письме он осыпал насмешками Плеханова за то, что тот подверг критике книгу "Что делать?", которая, очевидно, для Джугашвили являлась своего рода кредо. Возражая Ленину, Плеханов, помимо прочего, утверждал, что для того, чтобы обрести революционное сознание, рабочему классу не нужны социал-демократические интеллигенты-проповедники. На это пылкий ленинец из Кутаиси заметил:

"Этот человек или совершенно рехнулся, или в нем говорят ненависть и вражда. Думаю, что обе причины имеют здесь место. Я думаю, что Плеханов отстал от новых вопросов. Ему мерещатся старые оппоненты, и он по-старому твердит: "общественное сознание определяется общественным бытием", "идеи с неба не падают". Как будто Ленин говорит, что социализм Маркса был бы возможен во время рабства и крепостничества.

Теперь гимназисты и те знают, что "идеи с неба не падают". Но дело в том, что теперь речь идет совсем о другом... Теперь нас интересует то, как из отдельных идей вырабатывается система идей (теория социализма), как отдельные идеи и идейки связываются в одну стройную систему - теорию социализма, и кем вырабатываются и связываются. Масса дает своим руководителям программу и обоснование программы или руководители - массе?"[73], когда на горизонте сгущались грозные революционные тучи.

Русская революция 1905 г., которую Ленин впоследствии назвал "генеральной репетицией", была массовым, стихийным общенациональным бунтом. Под влиянием экономического кризиса начала столетия и позорного поражения в русско-японской войне 1904 г. подспудное недовольство крупных социальных групп переросло в мятежные настроения. В такой атмосфере события петербургского Кровавого воскресенья в январе 1905 г., вызвали настоящий взрыв. По стране прокатилась волна забастовок, уличных демонстраций, крестьянских беспорядков и вооруженных выступлений - от мятежа на броненосце "Потемкин" в Одессе (увечковеченного в кинофильме Сергея Эйзенштейна) до вооруженных восстаний в Москве и в ряде других административных центров. В октябре назревало что-то похожее на всеобщую политическую стачку. В это время в Петербурге сформировался Совет рабочих депутатов, в котором видную роль играл Троцкий, и политические партии впервые вышли из подполья. Манифестом от 17 октября царь провозгласил гражданские свободы и объявил о создании выборного законодательного органа - Государственной думы. Но революционные страсти полностью улеглись лишь к началу 1907 г.

В Закавказье, где глубокое социальное недовольство усугублялось национальными притеснениями, волнения 1905 г. были особенно бурными. Крестьяне с оружием в руках поднялись против помещиков, выступления рабочих приняли массовый характер, состоялись уличные демонстрации. Жестокие репрессии со стороны русских войск и не жалевших нагаек казаков, в том числе и ужасная бойня, учиненная среди собравшихся в августе на митинг в тифлисском городском зале, не смогли сдержать брожения, и к концу года Грузия оказалась в состоянии почти полной анархии. Социал-демократы всецело использовали благоприятную ситуацию для достижения собственных целей. Вместе с тем здесь, как и по всей стране, раскол в их рядах увеличился, ибо к первоначальным причинам, породившим внутрипартийные разногласия, прибавились споры относительно революционной тактики. Таким образом, революция 1905 г. ускорила превращение двух противоборствующих фракций в две воюющие между собой партии.

Джугашвили активно участвовал в грузинских событиях 1905 г., но его революционная роль не была особенно заметной. Он выступил на некоторых массовых митингах, выпустил несколько агитационных прокламаций и написал ряд статей, касавшихся революционной ситуации и внутрипартийных разногласий. Ездил по Грузии как организатор и пропагандист большевизма, затрачивая много энергии на фракционную борьбу. Так, в хронике его жизни за 1905 г., которую опубликовали позднее в 1-м томе сочинений Сталина, указывается, что в апреле он "выступает на большом дискуссионном собрании в Батуме против меньшевистских лидеров Н. Рамишвили, Р. Арсенидзе и

др.", а в июле "выступает на двухтысячном дискуссионном митинге в Чиатуре против анархистов, федералистов, эсеров"[76]. В меньшевистских источниках утверждалось, что Закавказская организация исключила его из партии за участие в тифлисском ограблении в июне 1907 г. В марте 1918 г., когда деятельность меньшевиков не была полностью пресечена победившими большевиками, Мартов написал в московской газете, что Сталина в свое время исключили из партийной организации в связи с какими-то экспроприациями. Сталин подал на Мартова в революционный трибунал, отрицая, что когда-либо судился или исключался партийной организацией. Однако он не отрицал своей причастности к экспроприациям.[78]

Хотя в грузинской социал-демократии большевики представляли оппозиционное меньшинство, грузинский большевизм как движение все-таки существовал. На первых порах, однако, Джугашвили не играл в нем главной роли. Показателем его малозаметной роли в этот первый период служит тот факт, что он не оказался в числе 15 делегатов от местных групп, которые собрались в ноябре 1904 г. в Тифлисе на первую конференцию закавказских большевиков. Не было его и среди четырех делегатов Закавказья, приехавших в апреле 1905 г. в Лондон на большевистский III Съезд партии, названный Троцким "учредительным съездом большевиков"[80].

В последующие месяцы он сосредоточил внимание на новом для себя поприще революционной деятельности: на профсоюзной работе. Много позднее, оглядываясь назад, он скажет, что во время острых конфликтов между рабочими-нефтяниками и

нефтепромышленниками на собственном опыте убедился, "что значит руководить большими массами рабочих"[82].

Но именно эти успехи послужили причиной ареста ряда социал-демократических активистов. Джугашвили (работавшего тогда под псевдонимом Нижарадзе) арестовали 25 марта 1908 г. и заключили в Баиловскую тюрьму Баку, где, продержав до начала ноября, затем выслали сроком на два года в Вологодскую губернию. Туда он отправился обычным "этапным порядком", то есть двигаясь от тюрьмы к тюрьме в группе, в которую по пути вливались другие заключенные. В январе 1909 г. его отправляют из Вологодской городской тюрьмы на место ссылки в Сольвычегодск. По дороге, передвигаясь опять же "этапным порядком" и, по всей видимости, пешком, он заболевает тифом, какое-то время находится в больнице в Вятке и достигает Сольвычегодска только к концу февраля. Через четыре месяца Джугашвили бежит на юг и в июле 1909 г. опять объявляется в бакинском подполье. В марте 1910 г. его вновь арестовывают и, продержав в Баиловской тюрьме, в начале сентября возвращают в Сольвычегодск, предварительно вручив предписание кавказского наместника, воспрещающее проживание на Кавказе в течение пяти лет. Отбыв двухгодичную ссылку в Сольвечыгодске, Джугашвили избирает Вологду местом жительства под надзором полиции. В сентябре он нелегально выезжает в Петербург по фальшивому паспорту на имя Чижикова, где устанавливает связь с Сергеем Аллилуевым и другими большевиками. После ареста в декабре его высылают в Вологду на три года, но в начале 1912 г. он снова бежит[84]. Где супруги жили во время редких встреч - нам не известно. Вполне возможно, что в какой-то части дома родителей Екатерины, который, как

считают, находился в селении Диди-Лило близ Тифлиса, на родине далеких предков Джугашвили.

В 1908 г. Екатерина родила сына Якова, а через год заболела и умерла[87].

Это одно из нескольких сообщений, исходящих главным образом, из кругов грузинских меньшевиков, свидетельствующих о том, что Джугашвили подозревали в доносительстве в полицию на лиц, которых ему хотелось убрать с дороги. По словам бывшего эсера Семена Верещака, который в 1908 г. вместе с Джугашвили был в Баиловской тюрьме, последний будто бы начал доносить (хотя еще не в полицию) вскоре после ухода из Тифлисской семинарии. В воспоминаниях, опубликованных в 1928 г. в русской газете в Париже, Верещак пишет, что среди заключенных в тюрьме были учившиеся с Джугашвили в одной семинарии, которые якобы рассказывали, что после отчисления он позаботился о том, чтобы исключили других членов действовавшей в семинарии тайной социалистической группы, сообщив ректору их фамилии. Они также говорили Верещаку, что Сосо признался в совершенном, но оправдывал свой поступок тем, что, потеряв право быть священниками, исключенные станут хорошими революционерами⁸⁹.

Другие, основанные на слухах сведения относительно возможных контактов молодого Джугашвили с полицией в свое время сообщили старые большевики. По свидетельству Роя Медведева, в личных бумагах некоего Е. П. Фролова, члена партии с 1918 г., есть данные о том, как в начале 30-х годов советский историк партии профессор Сепп, работая в ЦК Грузинской компартии, обнаружил старую подшивку

материалов царской полиции, среди которых была просьба Иосифа Джугашвили об освобождении из-под ареста с пометкой: "Освободить, если согласится давать жандармскому управлению информацию о деятельности социал-демократической партии". А в кутаисских архивах будто бы нашли донос на группу социал-демократов, подписанный Иосифом Джугашвили. В третьем случае (опять же по бумагам Фролова) какой-то член партии однажды посетил молодого Джугашвили на конспиративной квартире в Тифлисе и застал его со старшим жандармским офицером. Позднее на вопрос о причинах присутствия этого чиновника Джугашвили якобы ответил: "Он помогает нам в жандармерии"[91]. Несомненно, и Джугашвили во время первого ареста был объектом подобного давления, как это видно из приведенного выше одного непроверенного свидетельства. Более того, хотя ни одно из представленных до сих пор сообщений не является доказанным, вполне вероятно, что в какой-то момент Джугашвили действительно согласился передавать полиции информацию или в какие-то моменты поступал таким образом, причем не из желания помочь полиции, а ради достижения личных или фракционных целей. Весьма возможно, что подозрения бакинских большевиков были достаточно обоснованными.

Но чтобы согласиться с этим, нам вовсе не обязательно принимать выдвинутый в последние годы в некоторых книгах тезис, что Джугашвили был агентом царской полиции, то есть таким же агентом-provokатором, как и Роман Малиновский, который поднялся на высшие ступени руководства в дореволюционных большевистских организациях, но в 1917 г. был разоблачен и расстрелян по решению

Советского правительства. Доказательств подобной связи не обнаружила и Верховная следственная комиссия Временного правительства, которая с марта по ноябрь 1917 г. занималась изучением масштабов проникновения охраны в революционное движение. Фамилия Джугашвили не значилась в подробном списке полицейских агентов, который комиссия составила на основании архивных материалов и показаний бывших высокопоставленных чиновников полиции[93]. К этому следует добавить: если бы Джугашвили служил агентом царской охраны в революционном движении, он едва ли счел возможным использовать для прикрытия один и тот же псевдоним.

Пока единственным документальным доказательством, представленным в подкрепление тезиса о принадлежности Сталина к полицейской агентуре, является так называемое "письмо Еремина". Якобы отправленный в 1913 г. полковником петербургского полицейского управления А. М. Ереминым капитану А. Ф. Железнякову в Енисейск документ характеризует "Джугашвили - Сталина" как агента охраны с 1908 по 1912 г., после чего он будто бы порвал с нею всякую связь. В 1956 г. Исаак Дон Левин положил этот документ в основу книги "Великий секрет Сталина", в которой доказывал, что "большая чистка" 30-х годов в России имела целью ликвидировать всех, кто мог знать о прошлых связях Джугашвили с царской секретной полицией. Как было, однако, доказано, "письмо Еремина" является фальшивкой[95].

Вместе с тем нет никаких данных о том, что Джугашвили в тот момент находился в таком бедственном состоянии и ему настолько не хватало дружеского участия, что полиции удалось (опять же

допуская, что ему в самом деле это предлагали) склонить к сотрудничеству с ними. Напротив, мы располагаем, во-первых, цитированными выше показаниями Иремашвили о том, что некоторые бывшие товарищи по семинарии сообщая время от времени помогали Джугашвили, и, во-вторых, сведениями из его официальной биографии, где говорится, что на первых порах он немного зарабатывал, давая частные уроки. Более того, нет и намека на то, что Джугашвили когда-либо задерживался полицией до первого ареста в Батуме в начале 1902 г. А позднее, став комитетчиком социал-демократической партии, он получил доступ к денежным средствам, квартирам и т. п., которыми партия, исходя из собственных ресурсов, могла обеспечить профессионального революционера подобного ранга. К тому времени, когда Джугашвили переехал в Баку, или, вероятнее всего, еще до переезда его роль в большевистской организации уже оправдывала такое отношение. Деньги для помощи черпались из различных источников. В статье "Партизанская война" Ленин утверждал, что средства, полученные в результате "экспроприации", идут на содержание "экспроприаторов" - "лиц, ведущих" революционную борьбу[97].

Короче говоря, вопрос о возможной связи Сталина с полицией в самом начале революционной карьеры следовало бы разбить на два самостоятельных вопроса: 1) вступал ли Сталин в определенные деловые отношения с полицией, в процессе которых передавал информацию на других, пытаясь таким путем реализовать личные и фракционные замыслы, в то время как полиция старалась использовать эти контакты в собственных интересах; 2) был ли он полицейским

агентом в полном смысле этого слова, методически подрывавшим изнутри то самое движение, которому он по всем признакам посвятил всю свою жизнь? Ввиду отсутствия в известных нынче исторических материалах бесспорных свидетельств мы вправе считать утвердительный ответ на первый вопрос только весьма вероятным. Что же касается второго вопроса, то отрицательный ответ на него обусловлен не только фактом полного отсутствия каких-либо доказательств столь прочных и длительных связей с полицией, но и нашей оценкой молодого Сталина как революционера.

Примечания

2 История Грузии изложена в кн.: Long David (.....) ч Каминский В., Верещагин И. Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя. - "Молодая гвардия", 1939, в"--12. Очерк Горького напечатан в газете "Нижегородский листок" 26 ноября 1896 г.

7 Там же, с. 27 - 28.

9 Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 37. По словам авторов, Сосо открыл глаза и сказал: "Не бойся, мама, я чувствую себя хорошо".

11 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens. Berlin, 1932, S. 5 - 6. Иремашвили учился вместе с Джугашвили в Тифлисской духовной семинарии. Впоследствии, однако, он стал меньшевиком, и пути двух друзей разошлись. После революции Иремашвили преподавал в одной из тифлисских школ, а в начале 20-х годов эмигрировал. Подтверждения знакомства Иремашвили с Джугашвили в детстве и их

принадлежности к подпольной группе в Тифлисской семинарии в кн: Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 39, 72.

13 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens, S. 6, 11 - 12. Иремашвили объясняет (вероятно, несправедливо) грубый и жестокий характер Виссариона его осетинским происхождением. Горцы Осетии известны своими вендеттами.

15 Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк, 1969, с. 313.

19 Там же, с. 44 - 45.

21 Freud Sigmund. Collected Papers. London, 1952, vol. 4, p. 367. Относительно влияния глубокой привязанности к матери на формирование личности см.: Fromm Erich. Sigmund Freud's Mission. N. Y., 1959, p. 20.

23 Там же, с. 38, 41, 43, 64.

25 Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 38 - 39.

27 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens, S. 18. О том, что Сосо заимствовал кличку Коба из романа Казбеги, см.: Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 53.

29 Казбеги А. Указ, соч., с. 197.

31 Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 113, 114.

33 Махарадзе Ф. И. Очерки революционного движения в Закавказье. Тбилиси, 1927, с. 57-58.

35 Там же, с. 68. Иремашвили рисует несколько иную картину (Stalin und die Tragedie Georgiens, S. 20). По его словам, Сосо сперва решил в отличие от учебы, но

затем оставил это намерение, когда после первой же стычки с руководством семинарии пришел к выводу, что об успехах в учении не может быть и речи.

37 Дубинский-Мухадзе И. М. Орджоникидзе. М., 1963, с. 92.

39 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens, S. 21 - 22.

41 Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 69. В опубликованных после смерти Сталина мемуарах К. Е. Ворошилов писал, что, когда он впервые встретился с Джугашвили (и жил с ним в одной комнате) в 1906 г. на съезде партии в Стокгольме, молодой грузин мог на память цитировать отрывки из литературных произведений (Рассказы о жизни. Воспоминания. М., 1968, кн. 1, с. 247).

43 Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине, с. 26. Капанадзе, ставший впоследствии преподавателем грузинского языка, добавляет: "Эти слова, произнесенные в 1898 г., я напомнил товарищу Сталину при встрече с ним в 1926 г., и он вспомнил этот эпизод".

45 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens, S. 22.

47 Каминский В., Верещагин И. Детство и юность вождя, с. 83, 92.

49 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens, S. 23 - 24.

51 Там же, с. 84.

54 Сталин И. В. Соч., т. 8, с. 174. О прошлом он вспомнил, выступая 8 июня 1926 г. перед рабочими Главных железнодорожных мастерских в Тифлисе.

56 Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. - В: Малая Советская Энциклопедия. М., 1940, т. 10, с. 321.

58 Первые два произведения (включенные в 1-й том сочинений) - это редакционная статья без подписи, опубликованная в сентябре 1901 г., и статья "Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи", которая также появилась без подписи в конце года в названной газете (в"-- 2 - 3). Обе они очень отличаются от его последующих работ, а одна из них значится в списке литературы по истории партии, вышедшей в свет в послесталинский период, без указания автора. Эти статьи, возможно, плод коллективного творчества. Причем не обошлось без участия Сталина. Третья статья из 1-го тома сочинений, посвященная национальному вопросу и напечатанная в "Пролетариатис Брдзола", несомненно, принадлежит перу Джугашвили.

60 "Брдзолис Хма", Париж, 1930, в"--3; Вакар Н. Сталин (по воспоминаниям Н. Н. Жордания). - "Последние новости", Париж, 16 декабря 1936 г.; Уратадзе Григорий. Воспоминания грузинского социал-демократа. Стэнфорд, 1968, с. 66 - 67. Исаак Дейчер, который не согласен с таким объяснением, считает, что переезд Джугашвили был обусловлен личными и политическими разногласиями между ним и Джибладзе (Stalin: A Political Biography. N. Y., 1966, p. 46).

62 Там же, с. 56. Троцкий, признававший справедливость версии Аркомеда, заявил, что Джугашвили был единственным членом Тифлисского

комитета, переехавшим осенью 1901 г. в Батум (Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence. N.Y., 1967, p. 30).

64 Очерки истории коммунистических организаций Закавказья, с. 67.

66 Аллилуев С. Я. Пройденный путь. М., 1956, с. 80.

68 Махарадзе Ф. И. Очерки революционного движения в Закавказье, с. 76. - Очерки истории коммунистических организаций Закавказья, с. 70 - 72. Сначала в число девяти вошли Бочоридзе, Джибладзе, Жордания, Зурабов, Кнунянц, Махарадзе, Топуридзе, Цулукидзе и Цхакая. Джугашвили был одним из девяти других, которые входили "разновремено" (там же, с. 72). Этот факт, указанный в издании по истории компартии Грузии, опубликованном в 1967 г., прямо противоречит утверждению советских историков 30-х годов, что в отсутствие Джугашвили его избрали в комитет первоначального состава. Ложное утверждение относительно избрания в отсутствии побудило Исаака Дейчера сделать ошибочный вывод о том, что "в возрасте 22 лет он для подполья своего родного края уже являлся чем-то вроде "серого кардинала"". (Stalin: A Political Biography, p. 50).

70 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens, S. 21 - 23; Уратадзе. Г. Воспоминания грузинского социал-демократа, с. 67.

72 Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 56 - 57. Два письма впервые опубликованы в этом собрании сочинений. В примечаниях говорится, что они были найдены в переписке Ленина и Крупской с большевистскими организациями в России. Это объяснение звучит правдоподобно. Их подлинность подтверждают стиль и

грубая простота языка, которые вполне естественны, если иметь в виду, что Джугашвили писал их не для публикации, а в частном порядке друзьям.

74 Там же, с. 422, 423.

76 С этим согласны, в общем-то, все западные биографы Сталина. См., например: Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 100 - 101; Deutscher Isaac. Stalin: A Political Biography, p. 87 - 88; Wolfe Bertram D. Three Who Made a Revolution. N. Y., 1948, p. 390 - 391.

78 Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель - май 1907 года. Протоколы. М., 1963, с. 241. Использование вымышленных фамилий на заседаниях и в протоколах съездов было установившейся партийной практикой.

80 Подробности, касающиеся этих маневров, а также последующей профсоюзной деятельности Джугашвили в Баку, см. в: Suny Ronald Grigor. A Journeyman for the Revolution: Stalin and the Labour Movement in Baku, June 1907 - May 1908. ("Soviet Studies", January 1972, p. 382 - 384.

82 Suny Ronald Grigor. A Journeyman for the Revolution, p. 382, 386 - 389. Сведения относительно первоначальной воинственности Джугашвили Суни почерпнул из опубликованных в 1923 г. воспоминаний А. Стопами, одного из бакинских большевиков, который писал: "...была уже своя "левая" (т. Коба - Сталин) и "правая" (Алеша Джапаридзе и др., в том числе и я); разногласия были не по существу, а в отношении тактики и способов осуществления этой связи". Суни убедительно показывает, что Джугашвили заботился прежде всего о сохранении верховенства за подпольем, и замечает: "Как комитетчик он последним приспособился к новым

возможностям легальной деятельности рабочих". Воспоминания Стопани напечатаны в: Из прошлого. Статьи и воспоминания из истории бакинской организации и рабочего движения в Баку. Баку, 1923, с. 18.

84 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens, S. 30, 39.

86 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens, S. 40.

88 Верещак С. Сталин в тюрьме. - "Дни", Париж, 22 января 1928 г.

90 Medvedev Roy A. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. N. Y., 1971, p. 319 - 320. Р.Медведев собрал ценный материал, лично проинтервьюировав оставшихся в живых старых большевиков. Следует отметить, что Медведев отвергает доказательства, основанные на слухах, поскольку они базируются на рассказах, полученных из вторых и третьих рук лицами, которые сами провели годы в сталинских лагерях и по понятным причинам настроены к Сталину крайне враждебно.

92 Aronson Gregory. Was Stalin a Tsarist Agent? - "The New Leader", 20 August 1956, p. 24.

94 О поддельном характере документа см.: Aronson Gregory. Was Stalin a Tsarist Agent?; Tytell Martin K. Exposing a Documentary Hoax. Доклад Тайтелла был представлен 29 декабря 1956 г. собранию Американской ассоциации содействия развитию науки. В письме в "New Leader" (1 октября 1956 г., с. 28) Дон Левин согласился с тем, что этот документ мог быть "сомнительного происхождения".

96 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 14, с. 4. По словам Дж. Кипа, "отдельные активисты получали скромную плату (примерно 25 - 30 рублей в месяц) из партийной кассы, но это было скорее исключением, чем правилом" (The Rise of Social Democracy in Russia. London, 1963, p. 181). По мнению Леонарда Шапиро, "экспроприации" давали Ленину значительное преимущество над нищими меньшевиками в деле финансирования профессиональных партийцев" (The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1959, p. 108).

4.

4.

Нет ничего удивительного в том, что бунтарь стал марксистом: в те годы сам воздух Тифлиса был буквально пропитан марксизмом. В семинарии старшие ученики из социал-демократов (например, Девдариани) внушали своим младшим братьям (Джугашвили, Иремашвили и др.) идеи марксизма. Вне стен семинарии марксизм занимал доминирующее положение в помыслах грузинской радикальной интеллигенции. Рабочие Тифлиса, в первую очередь железнодорожники, весьма положительно воспринимали деятельность социал-демократических пропагандистов. Члены "Месаме-даси" писали статьи для газеты "Квали", которая под руководством нового редактора Жордания, вернувшегося из Европы в конце 1897 года, стала выходить еженедельно. Кроме того, в лице Жордания грузинская социал-демократия обрела влиятельного лидера.

Устремившегося в том же направлении Джугашвили тоже глубоко интересовала марксистская теория, в которой он стал неплохо разбираться. Покинув семинарию, он продолжал марксистское самообразование, и, хотя в конце 1898 г. Жордания довольно низко оценил уровень его знаний, уже через несколько лет Джугашвили стал весьма сведущим марксистом. Подобное утверждение может показаться несколько неожиданным, особенно если иметь в виду что позднее, вспоминая этот период, он сам называл себя партийным "практиком", и если иметь в виду часто

встречающееся представление о зрелом Сталине как о своего рода большевике-прагматике, которого больше интересовали конкретные, чем общетеоретические вопросы[3].

Несколько ранее Джугашвили представил письменное свидетельство своей теоретической подготовленности, которую он потом продемонстрировал в бакинской тюрьме. В серии статей, опубликованных большевистскими газетами Тифлиса под общим названием "Анархизм или социализм?", он защищал марксизм от нападков грузинских последователей русского теоретика анархизма Петра Кропоткина. За первой серией статей, напечатанных в середине и конце 1906 и начале 1907 г. последовала вторая. Она осталась неоконченной в связи с отъездом Джугашвили в апреле на Лондонский съезд и последующим переселением из Тифлиса в Баку. Расширенный вариант этих статей занимает почти 80 страниц 1-го тома его сочинений. Если бы работа была завершена, то мы имели бы небольшую книгу по марксистской теории, изложенную в форме полемики с противниками-анархистами. Но даже будучи неполным, трактат не позволяет сомневаться в том, что голова автора была буквально нашпигована доступными в то время классическими произведениями марксизма. Он цитирует такие работы Маркса и Энгельса, как "Анти-Дюринг", "Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии", "Манифест Коммунистической партии", "Критика Готской программы", "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", "Классовая борьба во Франции", "Гражданская война во Франции", "Нищета философии", "Революция и контрреволюция в Германии", "Недавний процесс в Кельне", "Происхождение семьи, частной собственности и государства". Видно также, что

Джугашвили хорошо знал несколько основных работ Кропоткина, "Историю социализма во Франции" Поля Луи, ну и, конечно же, сочинения грузинских анархистов, чьи взгляды подвергались критике.

Данная работа показывала, помимо марксистской эрудиции автора, что именно привлекло его в марксизме в первую очередь. Три завершенных раздела касались, соответственно, диалектики, материализма и теории социализма, а также анархистской критики марксизма по всем трем направлениям. Изложить марксизм, пояснял автор в начале первого раздела, - значит изложить диалектический материализм, ибо "марксизм - это не только теория социализма, это - цельное мировоззрение, философская система, из которой само собой вытекает пролетарский социализм Маркса"[5]. За кажущейся классовой пестротой современного общества, писал Джугашвили в конце 1906 г. в статье "Классовая борьба", кроется тот факт, что Россия разделена на два больших противоположных "лагеря" - лагерь капиталистов и лагерь пролетариев, - между которыми классовая борьба с каждым днем усиливается и вокруг которых собираются все остальные группы[7].

Совершенно очевидно, что в социализме Маркса молодой Джугашвили усматривал прежде всего Евангелие классовой борьбы. Вряд ли стоит сомневаться в том, что здесь нашли свое выражение потребности воинственно настроенной бунтарской личности. Итак, имелось в наличии социалистическое учение, которое делило весь мир на "мы" (униженные и угнетенные) и "они" (могущественные угнетатели, пока что господствовавшие во всех общественных институтах). Это учение побуждало первых непрестанно всеми доступными средствами беспощадно бороться со вторыми

и усматривало в социалистической революции достигшую высшей точки серию схваток в затяжной социальной войне. Подобная идеология не только узаконивала ненависть молодого человека к различным формам официальной власти, она также отождествляла его личных врагов с врагами истории, придавала более возвышенное значение желанию жить борьбой с силами зла и одновременно освящала его стремление к триумфу отмщения. Это стремление отразилось в пламенной прокламации, составленной Джугашвили в январе 1905 г. под заголовком "Рабочие Кавказа, пора отомстить!" В ней была дана яркая картина "недовольной России", восставшей против царского самодержавия, о "старческой дряблости" которого свидетельствовали такие факты, как потери в войсках, гибель флота и позорная сдача японцам маньчжурской военно-морской базы Порт-Артур. Перед лицом растущих народных волнений, писал автор, самодержавие, сбросив, подобно змее, старую кожу, надело овечью шкуру (типичное для Джугашвили сочетание метафор) и провозгласило внутри страны политику примирения. И далее: "Слышите, товарищи? Оно просит нас предать забвению свист нагаек и жужжание пуль, сотни убитых героев товарищей, их славные тени витающие вокруг нас и шепчущие нам: "Отомстите!" Но к голосам теней следовало прислушиваться. Поэтому он писал далее о том, что пора отомстить за товарищей, зверски убитых царскими башибузуками и потребовать от правительства отчета за погибших в сражениях на полях Дальнего Востока, пора осушить слезы их жен и детей и свести счеты за долгие годы страданий и унижений людей, пора разрушить царское правительство![9], он уже принадлежал к "твердым". В дискуссиях с Девдариани и

другими молодыми марксистами семинарии он в противовес более умеренным левым взглядам проповедовал революционный экстремизм[12]. Более того, существует сходное по содержанию ленинское письмо, которое, однако, не было адресовано лично Джугашвили. Речь идет о брошюре Ленина "Письмо к товарищу о наших организационных задачах", отпечатанной на гектографе сибирской социал-демократической организацией в июне 1903 г. и имевшей хождение среди политических заключенных тех мест как раз в то время, когда Джугашвили находился на пути в Иркутск и Новую Уду[14].

Явно неправдоподобный характер истории, рассказанной военным курсантам, нисколько не умаляет ее значения. Сопоставляя факты, мы можем заключить, что Джугашвили тогда уже слышал о Ленине и что по пути к месту сибирской ссылки он получил копию "Письма к товарищу", которое произвело на него огромное впечатление. И не удивительно. Сквозь сжатые строки изложения организационного плана была ключом увлеченность Ленина проектом подпольной партийной организации. Как вспоминал Сталин в 1924 г., в брошюре смелыми точными штрихами была набросана программа с множеством организационных деталей, не имевшая аналогии в предшествующей марксистской литературе. Не могло не наполнить чувством удовлетворения и не произвести впечатления на молодого комитетчика из партийного подполья сделанное Лениным в "Письме" заявление о том, что состоящие из профессиональных революционеров местные партийные комитеты, "должны руководить всеми сторонами местного движения и заведывать всеми местными учреждениями, силами и средствами партии"[16].

В письмах из Кутаиси Джугашвили предстает перед нами восторженным учеником, для которого Ленин является величайшим толкователем марксизма в русском движении, "горным орлом" (как указывалось в одном из писем). Причин же для восторгов было немало. Во-первых, ленинская концепция организации профессиональных революционеров как необходимого фактора политической революции подчеркивала важную роль людей, подобных Джугашвили. В соответствии с этой концепцией они становились подлинными творцами будущей революционной истории, а их деятельность в качестве агитаторов и пропагандистов, вносящих в рабочий класс марксистское революционное сознание, превращалась в тот момент в главное партийное поручение, в неперемнное условие грядущей социалистической революции. Джугашвили был вполне удовлетворен такой идеей. В статьях "Коротко о партийных разногласиях" и "Ответ "социал-демократу"" он жестоко бичевал грузинских критиков "замечательной книги" Ленина "Что делать?"[18].

Рассуждения Ленина относительно необходимости иметь небольшую централизованную, состоящую из отборных кадров и действующую из подполья партийную организацию, кружили голову молодому грузинскому последователю, который не только ненавидел казенную Россию, но и воображал себя таким же борцом и победителем, каким был Коба. В статьях Джугашвили о партии военная образность проступала даже еще сильнее, чем у Ленина. В работе "Класс пролетариев и партия пролетариев" от 1 января 1905 г. он рисовал две сражающиеся России как "две большие армии", каждая со своим "передовым отрядом" в виде политической партии. Авангардом "армии пролетариев", по его словам,

являлась социал-демократическая партия, у "армии буржуазии" либеральная партия. Как он писал, пролетарская партия - это не философская школа и не религиозная секта, а "партия борьбы", которая "руководит борющимся пролетариатом". "Боевая группа руководителей", - говорилось далее, - должна быть по количеству своих членов гораздо меньше класса пролетариев, по своей сознательности и опыту стоять выше его и представлять собой сплоченную организацию. Только в таком случае партия-де может обеспечить необходимое руководство "пролетарской армией". Последняя фраза повторялась в статье многократно²⁰. Джугашвили удалось наладить довольно тесные отношения с целым рядом кавказских большевиков в первую очередь с Енукидзе и Орджоникидзе. Более того, он сумел, как мы знаем, создать семью.

Вместе с тем совершенно очевидно, что, несмотря на собственную квазиизоляцию, Джугашвили ощущал потребность в общении. Однако по причинам, указанным выше, а также потому, что с ним было трудно ужиться, данная потребность не была удовлетворена. Этим прежде всего объясняется то воодушевление с которым он воспринял ленинскую концепцию партии, как элитарной организации революционных руководителей, связанных взаимным доверием. В книге "Что делать?" Ленин выступил против принятого в немецкой социал-демократии гибкого правила, касавшегося партийного членства. В особых условиях России, утверждал он, в партию следует принимать не всякого, кто признает ее программу, а только того, кто также готов и способен работать в одной из партийных организаций, обычно как профессиональный

революционер. В условиях нелегального существования Ленин считал такие демократические процедуры, как выборы партийного руководства, в принципе нецелесообразными. Вместо этого организация должна была основываться на "полном товарищеском доверии между революционерами". Если кто-то злоупотребит доверием, то для "избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни перед какими средствами". Кроме того, разве настоящий, не игрушечный демократизм не входил как часть в целое в это понятие товарищества?[22].

Деятельная, дружная и сплоченная общность революционеров-единомышленников существовала лишь на бумаге. Но даже как сугубо теоретическая концепция она приобрела для Джугашвили большой смысл, ибо утоляла неудовлетворенную потребность в единении. Это был тот самый боевой союз, к членам которого он мог с гордостью причислить и себя. Неважно, что союз этот только складывался и что причислять себя к нему можно было пока лишь мысленно. Почему бы, по-настоящему, не поверить в мечту и не постараться превратить ее в реальность? Почему бы не представить себя принадлежащим к нарождающейся общности революционеров, которым предопределено повести армию пролетариев на триумфальную битву с царизмом?

Подобный ход мыслей Джугашвили подтверждает статья "Класс пролетариев и партия пролетариев". В ней он отстаивал большевистскую точку зрения в принципиальном споре (расколовшим партию надвое), относительно условий, которые давали право называться членом партии. Правильной он считал только "замечательную формулировку" Ленина. Партию следовало рассматривать как "организацию

руководителей", а прием в члены - как ограниченную акцию, осуществляемую в интересах этой организации. Только "платонического принятия" партийной программы было недостаточно. Допустить в партию болтуна, готового на словах признать программу, было бы "осквернением святая святых партии". И далее: "До сегодняшнего дня наша партия была похожа на гостеприимную патриархальную семью, которая готова принять всех сочувствующих. Но после того, как наша партия превратилась в централизованную организацию, она сбросила с себя патриархальный облик и полностью уподобилась крепости, двери которой открываются лишь для достойных". Сравнение с крепостью упоминалось в статье неоднократно. "Мы должны, - говорилось в ней, - быть крайне бдительными и не должны забывать, что наша партия есть крепость, двери которой открываются лишь для проверенных". Ущербность формулировки меньшевика Мартова, касавшейся условий приема в члены партии, состояла якобы в том, что для него "партия - не крепость, а банкет, куда свободен доступ для всякого сочувствующего"[24]. Но ведь партийная общность была прежде всего союзом борцов. Не банкетом и не гостеприимной семьей, а "крепостью", двери которой открывались только достойным и испытанным. Данная метафора перекликалась с более поздней, когда Джугашвили назвал партию "своего рода орденом меченосцев внутри государства Советского..."[26].

Таковой оказалась ленинская "мечта" о партии, пропущенная через сознание и окрашенная эмоциями его грузинского апостола.

Как стать героем

Будучи подростком, Джугашвили нашел в Кобе тот образ, который соответствовал его потребности перевоплотиться в героя. Поступив в семинарию и встав на путь бунтовщика, он не перестал ощущать эту потребность. Иремашвили приписывает ему безграничное желание быть героем масс и даже высказывает мысль, что Джугашвили отверг христианского бога именно потому, что сам мнил себя богоподобной личностью[28].

В той мере, в какой эти стихи в состоянии что-то рассказать о сокровенных мыслях поэта в момент их сотворения, они говорят о растущем честолюбии и страстном желании славы.

Джугашвили представлял себе революцию полем, на котором добывается слава. Некоторые книги, прочитанные в начале пребывания в семинарии, вне всякого сомнения еще больше подхлестнули его воображение. В книге В. Гюго "93-й год", которую он предположительно прочел до или после конфискации ее инспектором Гермогеном, Великая Французская революция разворачивается в виде грандиозной битвы противостоящих друг другу армий, как сага о героизме и подвигах. В галерее революционных героев романа главной фигурой представал бывший священник Симурдэн. Гюго писал, что в нем жили два человека - "один с нежной душой, а другой - мрачной", что "он носил в себе абсолют". Мятежный семинарист, которому уже не составляло особого труда вообразить себя таким священником, должно быть, с интересом прочитал следующий абзац с характеристикой этого героя:

"Он был праведник и сам считал себя непогрешимым. Никто ни разу не видел, чтобы взор его увлажнили слезы. Вершина добродетели, недоступная и леденящая. Он был справедлив и страшен в своей справедливости. Для священника в революции нет середины. Превратности революции могут привлечь к себе священника лишь из самых низких либо из самых высоких побуждений; он или гнусен или велик. Симурдэн был велик, но это величие замкнулось в себе, ютилось в недостижимых кручах, в негостеприимно мертвенных сферах: величие, окруженное безднами. Иные горные вершины бывают так зловеще чисты"³⁰. Самые первые свои статьи он подписывал "Коба" и "Ко". Позднее этот псевдоним или его начальная буква присутствовала в таких известных комбинациях, как Коба Иванович, К. Ко и К. Като. Не отказался Джугашвили от него и тогда, когда примерно в 1910 г. взял партийную кличку Сталин я "К" или "Ко" продолжали появляться в качестве инициалов^[32].

То, что он думал действительно так, подтверждают написанные в 1904 г. письма из Кутаиси, в которых Джугашвили не только отличает Ленина от Плеханова, Аксельрода и других, но и называет своего героя орлом. На него произвела впечатление та твердая решимость, с которой Ленин отстаивал свои взгляды. "Человек, стоящий на нашей позиции, - писал Джугашвили своему другу Давиташвили, - должен говорить голосом твердым и непреклонным. В этом отношении Ленин - настоящий горный орел"^[34].

Столь пристальное наблюдение за поведением Ленина в тот момент, несомненно, говорит о страстном желании молодого Джугашвили брать пример со своего героя³⁷. Ранее в статье, посвященной памяти умершего

товарища Г. Телия, прозвучала похожая нота. Воздав должное этому "апостолу марксизма (большевизма)", которого отличали неиссякаемая энергия, глубокая любовь к делу, геройская непреклонность и апостольское дарование, Джугашвили продолжал: "Только в рядах пролетариата встречаются такие люди, как Телия, только пролетариат рождает таких героев, как Телия, и тот же пролетариат постарается отомстить проклятому строю, жертвой которого пал наш товарищ - рабочий Г. Телия"[39]. Он не только заимствовал у Ленина концепцию общности, которая помогала вести одинокую жизнь партийного подпольщика и изгоя; в то же самое время он создал концепцию самого себя, которая гармонировала как с потребностью в самоидеализации, так и с его антисоциальной социальной ролью революционера. Ленинизм утвердил его как Кобу, народного героя - мстителя и одновременно открыл возможность стать членом братства профессиональных борцов с существующим государственным строем, братства, названного Лениным "партией". Ленинизм, таким образом, помог ему смоделировать для себя величественный образ благородного революционера. В лице Ленина он дал Джугашвили высокочтимого вождя, живой пример вершины той славы, на которую он сам мог бы подняться как товарищ по оружию этого вождя. Не удивительно, что Джугашвили сделался самым ревностным сторонником Ленина на Кавказе и старался, где только возможно, во всем подражать своему герою. Теперь у него был внутренний компас, которым он будет стараться руководствоваться до конца дней своих.

Смена национальности

Все это самым решающим образом повлияло на национальные чувства Джугашвили, серьезно ослабив духовную связь с грузинским народом. И вовсе не потому, что партия, в которую он вступил, называлась Российской социал-демократической рабочей партией. В конце концов, в ней было много других грузин, которые тем не менее не перестали чувствовать себя грузинами. В случае с Джугашвили столь разительные последствия партийного членства объясняются прежде всего его отождествлением со своим героем - Лениным. Горный орел был не только великоросом, но и ярчайшим примером истинно русского революционера-интеллигента. Походив на него значило, помимо прочего, сделаться русским. Для этого Джугашвили располагал нужными языковыми предпосылками. Хотя по-русски он говорил с грузинским акцентом, сам язык, однако, уже не был для него чужим. Ко времени переезда в 1907 г. в Баку он владел русским настолько, что свободно писал на нем статьи и использовал в качестве разговорного языка. Таким образом, чтобы стать русским, требовалось, в сущности, только начать рассматривать себя таковым и духовно порвать с собственной грузинской натурой.

И если сделать первое Джугашвили побудило стремление к идентификации с Лениным, то пойти на второе его заставили совсем иные чувства. Как мы уже знаем, Джугашвили перессорился со многими видными грузинскими социал-демократами и в партийных кругах Грузии заслужил репутацию человека с трудным и

скандальным характером. На грузинской революционной арене не имели успеха ни он сам, ни социал-демократическое течение, к которому он примыкал. В том, что Грузия ни ему, ни большевизму не раскрыла объятий, Джугашвили не был склонен винить ни себя, ни большевизм, а саму Грузию. Он, по-видимому, объяснял это ее относительной отсталостью. Так, манера сопоставления Тифлиса и Баку в одном из "Писем с Кавказа" в 1910 г. кое-что говорила как о его чувствах, так и об этих городах. Баку он с восхищением рисовал пульсирующим центром нефтяной промышленности, где твердая классовая позиция большевиков находила живой отклик у рабочих. А вот Тифлис, где было всего около 20 тыс. промышленных рабочих (то есть меньше, чем солдат и полицейских), представлял интерес лишь "как административно-торговый и "культурный" центр Кавказа". Отдаленность от крупных рынков России, по его словам вечно живых и бурлящих, накладывала на Тифлис отпечаток застойности, а отсутствие острых классовых столкновений, свойственных крупным промышленным центрам, превращало его в "нечто вроде болота, ждущего толчка извне"[41].

А в следующий момент Джугашвили заявил, что фракция настоящих пролетариев является также фракцией истинных русских. Анализируя национальный состав делегаций, он подчеркнул, что в то время, как среди 85 меньшевистских делегатов большинство принадлежало евреям, за которыми следовали грузины, затем русские, подавляющее большинство из 92 делегатов-большевиков были русскими, далее (по численности) шли евреи, грузины и т.д. Джугашвили привел шуточные слова большевика Алексинского,

заметившего, что меньшевики - "еврейская фракция", а большевики - "истинно русская" и что не мешало бы большевикам "устроить в партии погром"[43].

Так через большевизм Джугашвили влился в русскую нацию. Вслед за осознанием самого себя как революционера, сторонника Ленина и члена "истинно русской" фракции, пришло ощущение принадлежности к русской нации. Возможно, поэтому он избрал партийной кличкой фамилию Иванович, под которой участвовал в партийных съездах в Стокгольме (1906) и Лондоне (1907)[45].

Статью отличало жесткое осуждение грузинского национализма во всех его проявлениях. Критика начиналась с полемики с группой националистически настроенных грузинских радикалов, которые незадолго до этого конституировались в партию социал-федералистов. Через издававшуюся в Париже газету "Сакартвело" новая партия требовала не только национальной автономии Грузии в пределах империи, но и автономии грузинской партии в рамках социалистического движения. Джугашвили с сарказмом отметил, что грузинский национализм, пройдя дворянский и буржуазный этапы, теперь опять выходил на политическую сцену, обрядившись в пролетарские одежды. Он бичевал выдвигающуюся грузинскими социал-федералистами и Армянской социал-демократической рабочей организацией идею разделения революционного движения в Российской империи на самостоятельные национальные партии, объединенные в союз, и обвинил эти группировки в том, что они подражают Всеобщему еврейскому рабочему

союзу[47]. В упомянутой выше статье он писал, что "целью всякой борьбы является победа"[49].

В известной мере презрительное отношение ко всему небольшому и слабому явилось причиной антисемитизма Джугашвили, который к концу жизни перерос в манию. Ведь евреи - это разбросанный по всему свету народ без собственной территории, нередко (особенно в России) объект погромов и преследований. Поскольку евреи были постоянно биты, он не мог относиться к ним с уважением, а сострадание он чувствовал, по-видимому, редко, если вообще когда-нибудь. Поэтому он с такой готовностью повторил грубую шутку Алексинского об "еврейской фракции, и целесообразности погрома в партии".

Следует отметить, что резкое неприятие Лениным казенной России и всего связанного с ней позволило Джугашвили с большей легкостью обрести тождество с русской нацией. В ленинском мировоззрении существовало две России: одна, которую не только можно, но нужно было ненавидеть, и рядом с ней другая, которая звала к участию в классовой борьбе. Это позволяло грузинскому апостолу сменить национальную принадлежность, не отказываясь от приобретенных в детстве антирусских настроений. Теперь дело сводилось лишь к тому, чтобы выразить их через марксистские понятия. Он отождествлял себя в тот ранний период не с Россией - государством, а с Россией - буревестником революции. Идентификация с государством наступит позже.

Следует добавить, что, избрав Ленина в качестве объекта преклонения и подражания, Джугашвили, однако, занял позицию, не лишенную определенной

двойственности. Ведь часто бывает, что мы бессознательно испытываем чувство соперничества или ревности по отношению к тому самому человеку, которым восхищаемся и с которого берем пример. Возникновение подобных чувств тем более вероятно, если, как в нашем случае, соответствующий персонаж отождествляет себя с более старшим по возрасту лидером движения, вождем и хотел бы подняться выше. Поэтому, как мы еще увидим, идентификация Джугашвили с Лениным вовсе не исключала трения и конфликты между ними в будущем.

Примечания

1 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens. Berlin, 1932, S. 24.

3 Верещак С. Сталин в тюрьме - ("Дни", 22 января 1928 г.).

5 Там же, с. 62 - 63.

7 Там же, с. 294, 344 - 346.

9 Воспоминания Жордания о расколе "Месами-даси" в: "Моя жизнь", Стэнфорд, 1968, с. 25, 29.

11 Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 52 - 54.

13 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 1 - 31. Мнение, что речь идет о данном ленинском документе, впервые высказал Бертрам Вулф (Three Who Made a Revolution. Boston, 1948, p. 426).

15 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 9.

17 Там же, с. 89 - 130, 160 - 172. Знал ли Ленин в то время, что Сталин являлся автором статей, точно не известно. Первая статья была напечатана от имени

Кавказского союзного комитета, а вторая первоначально появилась без подписи. Ее Сталин начал несколько необычно, настаивая на своем авторстве. Он, в частности, писал: "Я должен еще заметить вот что: автором брошюры "Коротко о партийных разногласиях" многие считают Союзный комитет, а не отдельное лицо. Я должен заявить, что автором этой брошюры являюсь я. Союзному комитету принадлежит только редакция ее" (там же, т. 1, с. 160). Очевидно, в момент написания он намеревался статью подписать.

19 Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 62 - 73.

21 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 141 - 142.

23 Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 64, 65 - 67, 70, 73. В примечании (с. 68) Сталин представил Ленина кавказскому читателю как "выдающегося теоретика и практика революционной социал-демократии".

25 Там же, т. 5, с. 71. Эта фраза появилась в наброске плана брошюры о политической стратегии и тактике.

27 Iremaschwili J. Stalin und die Tragedie Georgiens, S. 23.

29 Гюго В. 93-й год. М., 1988, с. 216, 106, 112.

31 Подпись "Сталин" впервые появилась под статьей, опубликованной в "Социал-демократе" в 1913 г. Но он, по-видимому, взял этот псевдоним ранее, поскольку в 1910 г. некоторые его статьи имели подпись "К. С." и "К. Ст." (Сталин И. В., Соч., т. 2, с. 187, 196).

33 Там же, т. 1, с. 56.

35 Это часто случается в психологическом процессе идентификации. Джугашвили хотел походить на

человека, которым восхищался и с которым себя отождествлял. Согласно З. Фрейду, разработавшему данную концепцию, "идентификация стремится к сформированию своего "я" по образцу другого человека, который берется за "идеал" (Психология масс и анализ человеческого "я". М., 1925, с. 49). Невит Сэнфорд пишет, что идентификация в отличие от сознательного подражания есть процесс более или менее бессознательный. "Возможно, говорит он, - наиболее существенным является то, что идентификация стремится к тождеству; другими словами, субъект старается вести себя точно также, как и объект" (The Dynamics of Identification. - "Psychological Review", 1955, в" -- 2, р. 100).

38 Там же, т. 2, с. 30, 31. Статья появилась в марте 1907 г. в грузинской газете "Дро".

40 Сталин И. В. Соч., т. 2, с. 188.

42 Там же, с. 50 - 51. Выражение "истинно русский" использовал в своем выступлении в 1832 г. царский министр просвещения князь Уваров, когда говорил об "истинно русских консервативных принципах православия, самодержавия и народности". Впоследствии это выражение стало присловьем крайне правых националистических элементов России. В примечании к статье (с. 382) указано, что Алексинский, чью шутку повторил Сталин, позже отошел от большевиков, а "после Октябрьской социалистической революции - белоэмигрант".

45 Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 42.

47 Я глубоко признателен Эрику Эриксону, который обратил мое внимание на значение этой двойной ассоциации.

49 Там же, т. 5, с. 232.

5.

5.

И это произошло по инициативе Ленина. Почему же он посчитал Сталина достойным стать членом столь влиятельного круга большевистских лидеров?

Мы уже упоминали, возможно, не лишнюю достоверности историю о том, при каких обстоятельствах Ленин в конце 1904 г. впервые обратил внимание на Сталина. Тогда проживавшие в Лейпциге друзья переслали Ленину полученные из Кутаиси восторженные письма Сталина. В ответном послании Ленин назвал грузинского автора "пламенным колхидцем". Прямая переписка началась в мае 1905 г., когда Сталин, будучи членом Кавказского союзного комитета, информировал Ленина о степени влияния большевиков и меньшевиков в партийных организациях Закавказья[3].

Какое впечатление произвел Сталин на Ленина, когда они впервые встретились на Таммерфорсской конференции в конце 1905 г., - не известно. Но на Стокгольмском съезде в 1906 г. оно, вероятно, было совершенно определенным (хотя и не совсем приятным). На заседании, на котором председательствовал Ленин, Сталин, выступая в прениях по аграрному вопросу, не поддержал ни ленинскую концепцию национализации земли, ни меньшевистский план ее муниципализации, а высказался за конфискацию помещичьих земель и распределение их среди крестьян. Такую позицию одобрило большинство делегатов-большевиков, но не съезд в целом. Тем временем часть партийцев, которых Ленин с презрением окрестил "ликвидаторами",

высказалась против воссоздания нелегальной партии, считая, что в сложившихся условиях социал-демократам нужно сосредоточить внимание на использовании существующих ограниченных возможностей для легальной деятельности, например в Думе. То было время, когда Ленин ощутил острую потребность в людях, абсолютно преданных революционному делу и идее нелегальной партии как его организующего инструмента, - то есть в людях, подобных Сталину, которые в короткие промежутки между арестами и ссылками продолжали работать в сохранившихся подпольных организациях и готовиться к новому революционному подъему. В своих статьях, публикуемых уже в партийных органах, которые издавались на русском языке и которые читал Ленин, Сталин твердо отстаивал ортодоксальную революционную политику. Возможность сделать партию как можно более легальной и в то же время отказаться от революционных требований, писал он в газете "Бакинский пролетарий" в августе 1909 г., означало бы похоронить партию, а не обновить ее. Для преодоления партийного кризиса было необходимо, во-первых, покончить с оторванностью от широких масс и, во-вторых, связать воедино партийную деятельность местных организаций на общенациональной основе. И, говоря словами Ленина, автора "Что делать?", Сталин заявил, что лучшим средством для достижения этой цели явилась бы общерусская партийная газета. Правда, в отличие от Ленина он настаивал на том, чтобы такая газета выходила в самой стране, а не за рубежом, поскольку заграничные партийные органы, "стоящие вдали от русской действительности", были якобы не в состоянии выполнить объединительные функции[7]. В письме, отправленном Сталиным в конце 1910 г. из

Сольвычегодска за границу, скрытая претензия на включение в подобный практический центр переросла в открытое домогательство. Адресованное некоему товарищу Семену, оно, однако, совершенно недвусмысленно предназначалось Ленину, которому в самом начале письма Сталин передавал горячий привет. Сталин доказывал настоятельную необходимость образования в России центральной координирующей группы, которую можно было бы назвать "русской частью Цека" или "вспомогательной группой при Цека", и тут же предлагал свои услуги после окончания оставшихся шести месяцев ссылки или при необходимости раньше[9]. Во всяком случае, когда фракция большевиков в 1912 г. на Пражской конференции преобразовалась в самостоятельную партию, Центральный Комитет, состоявший теперь из одних большевиков, не только кооптировал Сталина, но и избрал его одним из четырех членов Русского бюро, созданного для руководства партийной работой в России. И вполне возможно, что Ленин ввел Сталина в Центральный Комитет именно затем, чтобы он мог стать членом этого вспомогательного органа, на формировании которого Сталин постоянно настаивал[11].

Посещая летом 1911 г. партийную школу во Франции, Орджоникидзе от Ленина слышал, что его внимание привлекли и сильно раздосадовали письма Сталина. Однажды прогуливаясь с Орджоникидзе по Парижу, Ленин внезапно спросил его, известно ли ему выражение "заграничная буря в стакане воды". Орджоникидзе, который знал о письмах и сразу же понял, куда Ленин клонит, пытался защитить грузинского товарища и друга, однако Ленин продолжал: "Говорите - "Коба наш товарищ", дескать большевик, не перемахнет.

А что непоследователен, на это закрываете глаза? Нигилистические шуточки "о буре в стакане воды" выдают незрелость Кобы как марксиста". Затем, смягчая упрек, Ленин сказал, что у него сохранились о Сталине самые хорошие воспоминания, и похвалил некоторые из его ранних посланий из Баку, особенно прошлогодние "Письма с Кавказа"[13]. Здесь имелась в виду ситуация в Австрийской социал-демократической партии, которая с годами из единой партии преобразовалась в федеративный союз национальных социал-демократических групп (немецкой, чешской, польской, русинской, итальянской и южнославянской). Ленин опасался, что подобные тенденции возобладают и в России, где социал-демократическая партия с самого начала мыслилась как нефедеративный союз рабочих всех национальностей Российской империи[15].

Приезд Сталина в Краков в этот самый момент, должно быть, пришелся с точки зрения Ленина, как нельзя кстати. Ведь если требовалось бороться со взглядами нерусских "националов" в социал-демократическом движении, то для этой цели лучше других подходили сами "националы", которых было бы трудно заподозрить в равнодушии к нуждам национальных меньшинств. Более того, Ленин, по всей видимости, надеялся, что Сталин поможет разобраться в сложных национальных проблемах Закавказья. Если это так, то Сталин его не разочаровал, ибо хорошо разбирался в данном вопросе. И что еще важнее (как Ленину, вероятно, стало впервые известно): Сталин в течение длительного времени боролся с проявлениями местного национализма в революционном движении Закавказья. Мы уже видели, что в 1904 г. он выступил в печати против националистических тенденций в

определенных грузинских и армянских социалистических группировках и отстаивал идею централизованной Российской социал-демократической партии, которая собрала бы под свои знамена пролетариев всех народов России и разрушила бы разделявшие их национальные барьеры. Этой позиции Сталин придерживался в 1906 г., когда на региональном съезде партийных организаций Закавказья группа социал-демократов из Кутаиси подняла вопрос о культурно-национальной автономии, а также в 1912 г., когда Жордания и грузинские меньшевики пошли по тому же пути. Ленин, таким образом, встретил в Сталине "национала", горячо принявшего его сторону в спорах по национальному вопросу и поступившего так в силу давно сложившихся личных убеждений. Свое удовлетворение Ленин выразил в следующих строках письма, посланного Максиму Горькому в феврале 1913 г.: "Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее. У нас один чудесный грузин засел и пишет для "Просвещения" большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы"[17]. Мы сможем еще не раз убедиться в том, что Сталин не имел привычки выражать кому-нибудь признательность за использование чьих-то идей за исключением Ленина.

Завершив общетеоретическую часть работы, Сталин немедленно открыл огонь по австро-марксистской концепции "культурно-национальной автономии", разработанной двумя ее главными сторонниками - Карлом Реннером и Отто Бауэром. Социал-демократам, писал он, вместо организации наций, "сохранения и развития национальных особенностей народов" (как указывалось в программе австрийских социал-демократов) следовало бы организовать

пролетариат для классовой борьбы. "Культурно-национальная автономия" представляла собой замаскированный национализм, прикрытый, по выражению Сталина, броней социализма. Она-де являлась анахронизмом в эпоху, когда, как предсказывал Маркс, национальные перегородки повсюду падали. Более того, идея национальной автономии создавала психологические предпосылки для разделения единой рабочей партии на отдельные, организованные по национальному признаку партии и для аналогичного национального сепаратизма в профсоюзном движении. Такой путь, дескать, проделала австрийская социал-демократия, и опасные тенденции в этом направлении стали появляться и в России. В то время как Маркс, Каутский и Бауэр предусматривали для евреев не национальную автономию, а ассимиляцию, Бунд порвал с социал-демократическим интернационализмом, чтобы повести еврейских рабочих по дороге национального сепаратизма. И вот уже, говорилось далее, некоторые кавказские социал-демократы выдвинули требование культурно-национальной и областной автономии. Желая показать нелепость подобного требования, Сталин утверждал, что предоставить культурно-национальную автономию многочисленным малым народностям Кавказа (например, осетинам и мингрельцам) означало бы закрепить эти народности на низших ступенях развития и помочь местным силам политической реакции. Областную автономию Кавказа Сталин считал приемлемой, ибо она помогала бы отсталым нациям вылупиться из скорлупы мелконациональной замкнутости. Однако культурно-национальная автономия действовала бы в прямо противоположном направлении, замыкая нации в старую скорлупу. Национальный вопрос

на Кавказе мог бы быть разрешен только путем вовлечения отсталых наций и народностей в общее русло высшей культуры.

Касаясь довода о том, что требование (кавказской делегации) национально-культурной автономии не идет вразрез с провозглашенным социал-демократической программой правом наций на самоопределение, Сталин подтвердил право наций самим определять свою судьбу. Однако тут же оговорился, что, провозглашая и отстаивая это право, социал-демократии следует бороться и агитировать против вредных учреждений и нецелесообразных требований наций. Точно так же ей следует бороться и агитировать против католицизма, протестантизма и православия и в то же время отстаивать право людей на свободу вероисповедания. Социал-демократия была обязана влиять на волю наций, так чтобы нации выбрали форму, наиболее соответствующую интересам пролетариата; например, социал-демократия была обязана агитировать против отделения татар и против культурно-национальной автономии кавказских наций. Единственно верное решение национального вопроса в России было связано, по мнению Сталина, с областной автономией при одновременном предоставлении национальным меньшинствам всех регионов права пользоваться родным языком, иметь свои школы и т. п. Рабочая партия, однако, не должна создаваться отдельно по национальностям. На местах рабочим всех национальностей нужно было спланиваться в единую партию, осознавая себя не представителем определенной нации, а членом одной классовой семьи, единой армии социализма[19]. В самом деле, вполне возможно, что Сталин, взявшись за перо по предложению Ленина,

извлек много полезного из имевших место в Кракове дискуссий по национальному вопросу и включил в свой труд различные конкретные замечания, высказанные Лениным в ходе обсуждения этой проблемы. С другой стороны, нет никаких оснований целиком приписывать авторство Ленину, как это сделал Троцкий. Критика Сталина культурно-национальной автономии вполне согласовывалась с его собственными взглядами, которые он излагал в статьях еще в 1904 г. Большинство специалистов считает стиль изложения работы и манеру аргументации явно сталинскими. Примечания к тексту свидетельствуют о том, что большую часть необходимого австрийского материала он имел в русском переводе[21].

Работой по национальному вопросу Сталин утвердил себя в мнении Ленина знающим марксистом. Можно без преувеличения сказать, что он представил своему ментору удачную диссертацию. И все-таки эта встреча - хотя и веха в партийной карьере Сталина - еще не была началом их тесного личного общения. Вскоре после возвращения в Петербург в середине февраля 1913 г. и до того, как работа по национальному вопросу вышла из печати, Сталин был арестован полицией на благотворительном вечере, организованном местными большевиками. Полагали, что о месте его нахождения информировал полицию провокатор Роман Малиновский.[23]

Сибирская интермедия

После нескольких месяцев пребывания в петербургской тюрьме Сталина приговорили к четырем годам ссылки в Туруханский край на севере Центральной

Сибири. В начале июля 1913 г. его отправили под конвоем по железной дороге в Красноярск, затем пароходом по Енисею в село Монастырское, административный центр Туруханского края. Здешняя колония ссыльных, заблаговременно извещенная о приезде Сталина, устроила ему радушный прием, приготовив жилье и провизию. Вновь прибывший, однако, ожиданий не оправдал. Вместо того чтобы, следуя сложившемуся ритуалу, рассказать собравшимся о политической ситуации в России, он удалился в свою комнату и не пожелал ни с кем разговаривать. И что еще хуже: при переводе в отдаленный населенный пункт он забрал с собой все книги недавно умершего члена колонии. Ссыльные уже решили, что эти книги составят библиотеку для общего пользования. Один из ссыльных, Филипп Захаров, который отправился поговорить со Сталиным по данному вопросу, был встречен с таким высокомерием, с каким генерал обычно принимает простого солдата[25]. В конце мая они разъехались, и Свердлов писал другу: "Со мной товарищ. Но мы слишком хорошо знаем друг друга. Притом же, что печальнее всего, в условиях ссылки, тюрьмы человек перед вами обнажается, проявляется во всех своих мелочах. Хуже всего, что только со стороны "мелочей жизни" и виден. Нет места для проявления крупных черт. С товарищем теперь на разных квартирах, редко и видимся"[27]. И верно, от Курейки до Гори было далеко.

Позднее, после возвращения в Петроград (Петербург переименовали в 1914 г.), Сталин рассказал Аллилуевым несколько подробнее о своей жизни в Курейке. Жители поселка, принадлежавшие к одной из народностей Севера, привыкли звать его Осипом и научили ловить рыбу в Енисее. Благодаря успехам

(которые объяснялись тем, что он постоянно переходил с места на место, в то время как местные жители имели обыкновение оставаться в одной точке независимо от того, был клев или нет) они считали, что Сталин обладает волшебной силой, и говорили: "Осип, ты слово знаешь!" Однажды, возвращаясь домой после подледной рыбной ловли, он попал в пургу и сбился с дороги. Впоследствии он узнал, что двое жителей деревни, с которыми он безуспешно пытался заговорить, убежали потому, что приняли его за водяного[29]. Данная история, если она соответствует действительности, помогает объяснить, почему Сталин и Свердлов в Курейке жили отдельно друг от друга.

Ввиду ухудшавшегося положения на фронте правительство в октябре 1916 г. объявило политических ссыльных пригодными к военной службе. Сталин оказался в числе призванных от Туруханского края и выехал в Монастырское, чтобы затем проследовать в Красноярск для зачисления в армию. Здесь, он вновь продемонстрировал свое высокомерие и отчужденность, которые вызвали раздражение у ссыльных при его первом приезде. Очевидно, ему было нужно подчеркнуть и добиться признания своего особого положения, которое, по его мнению, он занимал, будучи членом Центрального Комитета. Сталин не только держался в стороне от других ссыльных, но и не позаботился в возобновлении контактов со Свердловым и еще с одним членом Русского бюро, в тот момент находившимся в Монастырском. Как писал в неопубликованных мемуарах бывший ссыльный большевик Б. Иванов, "необходимого примирения не произошло. Джугашвили остался таким же надменным, как и всегда, замкнутым в себе, в своих мыслях и планах... По-прежнему он испытывал неприязнь

к Свердлову и не шел на примирение, хотя Свердлов был готов протянуть руку дружбы и согласился обсудить проблемы рабочего движения в присутствии трех членов Русского бюро ЦК партии"[31].

В конце февраля 1917 г. Россия уже была охвачена революцией. С увеличением трудностей, вызванных ужасной и, казалось, бесконечной войной, в значительной мере расстроившей работу важных отраслей хозяйства, росло беспокойство и среди городского населения. Волнения начались в Петрограде 23 февраля среди жителей, стоявших в очередях у продовольственных лавок. Затем по городу и пригородам прокатилась волна забастовок и уличных демонстраций, а когда солдаты гарнизона отказались выполнять приказ подавить беспорядки силой, ситуация стала неуправляемой. В этих условиях высшие сановники уговорили царя отречься от престола. Попытки сохранить династию путем учреждения регентства с младшим сыном царя в качестве будущего императора успеха не имели. 2 марта власть официально перешла к сформированному Государственной думой Временному правительству, которое возглавил князь Львов.

Самодержавное авторитарное, полицейское государство Российское внезапно превратилось, как вскоре писал Ленин в Апрельских тезисах, в "самую свободную страну в мире из всех воюющих стран". Политические ссыльные в отдаленных уголках России первыми ощутили приход свободы. Группа ссыльных, включавшая Сталина, 8 марта села в Красноярске в курьерский поезд и четыре дня спустя прибыла в Петроград. Ликующие толпы приветствовали их на всем пути от вокзала. Сталин сразу же разыскал Аллилуевых, проживавших на окраине города, которые оказали ему

сердечный прием. Дома были Сергей и Ольга, их сын Федор, старшая дочь Анна и младшая Надежда, шестнадцатилетняя гимназистка. Они засыпали вновь прибывшего вопросами о ссылке, Сибири и обратном пути. Сталин обнаружил необыкновенные актерские способности, расписывая во всех подробностях, как поезд, шедший в Петроград, останавливался на провинциальных вокзалах и доморощенные ораторы били себя в грудь, повторяя выпренными словами, что "святая революция, долгожданная, родная... пришла наконец-то". На другое утро Сталин вместе с Федором, Анной и Надеждой поехал на поезде в город. Аллилуевы подыскивали другую квартиру, а Сталин направлялся в редакцию газеты "Правда". Кивнув на прощание, Сталин сказал: "Так смотрите же, обязательно. И для меня комнату! Не забудьте ..."[33]. Протоколы не раскрыли характер "некоторых личных черт". Однако нет сомнений в том, что имелись в виду его высокомерие, отчужденность и нетоварищеское поведение в Туруханской ссылке.

1917 год

Революция 1917 г. была вызвана не только глубокими историческими причинами, но и затяжной неудачной войной, в которой плохо оснащенная, неумело руководимая русская армия, состоявшая в основном из крестьян, потеряла, по некоторым оценкам, семь миллионов человек. С продолжением бойни в населении усиливались пораженческие настроения, армия все более деморализовывалась. В секретном докладе полиции за октябрь 1916 г., позднее обнародованном Советским

правительством, говорилось: "Все с нетерпением ожидают конца "проклятой войны"". "Я твердо убежден, - писал 10 марта 1917 г. командующий 7-й армией генерал В. Ю. Селичев, - что простой солдат желает сегодня только одного - хлеба и мира, - так как он устал от войны"[35].

Сначала под руководством Молотова и в то время, когда Русское бюро ЦК возглавлял А. Шляпников, газета "Правда" занимала более радикальную позицию отказа от какой бы то ни было поддержки Временного правительства. Теперь же ее тон переменялся. В своих мемуарах Шляпников писал: "Тт. Каменев, Сталин и Муранов решили овладеть "Правдой" и повести ее на "свой" лад... Редактирование очередного, 9-го номера "Правды" от 15 марта, на основании этих формальных прав, они взяли полностью в свои руки, подавив своим большинством и формальными прерогативами представителя Бюро ЦК т. В. Молотова". Как вспоминал далее Шляпников, этот "переворот в редакции" вызвал большое возмущение в рабочих районах Петрограда, где умеренная политика по отношению к войне и Временному правительству не вызывала симпатий и где даже требовали исключить трех новых редакторов из партии[37].

Ничего не сказали они о письмах Ленина и делегатам Всероссийского совещания большевистских партийных работников, проходившего в Петрограде за закрытыми дверями в конце марта - начале апреля 1917 г. Докладывая Совещанию о политике партии в отношении Временного правительства, Сталин предостерегал от "форсирования событий" из-за опасности преждевременного разрыва с средними слоями буржуазии. Прибывшим из провинции нетерпеливым

товарищам он заметил, что ставить вопрос о немедленном захвате власти несвоевременно, ибо Временное правительство еще "не так слабо". Сталин (опять же с подачи Каменева) настаивал на политике условной поддержки Временного правительства в той мере, в какой оно "закрепляет шаги революции". Партии следовало выждать благоприятного момента и позволить самим событиям обнаружить "пустоту" правительства. Позднее Сталин внес и отстаивал предложение о переговорах с меньшевиками по вопросу объединения партии на платформе умеренной оппозиции к войне. После принятия четырнадцатью голосами против тринадцати этого вызвавшего споры предложения Сталину поручили руководить большевистской делегацией, уполномоченной вести переговоры[39].

В результате политику ограниченной поддержки Временного правительства Каменева - Сталина заменили революционной бескомпромиссностью, провозглашенной в Апрельских тезисах. Кроме того, разъясняя 4 апреля собранию большевиков свои тезисы, Ленин в резкой форме отверг идею объединения с меньшевиками. В конце выступления Ленин заявил: "Я слышу, что в России идет объединительная тенденция, объединение с оборонцами. Это предательство социализма. Я думаю, что лучше остаться одному, как Либкнехту: один против 110"[41]. Многих большевиков буквально ошеломил разработанный Лениным дерзкий план и повергло в смятение казавшееся на первый взгляд ошибочным объяснение сложившейся в России ситуации. Как вспоминал много позднее Сталин, он и другие "практики-большевики" до революции 1917 г. полагали, что между буржуазной и социалистической революциями будет длительный перерыв, и в силу "недостаточной

теоретической подготовки" не поняли ленинской мысли о "перерастании" буржуазной революции в социалистическую[43]. Критика Сталина совпадала со словами Каменева, заметившего на том же заседании, что тезисы не дают конкретных руководящих указаний. То же самое можно сказать и о заявлении Каменева на Всероссийской конференции большевистской партии, проходившей с 24 по 29 апреля, где он сказал, что в тезисах "общая социологическая схема не заполнена была конкретным политическим содержанием"[45]. Главная причина этого успеха крылась, вероятно, в том, что он теперь принимался за дело, к которому Ленин готовил его в предшествующие годы: Сталин теперь занимался национальными вопросами; здесь он чувствовал себя в родной стихии и мог принести наибольшую пользу. Утверждая практику, которой он часто будет следовать в дальнейшем, Сталин выступил на Апрельской конференции с докладом по национальному вопросу. Еще до официального создания соответствующего ведомства он уже действовал в качестве большевистского комиссара по делам национальностей.

И как показала Апрельская конференция, национальный вопрос превращался для партии в одну из наиболее жгучих и трудных проблем. Желая поощрить революционный распад многонациональных империй (прежде всего России), Ленин в свое время в работе "О праве наций на самоопределение" выдвинул идею о том, что каждая национальная общность имеет полное право отделиться и образовать собственное независимое государство. И вот эта дезинтеграция начала реально осуществляться. Финляндия, которая являлась частью царской империи с особыми правами внутренней

автономии, стала добиваться у Временного правительства санкции на отделение. Другим вероятным кандидатом была Польша; сепаратистские движения зрели на Украине, в Закавказье и в других местах. Следовало ли большевикам в данных условиях продолжать придерживаться предложенной Лениным формулы? Доклад Сталина и внесенный им проект резолюции отвечали на этот вопрос утвердительно, но с оговоркой. Право на отделение провозглашалось верным в принципе, и признавалась справедливость требования Финляндии. Но проект резолюции Сталина содержал существенные дополнения, которые сводились к тому, что право наций на свободное отделение нельзя было смешивать с вопросом о "целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент". Этот вопрос "партии пролетариата" следовало решать в соответствии с интересами всего "общественного развития и интересами классовой борьбы"[47]. Проницательные слушатели, могли бы почувствовать, что автор этих замысловатых аргументов, изложенных с грузинским акцентом, является прорусским централистом из среды национальных меньшинств. Но как видно, никого из присутствовавших не интересовали подлинные взгляды Сталина.

Содокладчик Георгий Пятаков, молодой перспективный большевик левых убеждений (тесно связанный с Бухариным, еще не вернувшимся в Россию), доказывал, что партия не должна поддерживать принцип права на национальное самоопределение. Пятаков был особо заинтересован в делах Украины, так как провел юные годы в Киеве. Он и поляк Феликс Дзержинский считали, что сепаратистские движения меньшинств - в Польше ли, на Украине или где-нибудь еще - могут быть

использованы местной буржуазией для сдерживания революции. Дескать, бороться за социализм социал-демократам нужно под лозунгом "Прочь границы". Отвечая Пятакову, Ленин сказал, что с 1903 г. польские товарищи выступали против идеи национального самоопределения. По сути, заметил Ленин, они просили своих русских товарищей занять позицию русских шовинистов, отказывающих Польше, Украине и Финляндии в праве на отделение от России. Всякий русский социалист, не признающий финскую или украинскую самостоятельность, обязательно-де скатится в болото шовинизма. Существовала, однако, надежда, что, "если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся..."[49]. Тем не менее после июльской демонстрации Временное правительство распорядилось об аресте Ленина и Зиновьева по обвинению в заговорщицкой деятельности и способствовало появлению в печати сообщений о принадлежности большевистских лидеров и их сторонников к агентуре германского генерального штаба. К этому времени Ленин скрывался на квартире Аллилуевых, переехавших на ул. Рождественка вскоре после первого посещения их Сталиным. Помимо безусловной надежности самих Аллилуевых, данное убежище было хорошо еще и тем, что семья проживала здесь всего два месяца и их квартира не была известна как партийная явка. Ленин занимал ту же самую комнату, которую Аллилуевы оставили по просьбе Сталина и которой он еще не пользовался[51]. Когда же пришла Елена Стасова и рассказала, что правительство распускает слух о принадлежности Ленина к агентам полиции, он решил сдаться властям и остался в укрытии только после того, как попытки Орджоникидзе и Ногина

получить от Петроградского Совета гарантии безопасности и гласного суда для Ленина не увенчались успехом. Через неделю газета "Пролетарское дело" опубликовала письмо Ленина и Зиновьева в котором они объявили о своем решении не являться в суд, поскольку в тот момент в России не могло быть беспристрастного правосудия и революционеры не имели оснований питать конституционные иллюзии.

Частые посещения товарищей по партии вскоре сделали необходимым сменить место укрытия. Было решено, что Ленин переедет в небольшой городок Сестрорецк, расположенный на берегу Финского залива, примерно в двадцати милях к северо-западу от Петрограда. Чтобы добраться до места незнанным, требовалась маскировка. Ленин решил сбрить бороду и усы, и Сталин взял на себя роль брадобрея. Затем Ленин нахлобучил кепку и надел длинное пальто Сергея Аллилуева. Похожий на финского крестьянина он в сопровождении Сталина и Аллилуева покинул квартиру, пробрался боковыми улочками к Приморскому вокзалу и сел в переполненный вагон пригородного поезда, следовавшего в нужном направлении[53]. Весьма вероятно, что именно тогда Сталин начал с особым вниманием относиться к Надежде очаровательной, непосредственной девушке, чье музыкальное дарование сочеталось со склонностью к домашнему хозяйству и которая, как и все Аллилуевы, твердо стояла на стороне большевиков. Через два года они поженились.

Волна реакции, последовавшая за июльскими днями, временно отстранила от активной деятельности многих революционных руководителей. В тот момент, когда Ленин и Зиновьев скрывались, а Троцкий и Каменев вместе с другими находились в тюрьме, Сталин

оказался в числе менее значительных деятелей, которых ход событий выдвинул на передний план в большевистских делах. Июльские дни, подобно февральской революции, на какое-то время предоставили ему возможность серьезно влиять на процесс выработки общей партийной стратегии. Правда, во второй раз Сталин вполне заслужил эту роль, поскольку за прошедший период сумел научиться безошибочно повторять ленинские мысли; на него можно было положиться, что он сумеет отстоять в высших партийных органах взгляды отсутствующего вождя. И когда в начале августа 1917 г. 267 большевистских делегатов собрались на проходивший в подполье VI съезд партии, с Отчетным докладом ЦК (обычное первое выступление на съезде, являвшееся прерогативой Ленина) выступил Сталин, который также сделал доклад о политическом положении.

На съезде Сталин уже несколько не походил на того умеренного партийца, который в марте считал социалистическую революцию в России преждевременной. Конечно, подобные взгляды все еще имели довольно широкое хождение в партии и четко обозначились в прениях по текущему моменту. Теперь Сталин полностью стоял на ленинских позициях; для него проблема отношений между Временным правительством и революцией сводилась к формуле "кто кого?" Сталин, в частности, сказал: "Что такое Временное правительство? Это - кукла, это жалкая ширма, за которой стоят кадеты, военная клика и союзный капитал - три опоры контрреволюции. Если бы "социалистические" министры не были в правительстве, быть может, контрреволюционеры были бы уже свергнуты. Но характерная черта момента в том, что

контрреволюционные мероприятия проводятся руками "социалистов". Только создав такую ширму, контрреволюция может просуществовать еще месяц-другой. Но поскольку растут силы революции, взрывы будут, и настанет момент, когда рабочие поднимут и сплотят вокруг себя бедные слои крестьянства, поднимут знамя рабочей революции и откроют эру социалистической революции на Западе".

...ния ее к миру и при наличии пролетарской революции на Западе - к социализму". Сталин возразил и заявил: "Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму. До сих пор ни одна страна не пользовалась в условиях войны такой свободой, как Россия и не пробовала осуществлять контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас же рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитализма. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего (курсив мой. - Р. Т.)"[56]. "Это противоречивое заявление, - писал в послесталинский период советский журнал по истории партии, - допускавшее при определенных условиях возможность явки Ленина в распоряжение буржуазного правительства, было глубоко ошибочным"[58].

Вместе с тем (и на это справедливости ради следует указать) ничто не говорит о том, что Сталин серьезно

ожидал развития событий по схеме, которая упоминалась в заявлении и которую многие нашли неприемлемой. Во всяком случае данная им в речи по текущему моменту характеристика Временного правительства совершенно исключала возможность признания его большевиками, "по крайней мере, в какой-то степени честным режимом". В действительности дело в том, что Сталин и здесь обнаружил тенденцию, которая проявилась в его выступлении на Апрельской конференции по национальной проблеме, - тенденцию к двойственности по тактическим вопросам, когда принципы и практический политический курс оказывались не в ладах. Он, например, провозглашал принципиальное право наций на самоопределение, и одновременно проповедовал политику, которая на практике противоречила этому принципу. В другом случае он предлагал партии занять позицию, которая бы в принципе предусматривала явку Ленина и Зиновьева в суд, но на условиях, которые не могли реально существовать. В то время, когда обстоятельства, по мнению многих большевиков, настоятельно требовали совершенно четкой позиции, Сталин предпочитал следовать извилистым путем.

Впоследствии в сталинской литературе утверждалось, что в 1917 г. он работал в полной гармонии с Лениным. Факты, однако, не подкрепляют этот тезис. Помимо разногласий в начале апреля, из революционного периода известны еще два случая, когда Сталин расходился с Лениным по вопросам, которые последний считал исключительно важными. Первый эпизод имел место накануне октябрьских событий, когда Каменев и Зиновьев, нарушив партийную дисциплину, раскрыли в газете "Новая жизнь" план восстания. В

письмах в Центральный Комитет от 18 и 19 октября Ленин осудил их за "штрейкбрехерство" и потребовал исключения из партии. Однако некоторые члены ЦК посчитали, что принимать столь крутые меры не стоит. При обсуждении этого вопроса 20 октября на заседании ЦК, на котором присутствовало восемь членов, Свердлов, доказывая неправомочность Центрального Комитета исключать из партии, высказался за то, чтобы ограничиться принятием заявления Каменева о выходе из ЦК. Сталин, в тот день по собственному почину опубликовавший в партийной газете письмо Зиновьева с ответами на обвинения Ленина и сопроводивший письмо редакционной заметкой (в которой писал, что "...вопрос можно считать исчерпанным..."), вначале предложил ничего не предпринимать по данному делу до предстоящего пленума ЦК. Когда же это предложение не прошло, Сталин, утверждая, что Зиновьев и Каменев подчинятся решениям Центрального Комитета, высказался против их исключения из партии и вывода из ЦК. После того как ЦК пятью голосами против трех принял отставку Каменева, Сталин выразил готовность уйти с поста редактора партийного органа, однако ЦК с этим не согласился⁶⁰. В результате Сталин проголосовал вместе с большинством в поддержку ленинского предложения. Тем не менее резкий упрек вождя в его адрес навсегда запомнился присутствующим, а также нашел отражение в протоколах заседания.

Бурная политическая деятельность в массах в 1917 г. не отвечала натуре Сталина, поэтому он ничем особенным не проявил себя как политический руководитель, как яркая личность. Не обладая ораторским талантом, он не спешил выступать на массовых митингах. Его статьи в большевистской прессе

не обнаруживали публицистического дара. Но что важнее всего, Сталин не проявил таких важных качеств выдающегося революционного вождя, действующего в кризисной и постоянно меняющейся ситуации, как умение быстро приспосабливаться к новой обстановке, творческое мышление, хорошее понимание настроений масс и умение на них правильно реагировать, решимость. Не удивительно, что в воспоминаниях многих большевиков Сталин не фигурировал в качестве одного из героев революционного периода. Не выступал он таковым в мемуарах и в исторической литературе первых послереволюционных лет. В одном из популярных небольшевистских журналов издававший его участник и очевидец тех событий Николай Суханов в довольно пренебрежительной форме комментировал появление Сталина в марте 1917 г. в Исполнительном Комитете Петроградского Совета. Заметив, что среди "генералитета" большевистской партии имелось много фигур покрупнее и вождей подостойнее, Суханов продолжал: "Сталин же за время своей скромной деятельности в Исп. Комитете производил - не на одного меня - впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать"[62]. Как мы уже видели, в не совсем выгодном свете он предстал и в таких первых воспоминаниях большевиков о революции, как мемуары Шляпникова.

И все же, если на этом поставить точку, то может сложиться неверное представление о роли Сталина в революции. Год 1917-й явился важной вехой на пути Сталина к вершине. Находясь в центре революционных событий, участвуя в совещаниях большевистского Центрального Комитета, действуя как один из ведущих партийных организаторов, он накопил значительный

опыт политика. Именно тогда, как заметил позднее Троцкий, Сталин получил статус признанного члена большевистского генерального штаба и наконец "стал окончательно Сталиным"[64]. Ни одна из этих организационных мер не имела существенного влияния на разворачивавшиеся с головокружительной быстротой события. Однако обе они явились ступенями в возвышении Сталина как вождя партии.

Примечания

2 Очерки истории коммунистических организаций Закавказья. Тбилиси, 1967, ч. I, с. 141.

5 Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. N. Y., 1959, p. 101. Бертрам Вулф пишет: "К 1909 г. партия уменьшилась настолько, что Крупская записала: "У нас совсем нет людей"". Впоследствии Зиновьев, человек, близкий Ленину, заявил: "В этот несчастный период партия как единое целое перестала существовать" (Three Who Made a Revolution. Boston, 1948, p. 486).

7 Там же, с. 198 - 199.

9 Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947, с. 50. В книге говорится, что в должности агента или уполномоченного ЦК Сталин пребывал с 1910 по 1912 г. Можно было бы усомниться в правдивости этого утверждения, и

прежде всего потому, что оно отсутствует в более ранних официальных биографиях Сталина. Однако оно нашло подтверждение в примечании к протоколам заседания Бюро ЦК в марте 1917 г. ("Вопросы истории КПСС", 1962, в" -- 3, с. 156).

11 Эти письма не вошли в собрание сочинений Сталина. Текст третьего, перехваченного полицией и обнаруженного в ее архивах письма опубликован вместе с другими материалами о Сталине в тифлисской газете "Заря Востока" 23 декабря 1925 г. Полный текст двух других писем не публиковался, но выдержки из них содержатся в: Дубинский-Мухадзе И. М. Орджоникидзе. М., 1963, с. 93; Пospelов П. Н. (гл. ред.). Владимир Ильич Ленин. Биография. 2-е изд. М., 1963, с. 179 - 180.

13 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 223 - 230. Хотя статья была написана в ноябре 1912 г., ее опубликовали лишь в августе 1913 г.

15 Там же, с. 59. 314 - 322.

17 Сталин И. В. Соч., т. 2, с. 292 - 302. О замалчивании Сталиным факта заимствования у Каутского см.: Medvedev Roy A. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. N. Y., 1971, p. 509; Семенов Ю. И. Теоретическая разработка В. И. Лениным национального вопроса. - "Народы Азии и Африки", 1966, в" -- 4, с. 119 - 121. Семенов пишет, что в первых двух разделах работы Сталин "даже стилистически "использовал" работы К. Каутского ...".

19 Djilas Milovan. Conversation with Stalin. N. Y., 1962, p. 157. Сталин заявил об этом, отвечая на вопрос Джиласа о различии между "народом" и "нацией". Из английского текста беседы Джиласа нельзя с полной уверенностью сказать, имел ли Сталин в виду только это

различие или всю работу, когда заявил: "Таков был взгляд Ильича... Ленина". Джилас сообщил мне, что по его мнению, Сталин имел в виду работу в целом.

21 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 169. А 29 марта он вновь писал Каменеву: "Коба успел написать большую (для трех номеров "Просвещения") статью по национальному вопросу. Хорошо! Надо воевать за истину против сепаратистов и оппортунистов из Бунда и из ликвидаторов" (там же, т. 48, с. 173). В декабре 1913 г. в редакционной статье, посвященной программе партии по национальному вопросу, Ленина писал, что "в теоретической марксистской литературе... основы национальной программы с.-д. уже были освещены за последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина)" (там же, т. 24, с. 223).

23 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 101, 161. Первое письмо опубликовано здесь впервые, а второе вошло в "Ленинский сборник" (т. 11), выпущенный в 1929 г. Что касается упомянутого Лениным важного дела, то, возможно, объяснение содержится в мемуарах А. С. Аллилуевой ("Воспоминания", с. 118). Она писала, что Сталин послал из Сибири ее отцу рукопись работы по национальному вопросу для передачи Ленину и что Аллилуевы эту просьбу исполнили. Весьма вероятно, что к Карпинскому Ленин обращался в этой связи.

25 Городецкий Е., Шарапов Ю. Свердлов. Жизнь и деятельность. М., 1961, с. 84 - 86.

27 Аллилуева А. С. Воспоминания, с. 117 - 118. О встрече Сталина и Сергея Аллилуева в Баку см.: Аллилуев С. Пройденный путь. М., 1946. с. 182.

29 Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк, 1969, с. 330. Автор писала: "Тетки говорили мне, что во время

одной из сибирских ссылок он жил с местной крестьянкой и что где-то теперь живет их сын, получивший небольшое образование и не претендующий на громкое имя". Речь может идти только о туруханской ссылке, ибо во время двух предшествовавших ссылок он не был в Сибири достаточно долго, чтобы успеть создать семью.

31 Байкалов А. Мои встречи с Осипом Джугашвили ("Возрождение", Париж, март - апрель 1950 г., с. 118). По словам Байкалова, в то время он являлся членом правления Енисейского союза кооперативов и часто ездил из Красноярска в Ачинск.

33 "Вопросы истории КПСС", 1962, в"-- 3, с. 143. В протоколе заседания Бюро ЦК от 15 марта (там же, с. 149) указано, что Сталина в тот же день избрали в президиум Бюро. Должно быть, в это время он уже располагал решающим голосом.

35 Сталин И. В. Соч., т. 3, с. 8.

39 "Пролетарская революция", 1923, в"-- 3(13), с. 221.

41 Ганели Р. Ш. Россия и США. 1914 - 1917. Л., 1969, с. 194. Телеграмма была отправлена 8 апреля (по старому стилю). Согласно принятому в советских изданиях правилу, я для этого периода указывал даты по старому стилю; на новый календарь Россия перешла после Октябрьской революции, которая по старому стилю произошла 25 октября, а по новому - 7 ноября 1917 г.

43 "Вопросы истории", 1956, в"-- 8, с. 114. Протоколы не публиковались, а Бурджалов ссылается на архивные документы Московского института марксизма-ленинизма. Я полностью согласен с

интерпретацией Бурджалова, процитировавшего высказывания Сталина (там же, с. 114).

46 Там же, с. 230 - 231.

48 Там же, с. 194 - 203.

50 Аллилуева А. С. Воспоминания, с. 170, 176 - 177.

52 Аллилуева А. С. Воспоминания, с. 183 - 184.

54 Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 114.

56 Там же, с. 27 - 28.

171

59 Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 - февраль 1918. М., 1958, с. 309 - 310. О редакционном примечании Сталина к письму Зиновьева в: Зиновьев Г. Соч., т. 7, ч. 2, с. 322.

61 Суханов Н. Н. Записки о революции. Берлин - Петроград - Москва, 1922 - 1923, кн. 2, с. 265 - 266. В предисловии к сокращенному английскому изданию книги Суханова Джоуэл Кармайкл пишет, что появление книги в России в 1922 г. вызвало бурную реакцию и всем партийным кружкам самообразования вменялось в обязанность ее прочитать. О проявленном к книге интересе свидетельствует тот факт, что Ленин счел нужным посвятить ей одну из своих последних статей "О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)", в которой критиковал взгляды Суханова на русскую революцию.

63 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 238.

6.

6.

Однако в конце концов сформировали Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), и Сталин получил куда более громкий титул "народного комиссара", которым пришедшие к власти большевики, стремились подчеркнуть собственное отличие от министров буржуазных правительств. Но на первых порах никакого учреждения как такового не существовало, был лишь мандат на его образование. В этом деле Сталину помогал некий С. С. Пестковский, большевик польского происхождения, который обратился к нему с просьбой определить на работу в революционном правительстве и получил должность заместителя комиссара. Сначала они обосновались в одной из комнат Смольного, где Пестковский нашел свободный стол, придвинул его к стене и прикрепил над ним записку "Народный Комиссариат по делам национальностей". Когда Пестковский сказал, что им потребуются деньги, Сталин навел справки и отправил его к Троцкому со словами: "У него есть, он нашел их в бывшем министерстве иностранных дел". Пестковский получил у Троцкого три тысячи рублей, и комиссариат начал функционировать[3].

В первые лихорадочные месяцы большевистского правления Сталин мог уделять комиссариату только часть своего времени, так как вместе с другими ответственными работниками партии постоянно участвовал в обсуждении и принятии важных решений. На заседании 29 ноября 1917 г. Центральный Комитет

предоставил четверке (Ленину, Сталину, Троцкому и Свердлову) право решать "все экстренные дела" с условием, что в этом будут непременно участвовать другие члены ЦК, в тот момент находящиеся в Смольном⁵. Ночи Сталин часто проводил в одной из комнат Смольного, где был установлен телеграфный аппарат, по необходимости связываясь с политическими функционерами в любой точке страны. Троцкий, оспаривая правомерность мнения Пестковского о Сталине как заместителе Ленина, тем не менее подтверждает, что он, являясь "членом штаба Ленина, выполнял разные поручения"[7].

В задачу Сталина не входило (если не считать Финляндии) руководить расформированием бывшей Российской империи. Напротив, под руководством Ленина он стремился сплотить как можно больше народностей в границах нового государства, названного в принятой в июле 1918 г. Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой (РСФСР). До принятия в январе 1924 г. второй Советской Конституции, в соответствии с которой страна стала официально именоваться Союзом Советских Социалистических Республик, Российская Федерация (РСФСР) состояла в договорных отношениях с формально самостоятельными Украинской, Белорусской и Закавказской республиками. В 1924 г. четыре союзные республики объединились в СССР. В подготовке обеих конституций участвовал и Сталин. Представляя Наркомнац в комиссии, созданной под председательством Свердлова для выработки Конституции 1918 г., он отстаивал разновидность федерализма, основанного на национально-территориальных формированиях⁹. Так

сложилась национальная политика, которой в последующем было суждено воплотиться в формуле советской культуры, "национальной по форме и социалистической по содержанию".

Главная задача Наркомнаца состояла в том, чтобы проводить в жизнь политику национально-территориальной автономии. С этой целью комиссариат был организован по национальным направлениям. В его рамках действовали польский, белорусский, латвийский, еврейский, армянский и мусульманский комиссариаты, а также отделы по делам небольших национальных групп, проживающих на территории России (эстонцев, немцев Поволжья, киргизов, калмыков и горцев Кавказа). После создания в 1918 г. в порядке эксперимента Татаро-Башкирской автономной республики мусульманский комиссариат получил такое же название. Наркомнац выпускал еженедельную газету "Жизнь национальностей" и различные печатные издания на языках всех других народностей. В результате проведенной в 1920 г. реорганизации национальные комиссариаты превратились в обычные отделы, а при Исполкомах областных Советов появились соответствующие секции. В том же году был создан Совет национальностей, который являлся совещательным органом Наркомнаца и в котором заседали представители всех, проживавших на территории РСФСР, народностей. В соответствии с положениями Конституции 1924 г. Совет национальностей стал второй палатой законодательного собрания СССР, а Наркомнац распустили, как выполнивший возложенную на него задачу[11].

Заместитель Сталина Пестковский проявил при создании Наркомнаца творческую инициативу, а

поскольку Сталин не мог уделять этой работе много внимания, его заместитель, как видно, продолжал обеспечивать организационное руководство в течение 20 месяцев своей службы в комиссариате. Впоследствии Пестковский писал, что разделял взгляды работавших в Наркомнаце левых коммунистов. Они считали, что территориальное деление следует проводить по экономическому, а не по национальному признаку, как того хотел Сталин. Он также вспоминал, что Сталин осуществлял личный контроль за политикой в отношении восточных народностей, передоверив ему (т. е. Пестковскому) работу среди национальностей западной части страны: поляков, латышей и т. д.[13]. Этот способный и скромный человек, первый личный секретарь Сталина, позже стал и первым его биографом.

Участие в войне

Начиная с июня 1918 г. повседневная деятельность Сталина в правительственном аппарате отошла примерно на два года на задний план и уступила место усилиям по преодолению кризиса, в котором оказалась новая власть. Как и многие другие партийные руководители, он отдавал все силы решению первостепенной задачи спасения революции в условиях военной конфронтации с белыми. Короче говоря, Сталин отправился на войну.

Хотя судьба большевистской революции во многом зависела от поведения крестьян, она главным образом опиралась на городское население. Захватить власть в Петрограде, Москве и других крупных городах удалось за несколько недель без большого кровопролития. Однако при наличии общественных сил, не примирившихся с

революцией, а также в условиях царившего на большей части огромной страны хаоса, трудностей на транспорте и в средствах связи, существования очагов вооруженной контрреволюции, относительно спокойный начальный этап революции неизбежно должен был смениться и действительно сменился ожесточенной гражданской войной 1918 - 1920 гг.

Белые армии выступили под командованием бывших генералов царской России, таких как Деникин, Юденич, Врангель. Возникли местные антибольшевистские правительства, в том числе в Сибири, в Омске, во главе с адмиралом Колчаком. Военное вмешательство извне (главным образом со стороны Франции, Великобритании, Японии и Соединенных Штатов) не ограничилось поставками белым боеприпасов и снаряжения; была осуществлена и прямая вооруженная интервенция. У красных тем временем появился талантливый военачальник Троцкий, который оставил Наркоминдел, чтобы стать народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета Республики. В результате мобилизации (сначала проведенной среди рабочих Петрограда и Москвы) Красная Армия к концу 1918 г. уже насчитывала 800 000 бойцов, а через год их число выросло вчетверо.

Наиболее критическое положение сложилось летом 1918 г. Германская армия оккупировала Украину и другие территории, отторгнутые от России по условиям Брестского мира. На востоке и юго-востоке антибольшевистские силы контролировали часть Поволжья и Донскую область. Фактически власть Советов ограничивалась территорией исторически сложившейся центральной России - областями, примыкающими к Петрограду и Москве, а также к югу и юго-востоку от

столицы. Кризисную ситуацию еще больше усугублял голод. Разруха в промышленности, инфляция нарушили нормальный обмен между городом и деревней. Практически отсутствовал всякий стимул, который мог бы побудить крестьян везти в город хлеб и другие продукты. В подобных условиях борьба за выживание нового строя стала, по существу, борьбой за хлеб. По деревням отправили вооруженные продовольственные отряды, которые силой отбирали хлеб. Желая при конфискации заручиться поддержкой части крестьян, власти создали во многих деревнях "комитеты бедноты". В них вошли беднейшие крестьяне (часто сами голодавшие), которые должны были помочь Советам организовать изъятие хлеба у кулаков и у других лиц, подозреваемых в укрытии излишков зерна. За это члены комитетов получали установленную долю конфискованного хлеба. В итоге сама деревня превратилась в арену кровопролитнейшей классовой борьбы.

Таковыми были обстоятельства, при которых возникла система "военного коммунизма" и которые заставили декретом от 2 сентября 1918 г. объявить Советскую республику "военным лагерем". "Военный коммунизм" представлял собой соединение чрезвычайных военных мер с социалистическими догматами. Помимо изъятия зерна, его основными чертами являлись: крайняя централизация экономики, стремление государства почти полностью сосредоточить в своих руках промышленное производство и распределение, мобилизация трудовых ресурсов, попытки отменить деньги и перейти к прямому натуральному обмену[15].

Распоряжался Сталин со свойственной ему деспотичностью и быстротой. Позже Ворошилов

вспоминал, что вскоре после прибытия Сталина в Царицын была проведена реорганизация воинских частей на фронте и "железной беспощадной метлой прочищен тыл". В отношении приехавших из Москвы инженера Алексеева и его двух сыновей заподозренных в контрреволюционной деятельности, приказ Сталина был коротким: "Расстрелять". По одному лишь подозрению в заговоре против большевиков сразу же расстреляли не только Алексеева и его сыновей, но и ряд других лиц[17]. И она действительно не дрогнула.

В августе 1918 г. Троцкий выехал в бронепоезде на восток и расположился в небольшом городе Свияжске, на берегу Волги близ Казани. Здесь он объединил деморализованные части красных в боеспособную силу, которая в начале сентября после сражения, названного "Вальми русской революции"[19]. Такое дерзкое домогательство Сталина увенчалось успехом. 19 июля Реввоенсовет Республики создал Военный совет Северо-Кавказского военного округа во главе со Сталиным. Ему поручалось "навести порядок, объединить отряды в регулярные части, установить правильное командование, изгнать всех неповинующихся". На телеграмме о назначении имелась пометка: "Настоящая телеграмма отправляется по согласованию с Лениным"[21]. С прибытием специальной комиссии, расследовавшей обстоятельство дела, Снесарева освободили и перевели командиром на другой участок фронта. Штабным работникам, однако, повезло значительно меньше. Баржа по неизвестным причинам внезапно затонула вместе со всеми находившимися на борту[23]. В ответ Троцкий 4 октября телеграфировал Ленину:

"Категорически настаиваю на отзывании Сталина. На Царицынском фронте неблагоприятно несмотря на избыток сил. Ворошилов способен командовать полком, а не пятидесятитысячной армией. Я оставляю его командующим царицынской армией на условии подчинения командующему Южным фронтом. До сего дня Царицын не посылает даже оперативных донесений на Козлов... Если завтра это не будет выполнено, я отдам под суд Ворошилова и объявлю об этом в приказе по Армии... Царицын должен или подчиниться, или же ответить за последствия. У нас колоссальное превосходство сил, но в верхах полная анархия. Я могу покончить с этим в 24 часа, если буду иметь твердую и ясную поддержку. Во всяком случае, это единственный путь, который я себе представляю"[25].

Хотя Сталин сделал все, что в его силах, чтобы доставить хлеб с юга, его первые шаги на военном поприще были с военной точки зрения неудачными. Изучив после смерти Сталина архивные материалы, советские военные историки пришли к выводу, что Сталин оказался не в состоянии понять значение военные специалистов, придерживался партизанских методов борьбы и не проявил должной инициативы и умения в деле оказания помощи Северо-Кавказской армии и войскам, сражавшимся в Баку. И он, и Ворошилов проявили недисциплинированность в отношении командования Южным фронтом. Его вмешательство в дела этого фронта "осложнило" организацию и обеспечение воинских частей, их действия на поле боя. При решении задач снабжения войск, защищавших царицынский сектор, Сталин обнаружил "местничество и сепаратизм". Переоценивая значение своего участка фронта, он все время стягивал

туда лучшие силы и боевые средства, ослабляя при этом другие, не менее важные участки[27].

Бесславный конец военной миссии Сталина в Царицыне не имел серьезных последствий для его политической карьеры. 8 октября, перед самым отъездом в Москву, Сталина назначают членом Реввоенсовета Республики, вероятно чтобы успокоить его самолюбие. Не предавались гласности и весьма нелестные обстоятельства отзыва. По возвращении Сталин имел беседу с корреспондентом газеты "Правда", в ходе которой поделился своими впечатлениями о положении дел на Южном фронте. Он назвал Царицын пунктом особой заинтересованности противника ввиду важного стратегического значения города, находившегося между белыми войсками, дислоцированными в Донской области, близ Астрахани и на Урале. Он с похвалой говорил об умелых организаторах тыла, чья работа по мобилизации и снабжению способствовала спасению Царицына, и объяснил успехи армии "прежде всего ее сознательностью и дисциплиной"[29]. Комментируя это назначение, Троцкий впоследствии писал: "Ленин хотел дать Сталину известное удовлетворение за его удаление из царицынской Армии. Я хотел предоставить Сталину возможность открыто формировать свою критику и свои предложения, без подрыва порядка в военном ведомстве"³¹. Как бы там ни было, но зачинщиком вражды являлся Сталин. Более того, вопрос о военных специалистах, при всей его важности, не был причиной конфликта, а лишь одной из многих сфер, в которых он выплескивался наружу. Причем со стороны Сталина к конфликту привели побуждения психологического свойства. К нападкам на Троцкого его, по-видимому, толкало чувство сильнейшей неприязни к человеку,

который в силу своей роли в революции, портил ему жизненный сценарий.

Еще будучи очень молодым, Сталин привык идентифицировать себя с героем в образе Ленина. Он мечтал стать вторым "я" и ближайшим сподвижником вождя. И вот, несмотря на все усилия, направленные на реализацию давней мечты, несмотря на особые отношения сложившиеся с Лениным в 1917 г., и на близость к нему, на все надежды и планы легла тень Троцкого - этого, как считал Сталин, выскочки и чужака среди большевиков, этого попутчика меньшевиков, противника Ленина в революционном движении и еврея, который появился в Петрограде в самый разгар революции, играл видную роль в последующих событиях и стал наркомом по военным и морским делам. Троцкий вторгался в особые отношения Сталина с Лениным. Короче говоря, он пытался отнять у Сталина принадлежавшие ему по праву привилегии, лишить его с таким трудом приобретенного статуса Ленина II в революционном движении. Ощущение непосредственной угрозы вызвали у Сталина не какие-то действия Троцкого, а тот факт, что наряду с Лениным он стал героем революции и знаменитостью. Поскольку же Сталин был не в состоянии привести свои честолюбивые помыслы в соответствие с собственными реальными достижениями и возможностями, то его реакцией стала ревность, чувство обиды и вражды к источнику этой угрозы. Сообщения Сталина из Царицына ясно показывают, что он вознамерился принизить Троцкого, прежде всего в глазах Ленина. Ничего не ведая о внутренних переживаниях Сталина и не проявляя к ним никакого интереса, Троцкий облегчал ему задачу реализации враждебных планов уже тем, что оставался

самим собою, т. е. властно-непреклонным, не потакающим сталинскому самолюбию. Трудно, однако, представить, чтобы иная позиция Троцкого, серьезно повлияла бы на окончательный итог. Конфликт не был случайным.

Стремление Сталина ниспровергнуть Троцкого в какой-то мере имело и ретроспективную направленность. Ему хотелось принизить и дискредитировать не только действия Троцкого на посту военного комиссара, но и приуменьшить его роль в важнейших событиях предшествовавшего года. Возможность начать действовать в данном направлении появилась вскоре после возвращения из Царицына в Москву. К первой годовщине Октября, ставшей национальным праздником, Сталин написал небольшую статью "Октябрьский переворот (24 и 25 октября 1917 г. в Петрограде)", напечатанную в "Правде". В ней содержался абзац (исключенный из более поздних изданий сочинений Сталина), в котором автор отдавал дань уважения Троцкому. "Вся работа по практической организации восстания, - писал Сталин, - проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета, т. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками товарища Троцкого" [33].

Жажда воинской славы

Как видно, после пережитого в Царицыне у Сталина проснулось желание сыграть совершенно определенную роль в войне; возможностей для этого было предостаточно. Прошло немного времени и он отправился в путь с новой миссией. В январе 1919 г. Сталин вместе с Дзержинским выехал в Вятку, чтобы по поручению ЦК расследовать причины сдачи уральского города Перми 3-й армией. А в мае его направили в Петроград, чтобы приободрить Зиновьева, запаниковавшего перед лицом опасных передвижений дислоцированной в Эстонии белой армии генерала Юденича, а также в связи с возникшей угрозой сдачи Петрограда и назревавшего мятежа в городе и его окрестностях. В Петрограде Сталин оставался весь июнь, действуя с привычной бесцеремонностью. После взятия 16 июня форта Красная Горка, гарнизон которого несколькими днями ранее взбунтовался, Сталин послал Ленину телеграмму со следующим текстом:

"Морские специалисты уверяют, что взятие Красной Горки с моря опрокидывает науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие Горки объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных.

Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой"[35]. Вряд ли можно усомниться в том, что себя автор причислял к категории последних.

Завершив свою миссию в Петрограде, Сталин 3 июля 1919 г. вернулся в Москву. С середины июня на Петроградском фронте наступило затишье, которое длилось до самой осени, т. е. до того момента, когда Юденич предпринял крупное наступление. И тогда для осуществления общего руководства на место выехал Троцкий. Он сплотил защитников революции, помог превратить назревавшее поражение в победу и, возвратившись в Москву, принимал со всех сторон поздравления, как спаситель Петрограда. На заседании только что созданного Политбюро, членами которого являлись Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев и Крестинский, а кандидатами Бухарин, Зиновьев и Калинин, было решено вручить Троцкому, обеспечившему решающую победу под Петроградом орден Красного Знамени. По словам Троцкого, к концу заседания Зиновьев несколько смущенно предложил вручить такую же награду и Сталину. "За что?" - спросил Калинин. В перерыве Бухарин, разъясняя Калинин, в частном порядке, заметил: "Как ты не понимаешь? Это Ильич придумал. Сталин не может жить, если у него нет чего-нибудь, что есть у другого. Он никогда этого не простит". Через несколько дней на торжественном собрании в Большом театре Троцкий доложил о военном положении, и ему вручили награду. Когда к концу собрания председатель объявил, что Сталину также присужден орден Красного Знамени, Троцкий попробовал аплодировать, за этим последовало два-три нерешительных хлопка. "По залу прошел холодок недоумения, - вспоминал Троцкий, - особенно явственный после предшествовавших оваций. Сам Сталин благоразумно отсутствовал"[37] отдавал предпочтение плану, предусматривавшему продвижение

с юго-востока через донские степи. С июля Троцкий высказывался против плана Каменева и защищал план наступления в южном направлении на центральном участке фронта. В ответ на соответствующее послание Троцкого, Серебрякова и Лашевича Политбюро 6 сентября еще раз подтвердило план главкома. Однако уже 14 сентября ввиду дальнейших успехов Деникина Политбюро уполномочило Троцкого передать главкому новую директиву о необходимости освобождения Курска и продвижения через Харьков и Донецкий бассейн³⁹. Поскольку на основании данного письма Сталину позднее приписали авторство победоносной стратегии против Деникина, необходимо напомнить, что до него те же самые аргументы тщетно приводил в Политбюро Троцкий.

В мае 1920 г. в связи с оккупацией Украины и овладением Киева польскими войсками маршала Пилсудского Сталина назначают членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. После того как Красная Армия отразила нападение поляков, советскому руководству нужно было решить, продолжать ли контрнаступление на польской территории. Троцкий, поддержанный Дзержинским и Карлом Радеком (хорошо знавшим Польшу), высказался против похода на Варшаву, полагая, что такая операция могла бы иметь успех только в случае восстания рабочих в самой Польше, которое, однако, казалось, маловероятным. Сталин также высказал свои опасения, но, в конце концов, вместе с большинством проголосовал в поддержку намерения Ленина через Польшу распахнуть дверь коммунистической революции в Европе^[41].

Когда к концу июля стало ясно, что продвижение на Львов успеха не имеет, Политбюро 2 августа решило

перебросить основные войсковые части Юго-Западного фронта, включая Конную армию Буденного, в район Бреста и Люблина (как я предусматривалось первоначальным планом), чтобы прикрыть опасно оголенный левый фланг Тухачевского. Оставшиеся части Юго-Западного фронта предполагалось передать вновь образованному Южному фронту, который противостоял сосредоточенным в Крыму войскам генерала Врангеля. Проинформированный Лениным Сталин не возражал против указанных выше директив, хотя в ответной телеграмме от 3 августа предостерег от сильной ломки органов управления и снабжения Юго-Западного фронта. В посланной на следующий день телеграмме он говорил (как оказалось, чересчур самоуверенно) об ослабленной войной Польше и о возможности разбить Врангеля в ближайшие дни⁴³. Однако и после этого кавалерия Буденного (несомненно, по распоряжению Сталина) продолжала вести тяжелые бои в районе Львова. 17 августа Сталина) отозвали в Москву. Когда же через несколько дней Конная армия наконец-то отправилась на помощь Западному фронту, спасти положение было уже нельзя. Нанеся удар по незащищенной территории между двумя фронтами, польская армия 16 августа перешла в контрнаступление и войска Тухачевского стали отходить^[45]. Такого же мнения, по-видимому, придерживались в 20-е годы многие большевики. При обсуждении на закрытом заседании X съезда партии в 1921 г. причин поражения Сталин взвалил всю вину на И. Смилгу, главного политического комиссара Западного фронта. Не выполнив обещания взять Варшаву в определенный день, сказал Сталин, Смилга тем самым обманул ЦК. Протестуя, Троцкий заметил, что "обещание" Смилги в действительности было не более

чем выражением надежды и не могло учитывать непредвиденные обстоятельства. Позднее Троцкий вспоминал: "Съезд с угрюмым недоброжелательством слушал угрюмого оратора с желтоватым отливом глаз; Сталин своей речью повредил только самому себе. Ни один голос не под держал его"[47]. Так или иначе, данная точка зрения нашла выражение во многих произведениях советской военной литературы 20-х годов. В книге "Львов Варшава", вышедшей в 1929 г. и имевшей целью оправдать командование Юго-Западного фронта, Егоров сетовал на то, что в советской военной науке роковая по своим последствиям роль этого фронта считается безусловно доказанной. Но и он не отозвался положительно о деятельности Сталина в польскую кампанию.

Хотя в гражданскую войну Сталин и приобрел ценный опыт в военной области, тем не менее в партии он не пользовался репутацией первоклассного военного специалиста. Не принадлежал он и к главным организаторам Красной Армии и не обнаружил способностей выдающегося военного руководителя. Более того, Сталин представил достаточно доказательств наличия у него нежелательных личных качеств, которые упоминались в марте 1917 г., когда встал вопрос о его восстановлении в Русском бюро ЦК. Вражда Сталина к Троцкому стала непреложным фактом внутрипартийной политической жизни. Выезжая на фронт, он часто, бравирюя своими полномочиями, действовал самочинно. Поведение Сталина в период польской кампании показало, что ради удовлетворения своей потребности сыграть роль героя он был в состоянии пренебречь самыми насущными интересами партии. Порой он грешил приступами крайнего раздражения. Так, 20 февраля 1920

г., отвечая на просьбу Ленина в срочном порядке ускорить переброску двух дивизий на Кавказский фронт, он писал: "Мне не ясно, почему забота о Кавфронте ложится прежде всего на меня... Забота об укреплении Кавфронта лежит всецело на Реввоенсовете Республики, члены которого, по моим сведениям, вполне здоровы, а не на Сталине, который и так перегружен работой"[49].

Это предложение, как видно, было одобрено Лениным, желавшим привлечь лиц пролетарского происхождения, особенно женщин, в советскую инспекцию, которая бы стала своего рода школой подготовки служащих правительственного аппарата. Возможно, поэтому Сталин принял участие в планировании, реорганизации и расширения Народного комиссариата государственного контроля - ведомства, созданного в 1918 г. для надзора за деятельностью советских хозяйственных органов, за исполнением распоряжений правительства в этой области и за расходованием денежных средств. Будучи председателем комиссии, Сталин в марте 1919 г. представил Совнаркому проект перестройки этого учреждения и вскоре был назначен народным комиссаром той самой службы, которую он помогал преобразовывать. Одним из первых официальных актов Сталина в новой должности явилась публикация в газете "Известия" извещения о создании при комиссариате Центрального бюро жалоб и заявлений. Переименованное в 1920 г. в процессе дальнейшей реорганизации в Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции это учреждение приобрело известность под названием Рабкрин. Назначение Сталина на пост его руководителя свидетельствовало о значении, которое Ленин придавал данному органу, и о признании им сталинских

способностей. Позднее ему представился случай открыто это подтвердить. На XI съезде партии, проходившем в начале 1922 г., Преображенский заявил, что многие руководящие партийные функционеры уделяют слишком много времени второстепенным административным обязанностям и, указывая в качестве примера на Сталина, спросил, в состоянии ли один человек работать сразу в двух комиссариатах и вдобавок выполнять ответственные партийные поручения. Признав, что подобная проблема действительно существует, Ленин, желая показать, что этого не избежать, сказал:

"Что мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомате, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это все политические вопросы!.. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чем дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина.

То же относительно Рабкрина. Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом, иначе мы погрязнем, потонем в мелких интригах", в истории революционных движений выразителем, носителем, проводником диктатуры революционных классов...". В заключение Ленин писал: "Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата"[52]. Таким образом, эти годы явились периодом формирования сталинской фракции в партии. И если после войны слава Троцкого была большой, а власть маленькой, то у Сталина,

наоборот, слава оказалась маленькой, но зато власть большой.

Между тем Сталин по-прежнему стремился к славе.

Партийный политик

Согласно широко распространенному на Западе взгляду, Сталин в начальный период Советской власти был великолепным "организатором", вовсе не мыслителем, а человеком, отличавшимся от блестящих революционных творцов большевизма своею склонностью к тяжелой практической работе по строительству однопартийного государства. Как и у многих других исторических стереотипов, и у этого есть серьезные изъяны. В той мере, в какой данный стереотип вообще применим, он скорее подходит не к Сталину, а к его товарищу по ссылке Свердлову, который стоял у основ создания партийного аппарата и самой структуры Советского государства.

Некоторые интеллигенты из большевистского руководства (например, Бухарин и Радек) действительно не испытывали пристрастия к организаторской или административной деятельности. Но другие - и среди них Ленин, Троцкий и Каменев - продемонстрировали в этой области незаурядные способности. Сталин находился где-то посередине. Независимо от того, причисляют ли его к партийной интеллигенции или нет (а в те дни мало кто считал его таковым), он, как мы уже видели, хотел быть выдающимся теоретиком. С другой стороны, он не обладал особым талантом организатора и

администратора, хотя и мог довольно эффективно и авторитетно улаживать критические ситуации. Ни одному из своих комиссариатов Сталин не обеспечил постоянного и творческого руководства, которого два таких новаторских по замыслу ведомства прежде всего заслуживали. Представление о рабоче-крестьянской инспекции, как общественной силе, направленной против "бюрократизма", исходило от Ленина, и Сталин, по всей видимости, не всегда был с ним согласен. В примечательном выступлении на совещании работников Рабкрина в 1920 г. Сталин заявил, что общественные контролеры должны отказаться от старого царского метода выискивания в управленческом аппарате преступников и стремиться к "совершенствованию" проверяемых учреждений⁵⁴. Он мог работать с удивительной энергией, но и оставаться праздным. Его предрасположенность к мстительности стала в верхних партийных эшелонах притчей во языцах благодаря одному высказыванию, которое он себе позволил летом 1923 г. в беседе за бокалом вина с Каменевым и Дзержинским. Они затеяли разговор о том, что им нравится в жизни больше всего. Как Каменев позднее рассказал Троцкому, Сталин заявил: "Высшее наслаждение выявить врага, подготовиться, порядком отомстить и затем спокойно спать"[56]. Трудно представить себе, чтобы строгие к себе коллеги Сталина рангом пониже поступали подобным образом.

П о п р а в д е г о в о р я , административно-организационная сторона дела сама по себе не очень его интересовала. Не организационная работа (за исключением одного ее аспекта, о котором еще пойдет речь), а общее политическое руководство движением манило Сталина. В конце концов, таковой

была главная функция Ленина в качестве вождя, а Ленин служил ему моделью. Сталин хотел повести партию к новым великим революционным свершениям как в самой стране, так и за рубежом. Но как он мог продвинуться к самой верхней ступени руководства? Ввиду отсутствия тех выдающихся качеств, которые помогли Ленину приобрести сторонников и доминировать в политическом движении в силу своей исключительной личности, своих идей и теоретических трудов, Сталину оставалась единственная возможность - добиться руководящего поста, вербуя своих политических сторонников. Обозначенные здесь различия не были абсолютными. Ленин не чурался силовой политики, а Сталин, как покажут последующие события, вполне мог привлечь сторонников, демонстрируя мастерство политического руководителя. Но в самом начале, в первые годы Советской власти, он шел по пути возвращивания собственной политической клиентуры.

Такой курс в отличие от управленческих обязанностей был во вкусе Сталина. Рассказывали, что в последней сибирской ссылке он провел многие часы за чтением книги Макиавелли "Государь" - этого классического руководства для лиц, стремящихся к власти[58]. После февральской революции эти обязанности взяла на себя другая женщина: ветеран-большевик из дворян Елена Стасова. С переездом в марте 1917 г. партийной штаб-квартиры в особняк Кшесинской Центральный Комитет разместился на 2-м этаже, используя под склад партийной литературы просторную ванную комнату. Стасова, имея в качестве помощников двух-трех женщин, ведала перепиской, принимала посетителей, рассылала директивы, вела протоколы заседаний ЦК и распоряжалась финансами⁶⁰.

Возглавил Секретариат Свердлов, прекрасно справившийся с организацией только что закончившегося партийного съезда. Он разместил часть Секретариата - Стасову и ее помощников - в бывшем доме Сергиевского братства на Фурштадской улице, а другую часть Секретариата (названную Стасовой "оперативной частью"), находившуюся под его непосредственным руководством, - в Смольном. Позднее, в Москве Секретариат и его аппарат обосновались в здании ЦК, недалеко от Кремля.

Свердлов руководил партийной организацией без всякой посторонней помощи, одновременно выполняя множество обязанностей как председатель ВЦИК. Он лично назначал и перемещал партийных работников, делая соответствующие пометки в своих записных книжках. После того как он заболел испанкой и умер в марте 1919 г., накануне VIII съезда партии, потребность в реорганизации стала очевидной. Расширив Центральный Комитет до 19 членов и 8 кандидатов, съезд постановил образовать два рабочих органа (каждый из пяти членов ЦК): Политбюро и Оргбюро. Последнему поручалась "организационная работа", то есть партийные назначения, обеспечивавшие претворение в жизнь решений Политбюро и ЦК. Воссоздан был и Секретариат. Год спустя IX съезд партии своим решением определил, что Секретариат должен состоять из трех постоянно работающих членов ЦК, занимающихся текущими вопросами организационного и исполнительного характера. Общее руководство организационной работой оставалось за Оргбюро.

Секретариат, таким образом, становился коллегией членов ЦК, осуществлявшей надзор за центральным аппаратом партии, а через него за областными и другими

партийными организациями иерархической структуры, вплоть до многих тысяч партийных ячеек, сформированных в советских учреждениях самого разнообразного профиля. Аппарат Секретариата в 1919 г. включал 30 человек, затем он увеличился до 150, (1920 г.), а в 1921 г. в штатах числилось уже 600 сотрудников, не считая охраны и работников связи. Так сложилось, что каждый из секретарей контролировал работу нескольких отделов. Основными являлись: учетно-распределительный (известный как Учраспред), занимавшийся кадровыми вопросами, а также мобилизацией партийных работников в чрезвычайных обстоятельствах; организационно-инструкторский, направлявший деятельность местных партийных организаций с помощью письменных указаний и корпуса разъездных инструкторов ЦК; пропаганды и агитации (Агитпроп), руководивший специальными школами и журналами, нацеленными на идеологическое воспитание членов партии, а также общей редакционно-издательской и пропагандистской работой среди населения, в том числе и особыми агитационными поездами под такими названиями, как "Красный Восток", "Советский Кавказ", которые несли революционное учение большевиков в отдаленные районы страны. При Секретариате были созданы: подотдел по работе среди женщин (входил в Агитпроп), секретно-директивная часть, административно-хозяйственный отдел и типография

.....енного коммунизма" к новой экономической политике. Между тем Троцкий предложил свой план преодоления кризиса путем милитаризации рабочего класса, и это обстоятельство ускорило развитие кризиса в партии[63]. Более того, за кулисами событий Сталин

был одним из инициаторов антитроцкистской кампании. Недаром представитель оппозиционной группы "демократических централистов", выступая на X съезде, с иронией заметил, что кампания ведется в Петрограде под предводительством искусного полководца Зиновьева, а в Москве - под руководством "военного стратега и архидемократа т. Сталина"[65].

На X съезде Троцкий потерпел политическое поражение. Он проиграл спор о профсоюзах, а нэп явился откровенным осуждением открыто пропагандировавшейся им хозяйственной политики. Все это, в сочетании с ловким маневрированием в вопросах внутрипартийной политики, объясняет столь парадоксальный факт, что политическая звезда Сталина взошла на том самом съезде, который с молчаливой враждебностью выслушивал его попытки оправдать собственное поведение на польском фронте. Ряд лиц, объединившихся с Троцким в дискуссии о профсоюзах (в том числе Крестинский, Преображенский и Серебряков), не были избраны в новый Центральный Комитет, в то время как в него ввели некоторых сторонников Сталина; среди них оказались старые приятели: Ворошилов и Орджоникидзе, а также Валериан Куйбышев и Сергей Киров - два способных и подававших большие надежды молодых человека, принимавших активное участие, соответственно, в туркестанских и кавказских событиях и ставших ключевыми фигурами сталинской фракции. Союзник Сталина по фракции Молотов не только перешел из кандидатов в члены ЦК, но был избран кандидатом в члены Политбюро на место Зиновьева, который заменил Крестинского в качестве полноправного члена этого партийного органа. Вместо Крестинского, Преображенского и Серебрякова в Секретариат и

Оргбюро ввели Молотова, Ярославского и Михайлова - людей, более подходящих, чем их либеральные предшественники, для проведения провозглашенной съездом политики жесткой внутрипартийной дисциплины. Первая крупномасштабная чистка партии советского периода произошла в последующие месяцы под руководством секретарского трио, и в марте 1922 г. Молотов доложил XI съезду, что за счет исключений и добровольных выходов количество членов партии сократилось с 660 тыс. до (примерно) 500 тыс. человек. "Теперь, - заявил он, - нет тех многочисленных течений и полуоформившихся фракций"[67]. Отныне весь вопрос сводился к официальному закреплению приобретенного Сталиным de facto контроля над партийной организацией. Это произошло при переизбрании Центрального Комитета на XI съезде. Сталина выбрали членом Секретариата и в знак признания старшинства в новом секретарском трио (остальными членами были Молотов и Куйбышев) присвоили ему титул Генерального секретаря. Таким путем он надежно завладел столь необходимой ему базой.

Центральной партийной машины Сталин не создавал. Когда он весной 1922 г. вступил на пост Генерального секретаря, то оказался во главе обширного, хорошо функционировавшего аппарата ЦК, сформированного за пять лет Свердловым, Крестинским и Молотовым. Но это уже не было, как при Свердлове, небольшое учреждение, действующее лишь в чрезвычайных обстоятельствах, а хорошо отлаженный механизм, выполнявший все административные функции правящей партии, включая надзор за губернскими, городскими и уездными партийными комитетами по всей стране. Массовые общественные организации (комсомол,

профсоюзы и т. д.) работали под его опекой. Внутренняя структура аппарата претерпела ряд изменений. Учраспред занимался переписью членов партии и "ответственных работников" губернских и уездных центров. Его сотрудники заполнили карточки на 26 тыс. кадровых партийных функционеров, собрали отдельно сведения на 7 тыс. работников губернского масштаба для изучения Центральным Комитетом с целью определения еще более узкого контингента руководящих лиц[69]. Однако сталинская школа организационной работы отличалась от свердловской одним существенным аспектом, о котором Сталин умолчал. При отборе на выдвижение в партийной иерархии кандидатам предъявлялись определенные требования. И теперь было уже недостаточно продемонстрировать личные дарования, энергию и преданность делу большевиков. Помимо этого нужно было доказать свое одобрительное отношение к тому, как Генеральный секретарь управляет партией, свою полезность партийному аппарату Сталина. Одним из первых признаков важного значения данных качеств явилось избрание Сталиным своего горячего сторонника Лазаря Кагановича в качестве заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК, который контролировал областные партийные организации. Бывший рабочий из бедной еврейской семьи с Украины и большевик с 1911 г., Каганович оказался на ответственном посту в Секретариате в 1922 г. в возрасте 29 лет и на следующий год стал кандидатом в члены ЦК[71].

Вместе с тем Надежда стала матерью двух детей и показала себя хорошей хозяйкой. Семья жила не по-пролетарски. Сохраняя квартиру в Кремле, Сталин и Надежда в 1919 г. получили просторную загородную

дачу, недалеко от деревни Усово, в живописной местности на берегу реки Москвы, примерно в 20 милях от столицы. Дача называлась Зубалово, по имени нефтепромышленника, которому до революции принадлежала. В 20-е годы дом перестроили, и под наблюдением Сталина это место превратили в процветающую усадьбу с различными надворными постройками, цветниками, плодовым садом, полянкой для индеек и бассейном для уток. Чтобы выкроить время для активной работы вне дома, Надежде приходилось во многом полагаться на няней и домашних воспитателей для сына Василия и дочери Светланы. Но верховенство в Зубалове она сохранила за собой, превратив его в уютное место общения, центр гостеприимства для неиссякаемого потока гостей из числа друзей в высших партийных кругах[73]. После этого большевистская работа в Закавказье велась уже нелегально. Предпринять какие-либо решительные шаги без помощи извне было невозможно, а осажденное со всех сторон правительство Ленина не могло ее предоставить.

Ситуация изменилась с прекращением летом 1919 г. английской интервенции и с крушением в начале 1920 г. планов Деникина на юге России. Готовясь использовать вновь открывавшиеся возможности, группа закавказских большевиков обратилась в конце 1919 г. к Ленину за финансовой и другой помощью. К этой группе принадлежал молодой армянин Анастас Микоян, а также Стопани и азербайджанец Нариман Нариманов. Их взгляды на политику партии на Кавказе рассмотрело Политбюро и передало затем для заключения Сталину и Орджоникидзе, которые в то время находились на фронте. По предложению Сталина Политбюро решило пока ограничить сферу деятельности Кавказского

революционного комитета территорией Северного Кавказа и преобразовать комитет в "Бюро для восстановления Советской власти на Северном Кавказе" под председательством Орджоникидзе. Его заместителем стал Киров, который из Астрахани направлял политическую работу на Северном Кавказе. Среди членов бюро значились А. Стопани, Нариманов, грузинский большевик Мдивани (Буду) и другие[75], в конце апреля получил из Москвы разрешение двинуть 11-ю армию в Азербайджан. В разгар операции правительство мусаватистов бежало, и 28 апреля 1920 г. Орджоникидзе, сопровождаемый Кировым и Микояном, въехал на бронепоезде в Баку. Армению захватили в начале декабря, сочетая вооруженную акцию с успешным давлением на правительство дашнаков, боявшегося турецкой оккупации сильнее, чем советской[77]. В результате одного из тех резких поворотов, характерных для политического стиля Ленина, Москва заключила договор, которым формально признала грузинское правительство во главе с лидером меньшевиков Ноем Жордания. По условиям договора грузинской коммунистической партии гарантировался легальный статус. После этого Киров отправился в Тифлис, но не как одержавший военную победу комиссар, а в роли дипломатического представителя РСФСР в соседнем государстве. Но такое положение сохранялось лишь короткий период .

[] Политикой Советской России на Кавказе руководил Орджоникидзе. Он возглавлял Кавказское бюро ЦК (Кавбюро), созданное в апреле 1920 г. как руководящий центр всех кавказских партийных организаций, и оставался в начале 20-х годов большевистским проконсулом Закавказья. Роль Сталина, хотя и важная

сама по себе, была иного характера. Он функционировал при Ленине как начальник штаба, как главный советник по вопросам политики на Кавказе, и поддерживал связь с находившимися на местах Орджоникидзе, Кировым и другими. Не являясь членом Кавбюро, Сталин иногда участвовал в его заседаниях, а на главных большевистских совещаниях авторитетно выступал по проблемам Кавказа. Например, 18 ноября 1920 г. Ленин послал телеграмму (в то время Сталин находился во Владикавказе, совершая инспекционную поездку по Северному Кавказу и Азербайджану), в которой спрашивал его мнение о целесообразности военных действий против Грузии, рискуя при этом порвать отношения с Великобританией и начать "даже новую войну". Телеграмма заканчивалась следующими словами: "Ответьте, и я внесу в Политбюро". Мы не располагаем полным текстом ответа, но по возвращении через пять дней Сталина в Москву Политбюро заслушало его доклад о положении на Кавказе и постановило "принять по отношению к Грузии, Армении, Турции и Персии максимально примирительную политику, то есть направленную больше всего к тому, чтобы избежать войны". Все за дружную, все за боевую работу, достойную закаленного пролетарского бойца т. Сталина - первого организатора и вождя бакинского пролетариата"[80].

Мысли Сталина легко переключались с этого религиозного образа революционной России к взгляду на нее, как на силу в мировой политике, защищающую собственные интересы обычными для великой державы средствами. Например, через три дня после выступления в Совете, в частной беседе с бакинскими партийными лидерами он заявил: "Грузия сейчас в положении

невесты, у которой много женихов - все с ней заигрывают, а она чванится. И мы с ней заигрываем, чтобы что-нибудь извлечь. Здесь Антанта хочет создать Союз против нас. Мы, конечно, Грузию на свою сторону не перетянем, но разложение в правительстве Грузии мы усилим и выдачей по капле нефти затормозим дело боевого союза между Грузией и Антантой. А потом факты покажут, как лучше"

...ба, Грузия, превратившаяся в основную базу империалистических операций Англии и Франции и потому вступившая во враждебные отношения с Советской Россией, - эта Грузия доживает ныне последние дни своей жизни". Предсказание приобрело особое значение на фоне только что происшедших или происходящих событий. Победа красных в Крыму над белой армией барона Врангеля, одержанная в середине ноября 1920 г., ознаменовала окончание гражданской войны. В тот самый момент, когда Сталин произносил приведенные выше слова, шла полным ходом советизация Армении. В это же время (и, несомненно, с молчаливого согласия Сталина) Кавбюро стало настаивать на вооруженной акции против Грузии. В середине декабря Орджоникидзе, председательствовавший на заседании Бюро в Баку, на котором присутствовали представители 11-й армии, телеграфировал Ленину о том, что совещание приняло постановление "о немедленном оказании помощи трудящимся Грузии и установлении Советской власти". Один из советских историков грузинского происхождения, комментируя в своем труде данное событие, заметил, что в постановлении "основное внимание было обращено не на внутренние условия немедленного взятия власти, а на XI армию"[84]. В ночь

с 11 на 12 февраля возникли беспорядки в грузинской приграничной зоне, населенной частично армянами и русскими. И 15 февраля 1921 г. Красная Армия вторглась в Грузию.

На своем посту в Тифлисе Жордания явственно ощущал растущее в декабре и январе давление со стороны России. На основании информации из разнообразных источников у него сложилось впечатление, что в Москве шла борьба между сторонниками и противниками войны. Во главе первых стояли Сталин и Троцкий, а вторых возглавлял Ленин. И Жордания пытался предотвратить вторжение с помощью уступок, совместимых с национальным суверенитетом страны [86]. Для грузинского "самоопределения" потребовалась полномасштабная вооруженная интервенция. Тем временем Москва стремилась замаскировать свою неблагоприятную грузинскую операцию от международного сообщества (и одновременно от советского народа) и представить ее как всего-навсего вмешательство в армяно-грузинский конфликт, в процессе которого якобы и произошли внутренние революционные перемены. Ленин, выступая 28 февраля в Московском Совете по поводу событий на Кавказе, сказал: "Столкновение Армении и Грузии не могло не волновать нас, и эти события привели к тому, что армяно-грузинская война перешла в восстание, в котором участвовала и некоторая часть русских войск. И кончилось тем, что замысел армянской буржуазии против нас, до сих пор по крайней мере повернулся против них и повернулся так, что в Тифлисе, по последним сведениям, которые еще не проверены, оказалась советская власть" [88]. В письме от 3 марта Ленин призывал Орджоникидзе искать приемлемого компромисса для

блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, не высказывающими откровенной враждебности к мысли о советском строе в Грузии на известных условиях. Одновременно он просил грузинских коммунистов отказаться от "применения русского шаблона, а умело и гибко создавать своеобразную тактику, основанную на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам"⁹⁰. Желая как-то сдержать поток устремившихся в южном направлении политических коммивояжеров (иначе не назовешь), Ленин ввел особую процедуру утверждения на высоком уровне всех командированных в Грузию представителей комиссариатов. Кроме того, он неустанно требовал от своих коллег осторожного подхода к Закавказью. В письме от 14 апреля 1921 г. к коммунистам всех закавказских республик Ленин указывал на отсутствие опасности интервенции со стороны Антанты, на то, что кавказские республики являются крестьянскими в еще большей степени, чем Россия, что Кавказ мог бы наладить товарообмен и сотрудничество с капиталистическим Западом быстрее и легче России. Требовалось больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и крестьянству. Более медленный, более осторожный и более систематический, чем в РСФСР, переход к социализму был возможен и необходим^[92]. Согласно описанию одного советского историка, присутствовавшие на руках вознесли Рамишвили на трибуну, не дав говорить Сталину. Возмущенный этим эпизодом, Сталин в частной беседе потребовал проведения более жесткой политики и выразил недовольство слишком терпимым отношением к меньшевикам. Он также добился вопреки сильной

местной оппозиции перемещения Махарадзе с поста председателя Революционного комитета Грузии на менее важную должность народного комиссара земледелия республики. Через несколько месяцев Махарадзе по просьбе Орджоникидзе отозвали в Москву и через Оргбюро определили на работу в аппарат ЦК[94]. Чтобы это послание достигло обширной местной аудитории, доклад через неделю, когда Сталин приготовился к отъезду, опубликовали в тифлисской партийной газете.

Как мы видим, Сталин в течение многих лет относился к Грузии с известным пренебрежением. Недавно пережитое унижение, должно быть, ожесточило его еще больше и одновременно усилило ощущение, что подлинной родиной является не маленькая Грузия, а великая Россия. К длительному отрыву от места рождения добавилось еще и мстительное чувство. Все это помогает понять его реплику, брошенную во время мятежа, случившегося в 1924 г. в шахтерском городе Чиатура и его окрестностях. Грузию, сказал Сталин, придется "перепаживать заново".

Примечания

1 Городецкий Е. Н. Рождение Советского государства (1917 - 1918 гг.). М., 1964, с. 158.

3 Пестковский С. Воспоминания о работе в Наркомнаце. - "Пролетарская революция", 1930, N 6, с. 129 - 130.

5 "Пролетарская революция", 1930, N 6, с. 128.

7 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 24.

9 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 75 - 76. Обращение было напечатано в "Правде" 9 апреля 1918 г.

11 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 87 - 89.

13 О карьере Товстухи см. некролог в "Правде", 16 августа 1935 г. и статью "И. П. Товстуха" в: "Вопросы истории КПСС", 1969, N 4, с. 128 - 130.

15 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 116 - 117.

17 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 118, 420.

19 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 118 - 121. Второе письмо Ленину впервые было опубликовано в указанном томе в 1951 г.

21 Там же, с. 19.

23 Там же.

25 Там же.

27 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 127. Столь прочувственная концовка явно объясняется тем, что накануне на Ленина совершила покушение эсерка Ф. Каплан.

29 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 455.

31 Там же, с. 270.

33 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 291.

35 Сталин И. В. Соч., т. 1, с. 132 - 137. Впервые статью опубликовали в июле 1905 г.

37 Его не следует путать с лидером большевиков Львом Каменевым. Бывший царский офицер С. С. Каменев являлся при военкоме Троцком главнокомандующим Красной Армией.

39 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 275 - 277. Здесь письмо датировано 15 октября 1919 г. Однако советский военный историк Кузмин Н. Ф. продемонстрировал ("Вопросы истории", 1956, N 7, с. 30 - 32), что в действительности письмо должно было быть написано 15 ноября. Он сообщает, что хранящееся в архиве подлинное письмо явно ошибочно помечено 15 октября. Этот вывод подтверждает и высказанное Маркиным предположение о том, что "Сталин написал свое критическое письмо где-то в начале ноября и уж никак не ранее этого срока...". (Stalin and the Red Army, p. 226).

41 Материалы всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук. М., 1958, с. 166. В них профессор Найда С. Ф. ссылается на помощника Ленина В. Д. Бонч-Бруевича, как на автора указанной реплики. Впервые Бонч-Бруевич привел ее в 1931 г. в своей книге "На боевых постах Февральской и Октябрьской революций" (М., 1931, с. 175).

43 Там же, с. 165 - 166; Жилин П. А. (гл. ред.) Очерки по историографии советского общества, с. 167 (прим.). Сначала Берзин не хотел подписывать приказ на том основании, что сфера его деятельности - тыловая служба, и что он не в курсе военных операций.

45 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 329.

47 Тухачевский М. Н. Избр. произведения, 1919 - 1927. М., 1964, т. 1, с. 154.

49 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 190 - 224.

51 Там же, т. 36, с. 190, 195, 196, 198 - 199, 208.

53 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 367. Относительно различий в подходе Ленина и Сталина к общественному

контролю см. Константинов А. П. Ленинские традиции партийно-государственного контроля. Л., 1963, с. 11, 18; Донской В., Иконников С. Развитие ленинских идей о партийно-государственном контроле. "Коммунист", 1962, в" -- 18, с. 32.

55 Trotsky L. Trotsky's Diary in Exile, 1935. N. Y., 1963, p. 64.

57 Из личной беседы автора в 1965 г. с Николаевским Б. И., который слышал эту историю от Каменева Л. Б.

59 Стасова Е. Д. Воспоминания. М., 1969, с. 133 - 134, 136.

61 Источники сведений: доклад секретаря партии Крестинского Н. по организационным вопросам на X съезде (Десятый съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет. М., 1963, с. 805 - 813) и статья о Коммунистической партии в Большой Советской Энциклопедии (т. 60, М., 1934, с. 552).

63 Сталин И. В. Соч., т. 5, с. 8 - 10.

65 Там же, с. 564, 571 - 573.

67 Там же, с. 46, 47.

69 Сталин И. В. Соч., т. 6, с. 277 - 278.

71 "Правда", 10 ноября 1932. Эти сведения указаны в некрологе в связи со смертью Надежды, которая, как полагали, покончила с собою. В некрологе не сообщалось, работала ли она в Царицыне в тот 3-месячный период, когда там находился Сталин.

внъghIвh°в,--ghIгЪieH жНочвГНожS'ж...ъж`Ъдн
жIIжS вNoIeh ж ЁдЕ ж з` 75 Дубинский-Мухадзе И. М.
Орджоникидзе. М., 1963, с. 283.

77 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 424;
Жвания Г. К. В. И. Ленин, ЦК партии и большевики
Закавказья, с. 238 - 239. По словам автора (с. 240), в
ответе, присланном через два дня, Орджоникидзе и
Киров выразили свое согласие, но указали на пять
причин для безотлагательного вмешательства. Они
доказывали, что несоветская Грузия станет пунктом
сосредоточения контрреволюции на юге, что план с
незначительными изменениями повторит успешную
операцию в Азербайджане и что, "владея Грузией, мы
вышибаем англичан с восточного берега Черного моря".

79 Заявление было опубликовано в бакинской
газете "Коммунист", 4 ноября 1920 г. Оно цитируется в:
"Историк-марксист", 1940, N 11, с. 12; Pipes Richard. The
Formation of the Soviet Union, p. 230.

81 Хармандарян С. В. Ленин и становление
закавказской федерации, 1921 - 1923, с. 47.

83 Жвания Г. К. В. И. Ленин, ЦК партии и
большевики Закавказья, с. 261 - 268. Мое описание
процесса принятия решения, которое привело к
интервенции в Грузии в феврале 1921 г., во многом
базируется на книге Жвания, использовавшего архивные
материалы, а также на его же статье "В. И. Ленин и
партийная организация Грузии в период борьбы за
Советскую власть" ("Заря Востока", 21 апреля 1961 г.).

85 Жордания Н. Моя жизнь, Стэнфорд, 1968, с. 109,
112. Жордания ошибался относительно роли Троцкого,
который, по-видимому, занимал в этом вопросе
умеренную позицию. Как впоследствии вспоминал

Троцкий, он стоял на той точке зрения, что мир с Польшей и разгром Врангеля позволяли отложить неизбежную советизацию Грузии, провести "в Грузии определенную работу, чтобы подготовить восстание и затем прийти ему на помощь". (Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 268). Более того, хотя Троцкий и был комиссаром по военным делам, его полностью обошли при планировании вторжения. Поэтому 21 февраля 1921 г. он из Екатеринбурга (Урал) послал своему заместителю в Москве Склянскому следующую телеграмму: "Пожалуйста, составьте для меня короткую записку о военных операциях против Грузии, когда эти операции начались, по чьему приказу и т. д." (Mejer Jan M. (ed.). The Trotsky Papers 1917 - 1922. The Hague, 1971, vol. 2, p. 385).

87 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 356.

89 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 367. В приписке указывалось: "Сталину. Прошу отправить, а если возражаете, то поговорить по телефону". Письмо было опубликовано 6 марта в тифлисской большевистской газете "Правда Грузии".

91 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 198 - 200. Письмо было опубликовано в газете "Грузинская правда", 8 мая 1921 г.

93 Хармандарян С. В. Ленин и становление закавказской федерации, 1921 - 1923, с. 238 - 239. От должности председателя Революционного комитета Махарадзе освободили 7 июля.

95 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 268.

7. Конфликт с Лениным

На пути к столкновению

Если иметь в виду, с каким трудом коллеги ладили со Сталиным, можно лишь удивляться, что его отношения с Лениным так долго оставались хорошими. Время от времени, начиная с эпизода в 1911 г., между ними возникала напряженность, но она никогда не достигала такого уровня, чтобы повредить их взаимоотношениям. Ленин, должно быть, чувствовал, что в обращении со Сталиным нужен особый такт и, как видно, полагал, что овчинка стоит выделки. Он ценил в Сталине его сильные стороны политического лидера, считался с его мнением по определенным вопросам и никогда не сомневался в его величайшей преданности делу. Не исключено также, что Ленин находился (возможно, лишь подсознательно) под влиянием тех чувств, которые питал лично к нему Сталин. Ленин едва ли мог оставаться равнодушным к тому, как этот грубоватый кавказец (моложе его на десять лет) постоянно взирал на него с восхищением ученика и верного последователя и даже питал к нему непривычную для себя нежность. Сталин со своей стороны в присутствии Ленина, вероятно, вел себя достаточно сдержанно, и поэтому Ленину не пришлось переживать (по крайней мере до определенного времени) такие неприятные моменты, которые выпадали на долю некоторых других видных большевиков.

Но примерно в 1921 г. в их отношениях начали появляться первые признаки разлада. Наряду с другими факторами здесь сыграла свою роль победа, одержанная Лениным на X съезде партии. В результате благополучно

разрешился внутривнутрипартийный конфликт - причина холодности между ним и Троцким. А это в свою очередь расчистило путь к возобновлению тесных отношений Ленина с человеком, которого Сталин считал своим заклятым врагом. Сближение Ленина и Троцкого пробудило в Сталине (иначе и быть не могло) злобные чувства. Наряду с этим, различные эпизоды периода гражданской войны, в которых обнаружились отрицательные качества сталинского характера и которые показали, к каким последствиям все это может привести (например, к интригам и склокам), породили у Ленина недобрые предчувствия относительно Сталина как личности. "Сей повар будет готовить только острые блюда", - будто бы заметил Ленин, когда Зиновьев, все еще строивший козни против Троцкого, во время XI съезда партии стал в тесном кругу приближенных Ленина настаивать на кандидатуре Сталина для выборов в Секретариат[2]. Тогдашний нарком финансов Сокольников хотел заменить монополию внешней торговли режимом торговых концессий и добивался разрешения советским трестам и кооперативам закупать продовольствие за границей. Это очень встревожило Ленина, который предвидел опасные последствия ослабления внешнеторговой монополии. Поэтому он упорно отстаивал свою точку зрения, но натолкнулся на стойкое сопротивление в верхних эшелонах, в том числе и на определенную оппозицию со стороны Сталина. Так, на письме Ленина от 15 мая 1922 г., адресованном Сталину и зам. наркома внешней торговли Фрумкину с предложением "формально запретить" все разговоры об ослаблении монополии, Сталин начертил: "Против "формального запрещения" шагов в сторону ослабления монополии внешней торговли на данной стадии не

возражаю. Думаю все же, что ослабление становится неизбежным"4. В этом заявлении, конечно же, преуменьшались как серьезность самой проблемы, так и значение вызванных ею трений. И все же разногласия относительно монополии внешней торговли не идут ни в какое сравнение с конфликтом, который разгорелся в связи с национальным вопросом. На этот раз Ленину пришлось схватиться со Сталиным в открытую.

В размышлениях Ленина по национальному вопросу с самого начала присутствовали два важных момента. Один касался революционной партии, а другой - революции. Движимый желанием сохранить единое и строго централизованное русское революционное движение, он считал, что идея австрийских социал-демократов "национально-культурной автономии" грозит партии расколом. Именно данный аспект размышлений Ленина очень удачно развил Сталин в работе "Марксизм и национальный вопрос". Но как раз те самые центробежные силы национального сепаратизма, которые казались Ленину опасными с партийных позиций, вселяли надежду с точки зрения успеха революции, ибо они могли помочь разрушить царскую империю. Поэтому он со всей энергией отстаивал лозунг "о праве наций на самоопределение"; так поступать Ленину было тем легче, поскольку он испытывал глубокое отвращение к великорусскому шовинизму, к царской политике "единой и неделимой России".

Когда же империя под влиянием войны и революции в самом деле рухнула и распалась, Ленин оказался перед политической дилеммой. Как враг великорусского национализма, он был склонен уважать право на национальное самоопределение, но, как революционный государственный деятель, он хотел сохранить под

властью большевиков как можно больше от прежней империи. Не мог он игнорировать и такие факты, как, например, экономическая ценность бакинской нефти или стратегическое и политическое значение Закавказья и Средней Азии, населенных преимущественно неславянскими народами, или же огромная важность со всех точек зрения Украины со славянским, но не русским населением. Ленин попытался разрешить дилемму, с одной стороны уступая мощному давлению в пользу отделения Польши, Финляндии и Прибалтийских государств, а с другой - стараясь сохранить для революции остальную часть бывшей огромной империи. Обрусевшие представители национальных меньшинств (подобные Сталину и Орджоникидзе), которые не испытывали угрызений совести, навязывая малым народам советско-русскую власть, были послушным и эффективным инструментом в осуществлении второй линии. Как мы уже видели, Сталин всегда чувствовал себя неловко с лозунгом национального самоопределения, хотя иногда сам его повторял, и имел обыкновение занимать по этому вопросу уклончивую позицию. Так, например, на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г. он указал на необходимость "толкования принципа самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма"[6].

На первых порах в национальном вопросе Ленину пришлось иметь дело с оппозицией группы левых коммунистов, которыми руководили Бухарин, Пятаков и другие, и, возможно, по этой причине он не сразу заметил еще более серьезные расхождения,

существовавшие между ним и Сталиным. Как мы уже видели, у левых коммунистов было особое мнение относительно принципа национального самоопределения⁸.

Возражая, Ленин заявил, что нации все еще неотъемлемый факт жизни общества и что партии необходимо с этим считаться. Затем он сухо заметил, что бушменов в России нет, а что касается готтентотов, он не слышал, чтобы они претендовали на автономную республику, но зато есть башкиры, киргизы и другие нерусские народы, которым нельзя отказать в признании. По его словам, в мире, и не только колониальном, нации - это политическая реальность. Удовлетворив право финнов на самоопределение, Советская Россия лишала финскую буржуазию возможности убедить трудящиеся массы в том, будто великороссы хотят их поглотить. Позднее, участвуя в дальнейшей дискуссии, Ленин вернулся к теме Финляндии. Он напомнил, что после сделанных по договору с недолговечным красным финским правительством территориальных уступок приходилось слышать от русских коммунистов возражения: "Там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали". По поводу подобных возражений Ленин сказал: "Поскрести иного коммуниста - и найдешь великорусского шовиниста". Были также коммунисты и даже в самом Наркомате просвещения, говорившие, что в единой школе можно обучать только на русском языке. "По-моему, - заявил Ленин, - такой коммунист, это - великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться"[10].

Возможно, только теперь товарищи Сталина по партии начали осознавать, что сам комиссар по делам национальностей принадлежит к коммунистам,

зараженным "русским красным патриотизмом", поскольку он имел склонность высказываться в духе единой и неделимой России. Поэтому можно считать парадоксальным, но вовсе не неожиданным тот факт, что Сталину и Ленину, в конце концов, было суждено разойтись по тому самому вопросу, который в свое время скрепил их отношения. Иначе и быть не могло еще и потому, что насколько чужд был русский национализм ленинской натуре, настолько глубоко он укоренился в характере Сталина. Раньше уже говорилось о том, что Сталин обрусел, еще будучи молодым революционером, считая большевиков "истинно русской фракцией" марксистского движения. По иронии судьбы человек, который, по мнению Ленина, являлся ценным для партии в качестве представителя малых народов и который в течение длительного времени соглашался с таким определением этой своей основной роли в партии, представлял собою формирующегося русского националиста еще до их встречи и за многие годы до того момента, когда, к своему ужасу, Ленин обнаружил у него вполне сформировавшиеся русские националистические взгляды. Сталин отождествлял себя с Россией, в этом крылось его надменное отношение к культуре малых народов, прежде всего кавказских, обнаруженное нами в работе "Марксизм и национальный вопрос", - этим определялось то рвение, с которым он взял сторону Ленина и выступил против "национально-культурной автономии" в партии. Правда, в этой работе, доказывая "интернациональный тип" социал-демократической организации в России, он писал, что "рабочие прежде всего - члены одной классовой семьи, члены единой армии социализма", и добавил, что

это имеет для них "громадное воспитательное значение"[12].

Ленину и его единомышленникам среди русских революционеров никогда бы не пришло в голову назвать большевизм (Ленин ни разу не употребил слова "ленинизм") высшим достижением "русской культуры". Как теория и практика пролетарской революции и диктатуры пролетариата ленинизм в их понимании представлял собою просто русский вариант марксизма, который в свою очередь являлся, в сущности, наднациональным и предусматривал окончательное слияние всех наций в общность более высокого уровня. Тот факт, что ленинизм нес на себе определенный русский отпечаток (благодаря месту своего возникновения), не вызывал у них тщеславия. А Сталин в отличие от них гордился русскими корнями ленинизма так же, как какой-нибудь патриотически настроенный французский радикал, возможно, гордится якобинством, усматривая в нем проявление глубокой сути Франции. Сталин считал ленинизм олицетворением славной исторической судьбы России. В то же время это обстоятельство, по его мнению, нисколько не ставило под сомнение всемирного значения ленинизма. В работе "Об основах ленинизма" Сталин настаивал на интернациональном характере ленинизма, который он определил как марксизм эпохи империализма и пролетарской революции. Из упомянутого меморандума 1926 г. совершенно ясно, что интернационализм Сталина ориентировался на Москву и Россию. На следующий год он вновь подчеркнул данный момент, определяя "интернационалиста" как человека, который "безоговорочно, без колебаний, без условий готов защищать СССР потому, что СССР есть база мирового

революционного движения, а защищать, двигать вперед это революционное движение невозможно, не защищая СССР"[14]. Выражения "мы русские марксисты" и "мы - русские большевики" часто мелькают в его сочинениях 20-х годов. В интервью с Эмилем Людвигом в 1931 г. Сталин русифицировал даже свои революционные корни, заметив, что к марксизму он приобщился в пятнадцатилетнем возрасте, когда "связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказье"[16].

В 1923 г. на XII съезде партии Сталин вместе с великорусским шовинизмом сурово осудил и местный шовинизм, который возникает, по его словам, как реакция на великорусский шовинизм. Определенные круги за рубежом намеревались будто бы "устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, т. е. создать так называемую "единую и неделимую"" Россию. Основная опасность состояла в том, что "в связи с нэпом у нас растет не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское"[18]. Как видно, Сталин забыл исторические примеры проявления национализма правящими нациями и оказался не в состоянии увидеть великодержавного шовинизма, хотя сам же, правда бегло, указал на него, как на серьезную проблему. Между высокомерным русофильством Сталина и взглядами Ленина существовала глубокая пропасть, которая со всей беспощадностью открылась Ленину в 1922 г.

Конституционная проблема

Глубокие политические конфликты нередко выплескиваются наружу в вопросах, которые на первый взгляд кажутся второстепенными. Вопрос, который в данном случае сыграл именно такую роль, касался юридического оформления советской конституционной структуры. Он возник еще в январе 1920 г., когда Сталин, находившийся тогда на Южном фронте, прислал Ленину письмо с комментариями относительно проекта тезисов по национальному и колониальному вопросам, подготовленных ко II конгрессу Коминтерна. В седьмом пункте тезисов Ленин указал на "федерацию" как на переходную форму к полному единству трудящихся разных наций. Федерация, по мнению Ленина, уже на практике продемонстрировала свою целесообразность как в отношениях РСФСР с другими советскими республиками (например, с Украиной), так и в предоставлении внутри РСФСР автономии национальностям, ранее ее не имевшим (например, башкирам). Здесь подчеркивалось различие между "союзными республиками" (Украина, Белоруссия, Азербайджан), с которыми РСФСР имела договорные отношения, и "автономные республики", которым конституция гарантировала некоторые политические полномочия, но которые формально не считались самостоятельными. В письме Ленину Сталин усомнился в том, что Советская Германия, Польша, Венгрия или Финляндия сразу пожелают пойти на федеративные отношения с Советской Россией, и предложил избрать формой сближения в будущем "конфедерацию" или "союз самостоятельных государств". По его словам, разные типы федеративных отношений внутри Советского государства вряд ли помогут решить проблему, поскольку "на самом деле этой разницы нет, или она так мала, что

равняется нулю"[20]. Сталин, безусловно, принадлежал к централистам.

Переданный Центральным Комитетом приграничным республикам для ознакомления сталинский план "автономизации" был воспринят без особого энтузиазма. Партийные руководители Украины и Белоруссии не выступили против открыто, но встретили его более чем сдержанно. ЦК Азербайджана полностью поддержал проект, конечно же, благодаря влиятельной позиции Кирова. Так же поступило орджоникидзевское Кавбюро и Центральный Комитет Армении. ЦК Коммунистической партии Грузии, однако, однозначно высказался против. В резолюции от 15 сентября, невзирая на возражения присутствовавших на заседании Орджоникидзе и Кирова, голосовавших против этой резолюции, грузинский ЦК объявил предложенную Сталиным автономизацию преждевременной. Объединение хозяйственных усилий и общая политика признавались необходимыми, но "с сохранением всех атрибутов независимости"[22].

Реакция Ленина оказалась быстрой и негативной. Поговорив со Сталиным 27 сентября, он суммировал свою позицию в письме Каменеву, отправленном в тот же день и предназначенном для членов Политбюро. Вопрос, писал Ленин, архиважный, а "Сталин немного имеет устремление торопиться". Сталин, продолжал он, уже согласился на одну уступку: в резолюции не будет говориться о "вступлении" остальных республик в РСФСР (то есть об их автономизации), а для выражения равноправия с Российской Федерацией пойдет речь об их "формальном объединении с РСФСР в союз советских республик Европы и Азии". Однако требовалось внести и другие изменения. Вместо превращения ЦИК РСФСР в высший правительственный орган всех Советских

республик следовало иметь общефедеральный ВЦИК. Аналогичным образом определенные административные функции должны были выполняться общефедеральными наркоматами, расположенными в Москве, а не сохраняться за существующими комиссариатами РСФСР. Очень важно, пояснил Ленин, не давать пищи "независимцам", не уничтожать их независимости, а, наоборот, создать "новый этаж, федерацию равноправных республик"²⁴. Однако несмотря на вспышку раздражения, Сталин переработал резолюцию комиссии ЦК в соответствии с рекомендациями Ленина. В ней в общих чертах давалось описание федеративной системы СССР, смоделированной позднее заново в соответствии с новой Советской Конституцией 1924 г. В измененной форме резолюцию представили Центральному Комитету, собравшемуся 5 октября на двухдневный пленум. Острая зубная боль не позволила Ленину быть на заседании 6 октября, но он в тот день послал Каменеву короткую записку, в которой, явно имея в виду изложенные выше события, заявил: "Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть"[²⁶].

На пленуме, состоявшемся в Баку 3 ноября 1921 г., Кавбюро в присутствии секретаря ЦК Молотова решило приступить к реализации плана создания федерации. О принятом решении сообщили Политбюро, для которого это явилось полной неожиданностью, и оно запросило у Орджоникидзе дополнительную информацию по данному вопросу. Местные партийные круги также оказались захваченными врасплох, поскольку Кавбюро приняло решение без предварительного обсуждения с тремя закавказскими ЦК партии и в отсутствие Мдивани, одного из членов бюро. В последующем Кавбюро добилось

согласия этих партийных органов, однако в Грузии пришлось преодолеть сильную оппозицию значительной группы коммунистических руководителей во главе с Мдивани, который объявил план создания федерации "преждевременным"[28].

Как и следовало ожидать, обращение через голову Орджоникидзе к Сталину ни к чему путному не привело, ибо творцом курса, который проводил Орджоникидзе, являлся сам Сталин. Когда к концу ноября Кавбюро в ответ на требование Политбюро предоставить дополнительную информацию выслало в Москву относящиеся к делу документы, Сталин, изучив поступивший материал, составил проект резолюции Политбюро, который направил на одобрение Ленину. Текст письма Сталина никогда не публиковался (по свидетельству советских историков его нет даже в Центральном партийном архиве), но, судя по ответу Ленина от 28 ноября 1921 г., Сталин согласился с планом создания федерации, обойдя, правда, предостережение относительно необходимости продвигаться постепенно и прилагать все силы, чтобы убедить местное население и партийцев на местах в преимуществах федерации. 23 ноября Ленин получил телеграмму от Михаила Фрунзе, большевистского лидера и члена ЦК, совершавшего поездку по Кавказу, в которой говорилось о существующей среди грузинских коммунистов оппозиции планам федерирования и об их недовольстве тем, как эти планы навязываются. В записке Сталину, посланной через два дня, Ленин одобрил его проект постановления, но предложил сформулировать "чутьочку иначе". В частности, в редакции Ленина говорилось о необходимости признать федерацию закавказских республик принципиально абсолютно правильной, "но в

смысле немедленного практического осуществления преждевременной", то есть требующей нескольких недель обсуждения, пропаганды и проведения снизу через Советы. Центральным комитетам трех закавказских республик предлагалось поставить вопрос о федерации на обсуждение партии, рабочих и крестьянских масс, организовать агитацию за федерацию через съезд Советов каждой республики, а в случае сильной оппозиции своевременно проинформировать Политбюро. В тот же день Сталин принял поправки Ленина, но предложил вместо слов "несколько недель" записать: "известный период времени". Он пояснил, что нескольких недель не хватит, чтобы вопрос о федерации решить в грузинских Советах, которые "только начинают строиться"[30]. 13 декабря Сванидзе направил личное письмо своему высокопоставленному родственнику следующего содержания:

"Дорогой Иосиф! В последнее время не было ни одного заседания ЦК, которое бы не начиналось и не кончалось бурными сценами между Серго и Буду... (Орджоникидзе) колотит нас тяжелой дубинкой авторитета Центра, к которому, кстати, мы питаем не меньше уважения и доверия, чем товарищи из Кавбюро... Об одном прошу убедительно, примирить как-нибудь Серго и Буду, если это объективно возможно. Научи их относиться друг к другу с уважением. P. S. Я бесконечно буду тебе благодарен, если ты вырвешь меня из этой атмосферы и дашь мне возможность работать в какой-нибудь иностранной миссии"[32]. Состоявшийся 5 - 6 октября 1922 г. пленум ЦК одобрил ленинский план образования СССР при условии, что и Российская Республика и Закавказье войдут в него в качестве федераций. Хотя грузинская оппозиция, таким образом,

получила лишь частичное удовлетворение, ее лидеров обрадовало, что в борьбе с теми, кого некоторые выступавшие на октябрьском пленуме клеймили "великодержавниками", у них есть такой мощный союзник, как Ленин. В этой связи один из грузин заявил: "Мы по Ленину, они за военный коммунизм"[34]. В этот момент Грузинский ЦК в полном составе подал в отставку. Несогласное большинство послало Ленину телеграмму, в которой извинялось за резкий язык первого своего послания, но снимало с себя всякую ответственность за конфликт. Тем временем Орджоникидзе, опираясь на мощную поддержку Сталина, приступил к чистке грузинской партии, удаляя оппозиционеров с государственных постов.

Но к этому моменту в высших партийных кругах Москвы поняли, что в Грузии сложилась ненормальная ситуация. Каменев и Бухарин предложили в Политбюро поручить ЦК создать комиссию по расследованию. Не будучи в состоянии возразить, Сталин сделал ловкий ход, заявив, что самым подходящим кандидатом на пост руководителя комиссия является Дзержинский, в то время поправлявший здоровье на берегу Черного моря в Сухуми. Енукидзе, которого Ленин прочил на эту роль, предусмотрительно отказался. В итоге Секретариат назначил Дзержинского председателем, а В. С. Мицкявичуса-Капсукаса и Л. Н. Сосновского - членами комиссии. Ленина, помнившего отрицательное отношение Дзержинского в прошлом к лозунгу национального самоопределения, состав комиссии не обрадовал, и при голосовании, проведенном среди членов Политбюро по телефону, он воздержался. Сталин, Каменев, Калинин и Зиновьев поддержали предложение, а Троцкий заявил: "Не возражаю". Только что

вернувшийся из зарубежной поездки Мдивани высказался против такого состава комиссии, особенно против Сосновского. Сталин пошел навстречу и заменил Сосновского одним из своих сторонников, украинцем Мануильским[36]. В опубликованных после смерти Сталина мемуарах Анастас Микоян пояснил, что белого коня Орджоникидзе подарили горцы, когда тот вернулся на Кавказ. Приняв подарок (к чему обязывал кавказский обычай), Орджоникидзе передал коня в конюшню Реввоенсовета и выезжал на нем только во время парадов в Тифлисе. Кобахидзе же несправедливо обвинил его чуть ли не в коррупции[38]. Ленин считал, что это переходит всякие границы. Он не мог смириться с мыслью, что члены его правительства так вели себя по отношению к малому народу. Поступок Орджоникидзе он считал недопустимым, а фигура Сталина, для грубых манер которого Ленин не раз находил оправдания, стала принимать зловещие очертания. Наконец-то в душе Ленин встал на сторону грузинской оппозиции. Докладывая 12 декабря о результатах работы комиссии, которая в начале месяца провела в Тифлисе четырехдневные слушания, Дзержинский старался обелить Сталина и Орджоникидзе. Но это не успокоило Ленина. Он дал указание Дзержинскому вернуться в Грузию и собрать более подробную информацию об инциденте между Орджоникидзе и Кобахидзе. Вскоре после этого, 16 декабря, Ленина вновь разбил паралич. Оправившись в достаточной степени, чтобы ежедневно понемногу работать, Ленин 30 - 31 декабря продиктовал записку "К вопросу о национальностях или об "автономизации"". Эта последняя работа Ленина по национальному вопросу содержала суровое обвинение Сталина.

Начав с признания собственной вины в том, что не вмешался достаточно энергично в вопрос об автономизации, Ленин напомнил о своей беседе с Дзержинским и о факте рукоприкладства Орджоникидзе. Если дело зашло так далеко, заявил Ленин, то можно себе представить, "в какое болото мы слетели". Видимо, вся эта затея автономизации оказалась в корне неверной и несвоевременной. Как говорили сторонники автономизации, продолжал он, требовался единый аппарат. Но откуда исходили эти уверения, если не от того самого "российского аппарата", который заимствован у царизма и только подмазан чуть-чуть советским мирром? Существовала огромная опасность, что ничтожный процент советских или советизированных рабочих "будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке". При таких условиях, писал Ленин, объявленная свобода выхода из союза не способна защитить российских инородцев от нашествия того великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ.

Не было принято никаких мер, говорилось далее, чтобы защитить меньшинство от подобных типов. "Я думаю, - заявил Ленин, - что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторская увлеченность Сталина, а также его озлобление против пресловутого "социал-национализма"". "Озлобление, продолжал он, - вообще играет в политике самую худую роль". Дзержинский, по словам Ленина, во время поездки на Кавказ также отличался своим истинно русским настроением. Здесь Ленин в скобках заметил, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения. "Русское рукоприкладство"

Орджоникидзе нельзя оправдать никаким оскорблением, как это пытался сделать Дзержинский. Будучи человеком, наделенным властью на Кавказе, он не имел права терять выдержку. Орджоникидзе следовало примерно наказать, а Сталин и Дзержинский должны понести политическую ответственность за великорусско-националистическую кампанию. Рассматривая проблему в более широком плане, Ленин утверждал, что нужно отличать национализм большой угнетающей нации от национализма нации угнетенной, нации маленькой. В обращении с национальными меньшинствами лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости. Вред от разъединения аппаратов национальных с аппаратом русским был бы неизмеримо меньше, чем тот вред, который проистек бы от грубого и несправедливого отношения к собственным иноподданам не только для Советской России, но для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, вот-вот готовых к выступлению. Тот грузин, который не проявляет сугубой осторожности и предупредительности, пренебрежительно бросает обвинение в "социал-национализме", который сам является настоящим "социал-националистом" и грубым великорусским держимордой, тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности⁴⁰. На заседании, состоявшемся 1 февраля, на котором Сталин не скрывал своего нежелания удовлетворить просьбу Ленина, Политбюро приняло решение позволить Ленину ознакомиться с материалами. Получив их, Ленин назначил комиссию в составе трех секретарей (Фотиевой, Гляссер и Горбунова) для изучения грузинского инцидента. Доклад этой комиссии, поступивший к Ленину 3 марта, побудил его предпринять

дальнейшие шаги. 5 марта он продиктовал письмо Троцкому с просьбой разобраться с грузинским делом на намечавшемся предсъездовском пленуме Центрального Комитета. "Дело это, писал Ленин, - сейчас находится под "преследованием" Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы вы согласились взять на себя его защиту, то я бы мог быть спокойным". На другой день он отправил следующую записку лидерам грузинской оппозиции, Мдивани и Махарадзе (в копии Троцкому и Каменеву): "Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь"[42]. Однако в итоге, на "гнилой компромисс" пошел сам Троцкий, который проинформировал Каменева о том, что он против снятия Сталина, исключения Орджоникидзе и перемещения Дзержинского с поста наркома путей сообщения. Троцкий лишь потребовал изменить политику в национальном вопросе, покончить с преследованиями грузинских оппонентов Сталина и административным гнетом в партии, проводить более твердый курс на индустриализацию и на "честное сотрудничество" в руководящих органах⁴⁴. Троцкий со своей стороны согласился оставить за Политбюро право решить, следует ли вообще ознакомить съезд с записями Ленина. И Политбюро постановило вместо публикации материалов в качестве документов съезда зачитать их на закрытых заседаниях отдельных делегаций (эти материалы не публиковались до 1956 г.). Все это подготовило почву для довольно скучного XII партийного съезда, который собрался в апреле. Учитывая, что Троцкий безмолвствовал, Сталин без труда выдержал дебаты по национальному вопросу. Подчеркивая в

соответствии с договоренностью особую опасность великорусского шовинизма, он одновременно крепко ударил и по своим грузинским противникам. Порицая "грузинский шовинизм", он использовал свой конфликт с "товарищами-уклонистами" для иллюстрации справедливости утверждения, что "оборонительный национализм" некоторых республик имел тенденцию превращаться в национализм "наступательный". Сталин обвинил грузинскую оппозицию в том, что ее сопротивление плану создания федерации обусловлено желанием в националистических целях извлечь выгоду из "привилегированного положения" Грузии в Закавказье. И, пересказывая историю с собственным предложением Ленину относительно предоставления больше времени для продвижения плана через грузинские Советы, Сталин представил дело так, как будто он, а не Ленин призывал к осторожности в данном вопросе. В одном из своих выступлений на съезде он, имея в виду группу Мдивани, с насмешкой заметил, что "у некоторых товарищей, работающих на некотором куске советской территории, называемом Грузией, там, в верхнем этаже, по-видимому, не все в порядке"[46]. Тщетно лидер украинских большевиков Николай Скрыпник жестоко критиковал присутствовавшее на съезде "партийное болото", то есть тех, кто, голосуя за резолюцию по национальному вопросу, в глубине сердца оставался великодержавником. Не много удалось сделать и Бухарину, говорившему в защиту грузин. "Я понимаю, - заметил он, - когда наш дорогой друг, т. Коба Сталин, не так остро выступает против русского шовинизма и что он как грузин выступает против грузинского шовинизма". Затем Бухарин испросил позволения в качестве лица негрузинской национальности сосредоточить огонь на

российском шовинизме. По его словам, сущность ленинизма по национальному вопросу заключалась в борьбе с этим главным шовинизмом, который генерировал другие, местные формы шовинизма, возникшие в качестве ответной реакции. С тем чтобы "компенсировать" свое прошлое великой державы, продолжал Бухарин, великороссу следовало поставить себя в неравное положение в смысле уступок национальным течениям. В национальном вопросе соображения хозяйственной целесообразности и административной эффективности должны отойти на второй план. Ведь спиливать телеграфные столбы на баррикады и передавать крупные имения помещиков мужикам с экономической точки зрения было также неразумно. Так почему же Ленин с такой бешеной энергией забил тревогу по поводу грузинского вопроса и не сказал ни слова об ошибках местных уклонистов? Будучи гениальным стратегом, заметил Бухарин, он понимал, что нужно бить главного врага. Поэтому не было смысла говорить теперь о местном шовинизме, который являлся темой второй фазы борьбы.

Это была смелая попытка Бухарина изменить направление дискуссии, однако несколько не похожая на ту "бомбу", которую Ленин якобы намеревался взорвать, чтобы нанести удар Сталину. Бухарин сам намекнул об этом, заявив съезду: "Если бы т. Ленин был здесь, он бы задал такую баню русским шовинистам, что они бы помнили десять лет".

XII съездом нашей партии упрекал меня в том, что я веду слишком строгую организационную политику в отношении грузинских полунационалистов, полукommunistов типа Мдивани, который был недавно торгпредом во Франции, что я "преследую" их. Однако

последующие факты показали, что так называемые "уклонисты", люди типа Мдивани, заслуживали на самом деле более строгого отношения к себе, чем это я делал, как один из секретарей ЦК нашей партии... Ленин не знал и не мог знать этих фактов, так как он болел, лежал в постели и не имел возможности следить за событиями. Но какое отношение может иметь этот незначительный инцидент к принципиальной позиции Сталина?"[49]. Приступ болезни, последовавший 16 декабря, явился началом периода резко ограниченной активности, продолжавшегося до начала марта, то есть до того момента, когда Ленина парализовало в результате нового удара. Принимать непосредственное участие в политических делах он больше не мог, однако, преодолевая сопротивление лечащего врача, желавшего установить ему режим абсолютного покоя, Ленин добился разрешения ежедневно диктовать для своего так называемого дневника. После того как Сталин, Бухарин и Каменев 24 декабря проконсультировались с докторами, было решено, что Ленин может диктовать ежедневно в течение 5 - 10 минут (позднее этот промежуток времени увеличили), но что эти записи не должны носить характер почтовой корреспонденции, что ему не следует принимать посетителей и что окружавшие Ленина люди не должны информировать его о текущих политических событиях[51]. Узнав о письме, Сталин, которого, должно быть, тревожили признаки враждебного к нему отношения Ленина, пришел в ярость. Воспользовавшись тем, что Центральный Комитет возложил на него персональную ответственность (по-видимому, в силу занимаемого поста Генерального секретаря) за соблюдение установленного для Ленина врачебного режима, Сталин позвонил Крупской, грубо обругал ее и

угрожал Контрольной комиссией (органом, утверждавшим партийную дисциплину) за то, что она нарушила врачебное предписание. На следующий день, 23 декабря, Крупская направила Каменеву следующее письмо:

"Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет, и во всяком случае лучше Сталина. Я обращаюсь к Вам и к Григорию (Зиновьеву), как наиболее близким товарищам В. И. и прошу оградить меня от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз. В единогласном решении Контрольной комиссии, которой позволяет себе грозить Сталин, я не сомневаюсь, но у меня нет ни сил, ни времени, которые я могла бы тратить на эту глупую склоку. Я тоже живая, и нервы напряжены у меня до крайности"[53].

Затем Ленин попросил Володичеву пока письмо не посылать, очевидно желая, чтобы Крупская предварительно с ним ознакомилась. Прочитав письмо, она в большой тревоге пошла к Каменеву. "Владимир только что продиктовал стенографистке письмо Сталину о разрыве с ним всяких отношений, - сказала она и добавила: - Он бы никогда не пошел на разрыв личных

отношений, если б не считал необходимым разгромить Сталина политически"[55].

Крупская не знала, что решение о политическом уничтожении Сталина созрело по крайней мере двумя месяцами ранее. В последнюю неделю декабря 1922 г. Ленин продиктовал записи, впоследствии ставшие известными как его "завещание". Начал он 23 декабря с раздела, в котором советовал расширить число членов ЦК до 50 - 100 человек. Эта запись была передана Сталину для информирования ЦК. Сохраняя в секрете (даже от Крупской) остальные разделы документа, Ленин продолжал диктовать в течение последующих двух дней. В этой секретной части он пояснил, что численное увеличение ЦК было необходимо для того, чтобы предотвратить раскол в партии, большую часть опасности которого составляют отношения между Сталиным и Троцким. И далее следовало:

"Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

25.XII. Затем Пятаков - человек, несомненно, выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечания делаются мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая дополнить свои знания и изменить свои односторонности".

К этому разделу Ленин 4 января 1923 г. сделал добавление, рекомендуя переместить Сталина с поста Генерального секретаря. И если, начиная диктовать, он, возможно, еще и не был полностью уверен в необходимости лишить Сталина власти, то теперь все

сомнения рассеялись. Поэтому продолжение этого раздела записей имело следующее содержание:

"Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или эта такая мелочь, которая может получить решающее значение"[57]. Но не следует полагать, что то была единственная причина. В конце своих записей по национальному вопросу, продиктованных 30 и 31 декабря, Ленин сказал о необходимости в обращении великороссов с малыми народами избегать всяких грубостей. И в это время он думал о скандальном случае рукоприкладства, допущенного Орджоникидзе по отношению к Кобахидзе. Как писала Фотиева в мемуарах, из грузинских источников до Ленина доходила также информация о намерениях Сталина и Орджоникидзе выжечь националистические настроения каленым железом. Для Ленина все это было примером грубости не только в отношениях между отдельными людьми, но и в политических отношениях между некоторыми руководителями и целыми социальными группами - нерусскими народностями. Более того, в своих записях он

дал понять, что за проявленную в Грузии коллективную грубость Сталин несет большую, чем Орджоникидзе, ответственность.

Через четыре дня, когда все это было еще свежо в памяти, Ленин продиктовал добавление. Стоит ли удивляться, что он начал словами: "Сталин слишком груб..."

Документ, в котором это добавление появилось, стал в известной мере "завещанием" Ленина (его так впоследствии и называли). Ленин, по-видимому, не исключал возможности, что записи будут его посмертным наказом партийному руководству. И все-таки подобное определение может в какой-то степени ввести в заблуждение, ибо Ленин диктовал письмо тому самому съезду, на котором все еще надеялся лично присутствовать или которым, на худой конец, полагал руководить из Горок с помощью письменных директив. Сознавая, что может умереть или в любой момент полностью потерять работоспособность, Ленин, однако, надеялся прожить и сохранить достаточную активность еще некоторое время. И, проявляя в обращении с документом сугубую осторожность, стремясь сохранить его содержание в строгом секрете (что совершенно естественно, когда речь идет о завещании), Ленин тем не менее тешил себя надеждой, что не кто иной, а он сам вскрыет запечатанный конверт и обнародует его содержание, используя материалы в политических целях. Все упования Ленина были связаны с 30 марта, когда намечалось открыть XII партийный съезд. В какой-то момент врачи дали понять, что после недели абсолютного покоя он, возможно, окажется в состоянии выступить на съезде. И вот перед тем, как начать 23

декабря диктовать Володичевой, Ленин сказал: "Я хочу Вам продиктовать письмо к съезду. Запишите!"[59].

Во второй статье, названной "Лучше меньше, да лучше", Ленин перешел от колючих фраз к прямым обвинениям. Значительная часть сочинения представляла собой сокрушительную критику Сталина, которая развертывалась на основе ленинских идей о реорганизации Рабкрина. Дела с госаппаратом, говорилось в начале статьи, до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что следовало искать пути борьбы с его недостатками. Необходимо было, по мысли Ленина, сделать Рабкрин орудием улучшения аппарата и образцовым учреждением, которыми он пока не является. "Будем говорить прямо, - писал Ленин. - Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать". И чтобы никто не усомнился в том, что под огнем критики находится именно Сталин (поскольку официально он больше не руководил этим учреждением), Ленин по ходу изложения задал вопрос "любому из теперешних руководителей Рабкрина или из лиц, прикосновенных к нему, может ли он сказать мне по совести - какая надобность на практике в таком наркомате, как Рабкрин?" (курсив мой - Р. Т.). И прежде, чем перейти к выводам, Ленин еще раз ударил по Сталину как главному попечителю партийного аппарата. Он, в частности, заметил: "В скобках будь сказано, бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных"[61]. Как видно, в этот промежуток времени предпринималась попытка воспрепятствовать ее публикации. Как сообщил Троцкий

в своем "Письме в Истпарт", Бухарин (тогда редактор газеты "Правда") не решался санкционировать печатание статьи. На специальном заседании Политбюро (созванном по требованию Троцкого после того, как Крупская по телефону попросила помочь в данном деле) Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин и Бухарин выступили против публикации статьи, а Куйбышев даже предложил для успокоения Ленина отпечатать ее в единственном экземпляре "Правды". Однако Троцкий, поддержанный Каменевым, в конце концов одержал верх, доказав, что любое произведение Ленина просто невозможно утаить от партии[63].

Зачем Ленину понадобилось подобное заявление, да еще и в письменном виде, догадаться нетрудно. Как мы уже видели, он готовил затрагивающее многие аспекты письмо против Сталина, имея в виду сместить его с должности Генерального секретаря. В качестве главного обвинения выдвигалась чрезмерная грубость Сталина. И чтобы, несмотря на возможные попытки некоторых кругов оправдать Сталина, сделать обвинение неопровержимым, Ленин (юрист по образованию) хотел этот факт задокументировать. Доклад комиссии по результатам разбирательства в Грузии, должно быть, предоставил Ленину достаточное для этой цели количество материала, который он, однако, решил дополнить сообщением (несомненно, на закрытом заседании) о грубой выходке Сталина по отношению к Крупской. В данном случае документация имела бы вид собственноручного признания Сталиным своей вины.

Наверняка план Ленина удался бы, если здоровье позволило бы изложить суть дела перед судом партийного съезда. Но ко времени открытия съезда в середине апреля Ленин полностью утратил способность к

активной деятельности. И бумаги с рекомендациями, касавшимися смещения Сталина с занимаемой должности, были вскрыты только спустя некоторое время после смерти Ленина в январе 1924 г.

Хотя паралич и смерть Ленина явились для Сталина политическим спасением, нет никаких свидетельств, что Сталин что-то предпринимал, чтобы ускорить подобный исход. Это нужно особо подчеркнуть в связи с подозрением, высказанным позднее Троцким. Как он писал, на заседании Политбюро в конце февраля 1923 г. Сталин в присутствии Каменева, Зиновьева и самого Троцкого сообщил, что его (Сталина) внезапно позвал к себе Ленин и попросил яду. На замечание Троцкого, что доктор Гетье (домашний врач Ленина и Троцкого) не отказался от надежды на выздоровление Ленина, Сталин ответил: "Я высказал ему все это... Но он не желает слушать никаких доводов. Старик мучается и хочет иметь яд под рукой. Он использует его только в том случае, если убедится, что положение безнадежно". По словам Троцкого, голосования не проводилось, но присутствовавшие на заседании разошлись с четким пониманием того, что просьбу Ленину они не вправе даже обсуждать. Троцкий добавил, что может ошибиться в некоторых деталях эпизода, но не в том, что он имел место[65]. Но независимо от ответа на данный вопрос ясно одно: откровенная фальсификация исторических событий противоречила характеру Троцкого. Кроме того, нет ничего невероятного в том, что Ленин, опасаясь длительного периода паралича, который мог предшествовать смерти, попросил яду, и именно у Сталина, уполномоченного партией следить за соблюдением больным предписанного врачами режима. Бесполезно гадать, действительно ли Ленин, как

заявляет Троцкий, видел в Сталине единственного человека, который мог согласиться выполнить просьбу о яде. Если он и обращался к Сталину с подобной просьбой, то это могло произойти или до 13 декабря, или же в тот самый день, когда они встретились в последний раз. Ничем не подтверждается и гипотеза Троцкого о том, что Сталин, возможно, на свой страх и риск взялся исполнить просьбу Ленина. Поступить таким образом после обсуждения проблемы с остальными членами Политбюро, которые как один высказались против, было бы слишком рискованно в политическом отношении (если бы об этом узнали). К тому же у Сталина в то время было меньше оснований опасаться выпадов Ленина, чем в начале марта. Помимо возможного влияния других сдерживавших факторов, Сталин не принадлежал к людям, готовым пойти на подобный риск.

Сталин и культ Ленина

Как мы уже видели, в последние годы жизни Ленина только его протесты одерживали рост народного преклонения перед ним. Поэтому неудивительно, что возникновение культа Ленина совпало с периодом его болезни и кончины. Подобная тенденция четко проступила уже в той манере, в которой на XII съезде говорили о Ленине и его учении. Задал тон, открывая съезд, Каменев. Он, в частности, сказал: "Мы знаем только одно противоядие против любого кризиса, против любого неверного решения: это учение Владимира Ильича".

Но все сдерживающие начала исчезли сразу же после смерти Ленина, и его культ расцвел пышным

цветом, превратившись в один из институтов советского коммунизма. Толчком послужила целая серия изданных в это время правительственных постановлений. День смерти Ленина, 21 января, объявили ежегодным днем траура. Петроград переименовали в Ленинград. Памятники Ленину надлежало воздвигнуть в Москве и других крупных городах. Вновь созданному Институту В. И. Ленина поручалось подготовить массовое издание его трудов на различных языках. И якобы для того, чтобы предоставить всем, кто не смог прибыть в Москву в день похорон, возможность проститься с Лениным, было решено гроб с его телом установить в склепе, сооруженном у Кремлевской стены на Красной площади, и сделать доступным для посещения народом. Примечательное заявление в связи с последним решением сделал Зиновьев в статье, напечатанной в газете "Правда" 30 января 1924 г. "Как хорошо, сказал он, - что решили хоронить Ильича в склепе! Как хорошо, что мы вовремя догадались это сделать! Зарыть в землю тело Ильича - это было бы слишком уж непереносимо". Со временем, продолжал он, поблизости вырастет музей Ленина, и постепенно вся Красная площадь превратится в "Ленинский городок", и в грядущие десятилетия и века сюда начнется паломничество сотен миллионов людей не только со всех концов России, но и со всего мира.

И забальзамированное тело было выставлено в небольшом деревянном склепе, который превратился в главную святыню культа Ленина. Толпы правоверных или просто любопытствующих текут с тех пор ежедневно нескончаемым потоком мимо стеклянного гроба, и на Красной площади длинные очереди терпеливо ждущих людей стали привычной картиной во все времена года. Когда в 1929 г. сооружение из дерева заменили

мавзолеем из гранита, культ Ленина прочно вошел во все сферы советской общественной жизни. Институт В. И. Ленина готовил к печати собрания сочинений и проводил исследование его трудов, которые цитировались, подобно Священному писанию, для обоснования идей по бесчисленным проблемам. Жизнь и деятельность Ленина стала темой великого множества книг, с которыми знакомились советские люди уже в первые школьные годы. Всюду были его портреты, статуи, бюсты. По словам иностранцев, много путешествовавших по России во второй половине 20-х годов, даже в крестьянских избах можно было встретить дешевую репродукцию портрета Ленина, нередко висевшую рядом с иконами[67].

Сторонники подобного объяснения обычно ссылаются на удивительную "клятвенную" речь Сталина, произнесенную 26 января 1924 г. на II Всесоюзном съезде Советов. И хотя, помимо Сталина, выступило много других видных большевиков, именно в его словах наиболее отчетливо прозвучало ритуальное возвеличивание почившего вождя. Как мы уже отмечали[69].

Выделение роли Сталина в создании культа Ленина вполне оправданно. Помимо того вклада, который он внес своей "клятвенной" речью, ему, по всей видимости, принадлежит главная заслуга в решении выставить забальзамированное тело Ленина для народного поклонения и тем самым дать коммунизму Гроб Господень. Этот шаг поверг в смятение многих большевиков. И должно быть, именно этот шаг побудил овдовевшую Крупскую поднять голос протеста против насаждения культа Ленина. В заметке, опубликованной в "Правде" 30 января 1924 г. якобы с целью отблагодарить

всех тех, кто выразил свое соболезнование, Крупская умоляла не допустить того, чтобы траур по Ленину принял форму "внешнего почитания его личности". Она просила не воздвигать ему памятников, дворцов его имени, не устраивать пышных торжеств в его память. В заключение Крупская писала: "Хотите почтить имя Владимира Ильича - устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д. и самое главное - давайте во всем проводить в жизнь его заветы"[71].

Несмотря на свидетельства особой ответственности Сталина за решение относительно бальзамирования тела Ленина, тенденция изображать его чуть ли не создателем культа Ленина является ошибочной. Если говорить в более общих чертах, то ни один из изложенных выше взглядов на происхождение культа, по-видимому, не отвечает в полной мере истине, хотя в каждом содержится какая-то ее доля. Большевистские руководители, конечно же, желали использовать символ Ленина как средство пропаганды для усиления народной поддержки своего режима, и это соображение, возможно, помогло преодолеть присущее им как марксистам отвращение к мумифицированию тела Ленина. Есть также доля правды и в теории, согласно которой возникновение культа Ленина - это рецидив русской религиозности, имевший место при содействии (может быть, частичном) Сталина. Но все эти объяснения неисчерпывающи, по крайней мере по двум причинам. Одна связана со Сталиным, другая - с большевистским движением.

Безусловно, Сталин имел большое влияние на весь процесс создания культа Ленина, однако указание на его восточную натуру и религиозное воспитание в духе

русского православия еще не объясняет в полной мере, почему он так поступил. Совершенно очевидно, что Сталин не придерживался религиозных взглядов в общепринятом понимании. Хотя он временами и использовал традиционные церковные выражения, например назвав членство в партии "святая святых", Сталин, как и другие старые большевики, был тверд в своем марксистском атеизме. Он признавал и поклонялся единственному богу - "богу истории", к которому он взывал от имени революционной России, выступая в 1920 г. в Бакинском Совете. Но именно это обращение свидетельствует о том, что марксизм Сталина имел своеобразный религиозный налет. Он представлял себе историю как драму столкновения добра и зла, в которой классы, государства и отдельные личности играют чрезвычайно важную роль. Более того, марксизм Сталина был набором догм по фундаментальным вопросам. С этих позиций привнесение с помощью культа Ленина в нарождавшуюся коммунистическую культуру России определенных обрядов и ритуалов могло показаться ему совершенно естественным, как, впрочем, и многим другим большевикам того времени.

Доктринерский марксизм Сталина почти с самого начала был марксизмом по Ленину, или "марксизмом-ленинизмом", если использовать выражение, которое в России 30-х годов само превратилось в догму. Эта побудительная причина возведения Ленина и его учения на пьедестал дополнялась практической политической заинтересованностью в том, чтобы еще выразительнее подчеркнуть права старых ленинцев, подобных Сталину, в противовес бывшим противникам Ленина, к которым принадлежал Троцкий. Но другая, и главная, причина

связана со значением Ленина в жизни Сталина. Когда Сталин в молодости начал отождествлять себя с Лениным, взяв его за образец героя в революционном движении и намереваясь стать его боевым товарищем, он сформировал для себя собственный культ личности, ставший главной осью, вокруг которой вращался весь его внутренний мир. Это был двойной культ, при котором Ленин и Сталин как два прославляемых вождя оказывались неразрывно связанными с исторической судьбой русского коммунизма. Следовательно, взяв на себя инициативу в деле создания народного культа умершего Ленина, Сталин выразил глубоко скрытые мысли и (возможно, подсознательно) подготовил почву для будущего культа второго вождя.

Такое объяснение основывается на предположении, что Сталин вообще-то не испытывал враждебных чувств к Ленину, несмотря на моменты напряженности в отношениях между ними, о которых шла речь выше. В сущности, единственным официально зафиксированным свидетельством неприязни может служить вскользь упомянутый "национальный либерализм товарища Ленина", который к тому же явился следствием излишне горячей реакции на упрек Ленина в торопливости при решении конституционных проблем. Конечно же, Сталин в самом деле не одобрял "национальный либерализм" и больше не считал больного Ленина 1922 и начала 1923 г. прежним гигантом. Не исключено также, что ухудшение здоровья он относил на счет, как ему представлялось, политических упущений Ленина. Возможно, конфликт возник еще и потому, что Сталин слишком рано начал действовать в роли второго вождя или официального преемника, то есть в роли, давно предусмотренной его собственным жизненным сценарием. Во время

конфликта, однако, он не занимал по отношению к Ленину агрессивно-враждебной позиции; скорее можно говорить о воинственном настрое Ленина против Сталина.

Ведь ссора с единственным человеком, так много значившим в его сознательной жизни, - с человеком, к которому, судя по имеющимся в нашем распоряжении немногим свидетельствам, он питал что-то вроде любви, сопровождалась бы для Сталина чрезвычайно тяжелыми переживаниями. Такой оборот дела был бы чреват одними неприятностями, ибо даже и очень болезненной, но готовый к борьбе Ленин представлял собою грозного противника. И вряд ли у Сталина на этот счет были какие-либо иллюзии, когда он получил от Ленина последнюю холодно-враждебную записку, требовавшую извинений за грубую выходку по телефону в отношении Крупской. И когда через несколько дней Ленина парализовало, Сталин, должно быть, испытал чувство огромного облегчения.

Но отношения, на которых покоится структура человеческого самоотождествления, обычно противятся разрушению. В рассматриваемом же случае это сопротивление должно было быть особенно сильным, поскольку объект личного культа имел не одну (Ленин), а двойную фамилию (Ленин-Сталин). И самооценка Сталина была, таким образом, тесно связана с его поклонением Ленину. По этой причине тяжелая болезнь и смерть Ленина, возможно, принесли Сталину как политическое, так и психологическое избавление. Ленин, с которым не нужно было больше соперничать и которого теперь не было нужды опасаться, стал Лениным, которому можно было, как прежде, поклоняться и чьим заповедям можно было присягать на вечную верность,

как это сделал Сталин в своей "клятвенной" речи. К такому Ленину можно было снова питать те безраздельные чувства благоговения и восторга, о которых Сталин, обычно не расположенный открыто признаваться в сокровенном, говорил 28 января, выступая перед кремлевскими курсантами.

Но Сталин вовсе не был единственным большевиком, испытывавшим к Ленину подобные чувства и выражавшим их в тот период народной скорби, когда возник культ Ленина. Поэтому нам кажется, что объяснения данного явления, которые не учитывают феномена большевизма, страдают крупным недостатком. Рассмотренные во второй главе книги факты свидетельствуют о том, что большевистское движение содержало в себе скрытые тенденции к созданию культа Ленина. Они стали заметны при проявлениях чрезмерного превознесения его личности, имевших место в партии по различным поводам в последние годы жизни вождя. Необходимо понять (как это, по-видимому, к своему ужасу, обнаружил Ленин), что то были лишь предвестники будущих событий, представлявшие культ личности в зародыше.

Со смертью Ленина исчезли все препоны, которые он при жизни воздвиг на пути свободного выражения чувств большевиков по отношению к нему, и сразу же стали заметны упоминавшиеся выше тенденции. До нас дошли свидетельства о рыдающей людской массе, когда Калинин 22 января объявил о смерти Ленина сотням делегатов, собравшихся на заседание съезда Советов. Большевики скорбели; мало того - у всех появилось чувство, свойственное внезапно осиротевшим людям. Это чувство нашло образное выражение в заголовке одной из статей "Правды" за 24 января, названной коротко:

"Осиротелые". В том же номере была напечатана статья Троцкого, спешно переданная с Кавказа по телеграфу. "Партия осиротела, - говорилось в ней. - Осиротел рабочий класс. Именно это чувство порождается прежде всего вестью о смерти учителя, вождя". В редакционной статье, написанной Бухариным и озаглавленной "Товарищ", присутствовал аналогичный образ. "Товарищ Ленин, - писал Бухарин, - ушел от нас навсегда. Перенесем же всю любовь к нему на его родное дитя, на его наследника - на нашу партию". Еще более примечательная символика содержалась в обращении Центрального Комитета ко всем членам партии и трудящимся. Умер человек, говорилось в начале обращения, под боевым водительством которого партия водрузила красное знамя Октября по всей стране. Умер основатель Коминтерна, вождь мирового коммунизма, любовь и гордость международного пролетариата, знамя угнетенного Востока, глава рабочей диктатуры в России. Продолжая в том же духе, обращение неожиданно сбилось на полумистический тон: "Но его физическая смерть не есть смерть его дела. Ленин живет в душе каждого члена нашей партии. Каждый член нашей партии есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья есть коллективное воплощение Ленина". В своей траурной статье Троцкий сказал то же самое, но более простыми словами. "В каждом из нас, - писал он, - живет частица Ленина - то, что составляет лучшую часть каждого из нас".

В свете подобных фактов, число которых можно приумножить, нельзя согласиться с той точкой зрения, что культ Ленина был чужд самой природе русского коммунизма и что его можно объяснить только влиянием пережитков прошлого, носителем которых явился

получивший церковное воспитание восточный большевик по имени Сталин. Этот культ в момент формирования представлял собою коллективное проявление партийных чувств к своему вождю. Некоторые из наиболее просвещенных (с точки зрения западной культуры) большевиков выражали свои эмоции особенно живо и горячо. Возможно, что редакционной статье Бухарина и недоставало ритуального ритма сталинской "клятвенной" речи (текст которой появился в "Правде" лишь 30 января), но зато ее эмоциональное воздействие было значительно сильнее, и она, по-видимому, в большей степени способствовала возникновению культа Ленина.

"Точно разрушилась центральная станция пролетарского ума, воли, чувства, которые невидимыми токами переливались по миллионам проводов во все концы нашей планеты, - писал Бухарин. - Товарищ Ленин был прежде всего вождем, таким вождем, каким история дарит человечество раз в сотни лет, по именам которых потом отсчитывают эпохи. Он был величайшим организатором масс. Точно великан, шел он впереди людского потока, направляя его движение". Бухарин постарался объяснить величие Ленина как руководителя масс необычайной чуткостью к их запросам. Но он же подчеркнул и авторитарные качества его руководства. "Он был диктатором в лучшем смысле этого слова, заявил Бухарин. - Впитывая в себя, точно губка, все токи жизни, перерабатывая в своей изумительной умственной лаборатории опыт сотен и тысяч людей, он в то же время мужественной рукой вел за собой, как власть имеющий, как авторитет, как могучий вождь". И в заключение Бухарин следующим образом описал отношение к Ленину сподвижников: "Вряд ли можно найти в истории такого вождя, который был бы так любим своими ближайшими

соратниками. У всех у них было к Ленину какое-то особое чувство. Они его именно любили".

Ссылаясь на ленинскую критику возвеличивания личности, советские публикации послесталинского периода осудили культ Сталина, процветавший в 30-е и 40-е годы, как не свойственное коммунистической идеологии явление. Культ личности якобы вообще противоречил самой природе коммунизма как движения и как системы[73]. Затем 21 мая завещание представили Центральному Комитету, собравшемуся на предсъездовский пленум. Один из сотрудников секретариата Сталина, присутствовавший в качестве технического секретаря и впоследствии эмигрировавший, следующим образом описывает реакцию зала, когда Каменев зачитывал документ: "Мучительная неловкость парализовала собрание. Сталин, сидевший в президиуме, чувствовал себя униженным и жалким. Несмотря на самообладание и деланное спокойствие, по лицу Сталина было видно, что решалась его судьба"[75]. По словам Бажанова, голосование по предложению Зиновьева и Каменева о прекращении прений проводилось простым поднятием рук. Сталин был спасен.

Оставалось решить, как поступить с сенсационным документом, и прежде всего следует ли и в какой форме ознакомить с ним партийный съезд. Против предложения Каменева не сообщать о нем съезду выступила присутствовавшая на пленуме Крупская, и тридцатью голосами против десяти было принято решение - ознакомить с документом участников съезда в конфиденциальном порядке путем оглашения по делегациям основных партийных организаций и не обсуждать его на открытых заседаниях[78]. Когда Сталин на послесъездовском пленуме вновь избранного

Центрального Комитета предложил свою отставку, ее отклонение было, таким образом, делом предрешенным.

На том основании, что "Письмо" Ленина адресовалось съезду и не предназначалось для прессы, решили его не публиковать. Но новость столь сенсационного характера, известная почти одной тысяче двумстам делегатам со всех концов страны, неизбежно должна была распространиться в партийных кругах, передаваемая из уст в уста. Она также стала известна за границей благодаря Максу Истмену, молодому американцу - стороннику Троцкого. Истмен изложил суть "завещания" и описал события, связанные с последними месяцами жизни Ленина и последующим периодом, в опубликованной в 1925 г. книге "После смерти Ленина". Троцкий, на которого Истмен сослался как на источник, уступая изрядному давлению Политбюро, опубликовал в партийном журнале "Большевик" статью с критикой книги Истмена и назвал все разговоры о "завещании" Ленина злонамеренной фальсификацией. Однако очень скоро лидеры оппозиции, включая самого Троцкого, начали остро критиковать Сталина, упоминая, помимо прочего, "завещание" Ленина и требуя опубликовать этот документ. Подпольные типографии оппозиции стали выпускать копии "завещания", которые, по словам Зиновьева, конфисковывались секретной службой в качестве доказательства нелегальной печатной деятельности. "Почему, - вопрошал Зиновьев, "завещание" Ленина стало нелегальным документом?"

Примечания

1 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence. N. Y., 1967, p. 357. Троцкий относит данный эпизод к X съезду (My Life. N. Y., 1930). Об этом же он говорил и в ЦК 23 октября 1927 г. (The Real Situation in Russia. N. Y., 1928, p. 7). Если это действительно произошло во время X съезда, то данный инцидент может объяснить, почему на послесъездовском заседании ЦК старшим по рангу секретарем избрали Молотова, а не Сталина.

3 Там же, с. 548.

5 Сталин И. В. Соч., т. 4, с. 31 - 32.

7 См. выше, с. 160.

9 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 158, 183 - 184.

11 Там же, т. 2, с. 365.

13 Там же. т. 10, с. 51.

15 Сталин И. В. Соч., т. 13, с. 113.

17 Там же, т. 5, с. 238 - 239, 245.

19 Ленин В. И. Соч., 2-е изд., т. 25, с. 624. с. 13 - 24; Levin Moshe. Lenin's Last Struggle, ch. 4; Pipes Richard. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917 - 1923, ch. 6.

24 Это письмо Сталина полностью не публиковалось. Ссылки на него, в особенности на обвинение Ленина в "национальном либерализме", см. в: Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 45, с. 558. Частично текст письма приводит Троцкий в: The Stalin School of Falsification. N. Y., 1962, p. 66 - 67.

26 Хармандарян С. В. Ленин и становление Закавказской федерации, 1921 - 1923. Ереван, 1969, с. 361. Центральным органом управления при царизме являлась канцелярия наместника. Закавказский регион был разбит на пять губерний.

28 Хармандарян С. В. Ленин и становление Закавказской федерации, 1921 - 1923, с. 203 - 205, 214 - 215.

30 Хармандарян С. В. Ленин и становление Закавказской федерации, 1921 - 1923, с. 217.

32 Там же, с. 344.

34 Там же, с. 351, 352 - 354.

36 Там же, с. 370.

38 Фотиева Л. А. Из воспоминаний о В. И. Ленине, с. 54. Последнюю приведенную выше фразу использовал Сталин в своем выступлении в Тифлисе 6 июля 1921 г. В московской печати эта речь не публиковалась.

40 Фотиева Л. А. Из воспоминаний о В. И. Ленине, с. 63.

42 Цит. по: Trotsky L. My Life, p. 484. Фотиева добавила, что слово "бомба" употребил Ленин. Немного позднее в тот же день, сознавая, что его состояние ухудшается, Ленин изменил свое решение и уполномочил Троцкого ознакомить с материалами Каменева (там же, с. 482).

44 Trotsky L. Stalin: An Appraisal of the Man and His Influence, p. 366. Троцкий, как и Сталин, отказался, и с политическим докладом выступил Зиновьев.

47 Двенадцатый съезд РКП(б), с. 613 - 615, 573. Для иллюстрации преобладавшей на съезде атмосферы

великорусского шовинизма Бухарин привел выдержку из беседы с одним из делегатов от окраинных регионов. "Ну, что у вас нового?" - спросил Бухарин. "Да что, ничего нового, - ответил он, - вот националов душим" (там же, с. 86).

49 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 470 - 471. Сведения заимствованы из дневника дежурных секретарей, опубликованного в т. 45 (с. 457 - 486). Впервые материалы дневника были напечатаны в журнале "Вопросы истории КПСС" (1963, в" -- 2). Записи в дневнике охватывают период с 21 ноября 1922 г. по 6 марта 1923 г. Как сообщает Фотиева (Из воспоминаний о В. И. Ленине, с. 63), Ленин сказал ей 24 января 1923 г., что рассказанное Дзержинским 12 декабря об инциденте с Орджоникидзе глубоко его расстроило. Это случилось накануне второго приступа инсульта.

51 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 327 - 328. Над текстом письма Крупская написала, что письмо продиктовано с разрешения профессора Ферстера, а после текста добавила, что Ленин просил передать ответ по телефону (там же, с. 672).

53 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 329 - 330.

55 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 486; там же, т. 54, с. 675.

57 И в России и на Западе высказывалось предположение, что, поскольку Ленин не писал Сталину по поводу инцидента до 6 марта, Крупская, по-видимому, рассказала ему о случившемся лишь в первых числах марта. См., например: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 675 (примечание издателя); Daniels Robert V. The Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia. Cambridge (Mass.), 1960, p. 181. Из подобной

аргументации, однако, следует, что Ленин писал письмо в припадке гнева, хотя это и не обязательно так. Предлагаемая мною ниже интерпретация побудительных мотивов Ленина, хорошо согласуется с предположением о том, что он узнал об инциденте почти сразу же. И тот безусловный факт, что в момент инцидента скрыть свое глубокое огорчение происшедшим Крупской было несравненно труднее, чем в начале марта, придает этому предположению дополнительную убедительную силу. Поэтому я склонен согласиться с Луи Фишером, который утверждает, что, по всей видимости, 4 января Ленин уже знал об инциденте (The Life of Lenin. N. Y., 1964, p. 647).